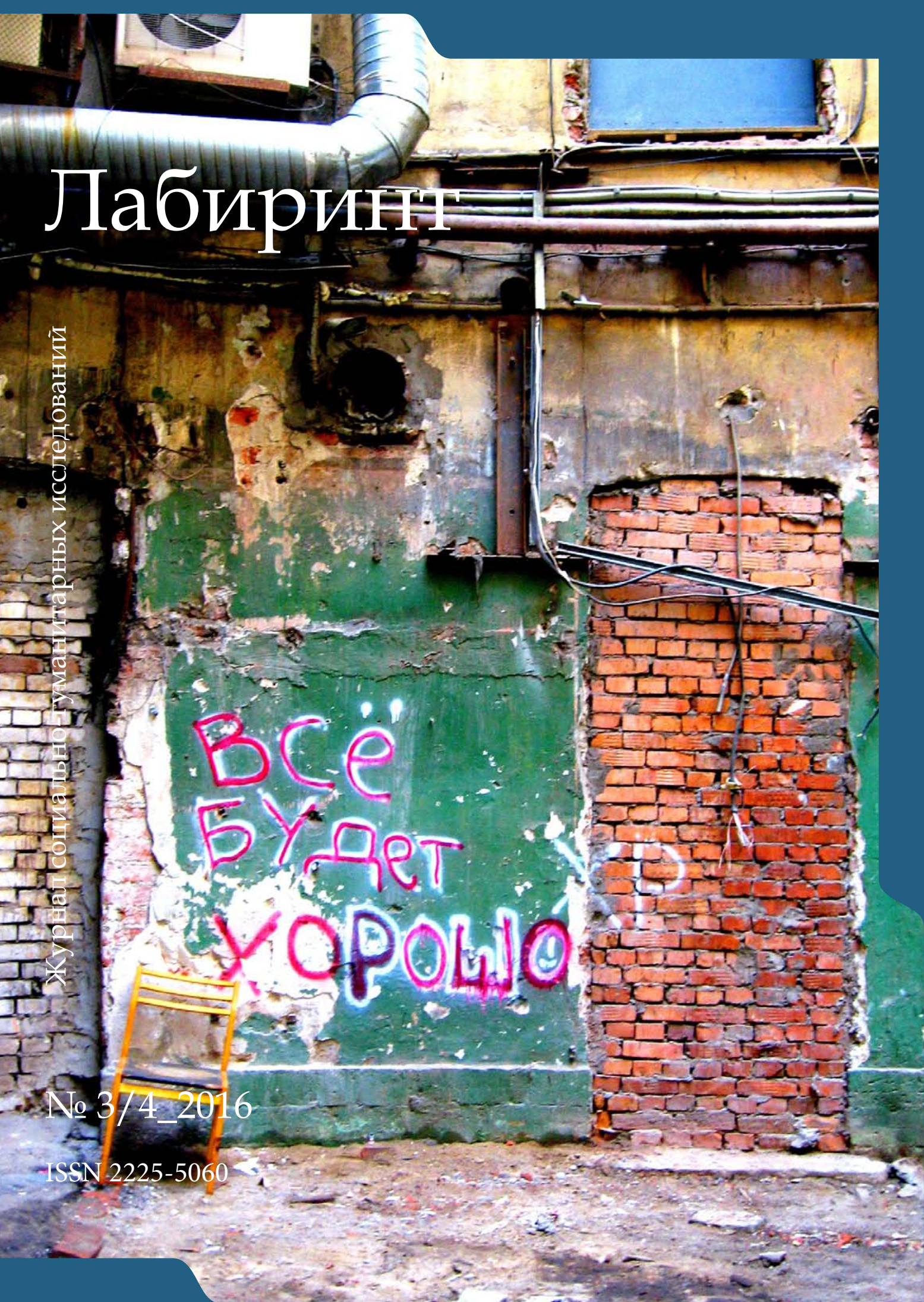

Лабиринт

Журнал социально-гуманитарных исследований

№ 3/4_2016

ISSN 2225-5060

Редакция

Тимофеев М. Ю. (д-р филос. наук) — главный редактор
Докучаев Д. С. (канд. филос. наук)
Докучаева Н. А. (канд. ист. наук)

Редакционный совет

де Лазари А. (д-р филол. наук) Лодзь, Польша
Лейбович О. Л. (д-р ист. наук) Пермь, Россия
Литовская М. А. (д-р филол. наук) Екатеринбург,
Россия
Радич Н. (д-р филос. наук) Белград, Сербия
Рябов О. В. (д-р филос. наук) Санкт-Петербург,
Россия
Рябова Т. Б. (д-р соц. наук) Иваново, Россия
Савкина И. Л. (д-р философии) Тампере,
Финляндия
Щукин В. Г. (д-р филол. наук) Краков, Польша
Ховард Д. (PhD) Сэнт Эндрюс, Великобритания

ISSN 2225-5060

Издатель: Докучаева Наталья Александровна
Адрес издательства:
153005, Россия, г. Иваново, улица Шошина 13-56
Адрес электронной почты редакции:
editor@journal-labirint.com

Редакционная коллегия

Балдин К. Е. (д-р ист. наук) Иваново, Россия
Замятин Д. Н. (канд. геогр. наук, д-р
культурологии) Москва, Россия
Зобнин А. В. (канд. ист. наук) Иваново, Россия
Игнатьева О. В. (канд. ист. наук) Пермь,
Россия
Карпенко О. В. Санкт-Петербург, Россия
Круглова Т. А. (д-р филос. наук) Екатеринбург,
Россия
Лысенко О. В. (канд. соц. наук) Пермь, Россия
Лысикова О. В. (д-р соц. наук) Саратов, Россия
Маслов Д. В. (канд. экон. наук) Иваново,
Россия
Манакон А. Г. (д-р геогр. наук) Псков, Россия
Подвинцев О. Б. (д-р полит. наук) Пермь,
Россия
Тюленев В. М. (д-р ист. наук) Иваново, Россия
Хархун В. П. (д-р филол. наук) Киев / Нежин,
Украина
Шабурова О. В. (канд. филос. наук) Москва,
Россия
Янковская Г. А. (д-р ист. наук) Пермь, Россия
Яцык А. В. (канд. соц. наук) Казань, Россия

Электронная копия сетевого научного издания

«Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований» размещена на сайтах:
www.elibrary.ru, www.cceol.com, www.indexcopernicus.com, www.journal-labirint.com

Editorial Team

Mikhail Timofeev (Ivanovo, Russia), Doctor of Philosophical Sciences, Editor-in-Chief

Denis Dokuchaev (Ivanovo, Russia), PhD in Philosophical Sciences

Natalya Dokuchaeva (Ivanovo, Russia), PhD in Historical Sciences

Editorial Council

De Lazari Andrzej (Łódź, Poland), Doctor of Philological Sciences

Oleg Leybovitch (Perm, Russia), Doctor of Historical Sciences

Maria Litovskaya (Yekaterinburg, Russia), Doctor of Philological Sciences

Nenad Radić (Belgrade, Serbia), Doctor of Philosophy

Oleg Ryabov (St. Petersburg, Russia), Doctor of Philosophical Sciences

Tatyana Ryabova (Ivanovo, Russia), Doctor of Sociological Sciences

Irina Savkina (Tampere, Finland), Doctor of Philosophy

Vasily Shchukin (Krakow, Poland), Doctor of Philological Sciences

Jeremy C. Howard (St Andrews, UK), PhD, Art History

ISSN 2225-5060

Publisher: Natalya Dokuchaeva

Postal address:

153005, Russia, Ivanovo, ul. Shoshina, 13-56

Electronic address for editorial correspondence:

editor@journal-labirint.com

Editorial Board

Kirill Baldin (Ivanovo, Russia), Doctor of Historical Sciences

Dmitrii Zamyatin (Moscow, Russia), Doctor of Culturology

Aleksey Zobnin (Ivanovo, Russia), PhD in Historical Sciences

Oksana Ignatyeva (Perm, Russia), PhD in Historical Sciences

Oksana Karpenko (St. Petersburg, Russia), Master of Sociology

Tatyana Kruglova (Yekaterinburg, Russia), Doctor of Philosophical Sciences

Oleg Lysenko (Perm, Russia), PhD in Sociological Sciences

Olga Lysikova (Saratov, Russia), Doctor of Sociological Sciences

Andrey Manakov (Pskov, Russia), Doctor of Geographical Sciences

Dmitriy Maslov (Kazan, Russia), PhD in Economical Sciences

Oleg Podvintsev (Perm, Russia), Doctor of Political Sciences

Vladimir Tulenev (Ivanovo, Russia), Doctor of Historical Sciences

Valentina Kharkhun (Kyiv, Ukraine), Doctor of Philological Sciences

Olga Shaburova (Yekaterinburg, Russia), PhD in Philosophical Sciences

Galina Yankovskaya (Perm, Russia), Doctor of Historical Sciences

Aleksandra Yatsyk (Kazan, Russia), PhD in Sociological Sciences

The electronic version of
Labyrinth. Journal of Philosophy and Social Sciences is stored on the websites:

www.elibrary.ru, www.cceol.com, www.
indexcopernicus.com, www.journal-labirint.com

Содержание

Современные модели успеха и формы признания. Престиж, статус, звания, награды, премии

М.А. Черняк

Литературная премия как диагноз актуальной словесности 6

Е.С. Березина

Стратегии управления репутацией в сообществе вернисажных художников 12

И. Савкина, А. Розенхольм

«Секрет ее успеха»: размышления о романе Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза» 22

О.В. Лысенко

Про «неуспешных» учителей: существует ли «двойной негативный отбор» в педагогике? ... 26

Социокультурные пределы развития административных центров

Р.Н. Абрамов

Пенза: поиски нового образа города на фоне амнезии недавнего советского прошлого..... 40

Н.В. Веселкова

Кто знает ваш Качканар? Труды и дни уральского моногорода..... 50

Город с областной судьбой. Эссеистика

А.Е. Левинтов

Судьбы бывших 62

А.А. Петренко-Лысак

Город и пустота: Киев как столица и областной центр 66

Кафедра

М. В. Строганов

Рафинированное и простонародное: Рильке и Андреас-Саломе в гостях у Дрожжина..... 71

Вход в «Лабиринт»

Д.О. Рябов

Образ России в политике европейской идентичности: Случай «еврооптимистов»..... 86

Рецензия

М.Ю. Тимофеев

Как становятся гиперборейями (Рец. на кн.: Российская Арктика в поисках интегральной идентичности: коллективная моногр. / отв. ред. О. Б. Подвинцев. — М.: Новый хронограф, 2016. — 208 с.)103

Contents

Contemporary Models of Success and Forms of Acknowledgement. Prestige, Status, Titles, Awards, Prizes

- M. A. Chernyak**
Literary Award as a Diagnosis of the Current Literature 6
- E.S. Berezina**
Reputation Management Among the Artists on the Vernisage Art Market 12
- O. V. Lysenko**
“Low-Status” Teachers: On the Issue of “Double Negative Selection” in Teacher’s Training 26

Sociocultural Limits of Administrative Centers Development

- R. N. Abramov**
Penza: Search for a New Image of the City in the Context of the Recent Soviet Past Amnesia..... 40
- N. V. Veselkova**
Who Knows Your Kachkanar? Works and Days of Ural Monotown..... 50

City with a Regional Fate. Essays

- A. Petrenko-Lysak**
City and Void: Kyiv as a Capital and a Regional Center 66

Rostrum

- M.V. Stroganov**
Refined and Folksy: Rilke and Andreas-Salomé Meeting Drozhzhin..... 71

Entering the «Labyrinth»

- D. Riabov**
Image of Russia in the Politics of European Identity: Case of “Eurooptimists” 86

Современные модели успеха и формы признания. Престиж, статус, звания, награды, премии

М.А.Черняк

Черняк Мария Александровна (Санкт-Петербург, Россия,) — доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы РГПУ им. А.И. Герцена; Email: ma-cher@yandex.ru

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ КАК ДИАГНОЗ АКТУАЛЬНОЙ СЛОВЕСНОСТИ

В статье рассматривается феномен литературной премии. Премии как влиятельный институт литературной жизни во многом определяют круг чтения, политику книгоиздания, перевода, тенденции литературного развития, формируют круг «модного чтения». В статье представлены эксклюзивные ответы современных писателей.

Ключевые слова: современная литература, литературная премия, читатель, элитарная литература, массовая литература

M. A. Chernyak

Maria Aleksandrovna Chernyak (St. Petersburg, Russia) — Doctor of Philological Sciences, Professor of Russian literature, The Herzen State Pedagogical University of Russia; Email: ma-cher@yandex.ru

LITERARY AWARD AS A DIAGNOSIS OF THE CURRENT LITERATURE

The article deals with the phenomenon of a literary prize. Awards as an influential institution of the literary life in many aspects determine the range of reading, the policy of publishing and literary translation and the development trends of literature, and form a circle of "fashionable reading." The article presents the exclusive answers of the contemporary writers.

Keywords: contemporary literature, literary prize, the reader, elitist literature, mass literature

В поисках ответа на вопрос о навигации в современной литературе авторы краткого справочника «60 современных российских писателей» Наталья Кочеткова и Михаил Визиль совместно с журналом для учителей словесности «Литература» предложили свою стратификацию действующих лиц актуальной словесности: современные классики (Ф. Искандер, А. Битов и др.), мэтры (В. Соколин, Л. Улицкая, В. Маканин и др.), премиальные авторы (М. Шишкин, М. Елизаров, Е. Чижиова и др.), беллетристы (Б. Акунин, Д. Рубина, А. Иванов и др.), культовые (В. Пелевин, Э. Лимонов и др.), модные (Д. Быков, З. Прилепин, Е. Гришковец и др.), недооцененные (Б. Буйда, Д. Бакин и др.), заслуживающие внимания (Вс. Бенигсен, А. Уткин и др.) [1]. Такая классификация, безусловно, субъективна, но включение в нее особого типа «премиальный автор» требует объяснения этого феномена.

Литературные премии как влиятельный институт литературной жизни во многом определяют круг чтения, политику книгоиздания, перевода, тенденции литературного развития. «Литература становится все более зависима от внелитературного контекста, художественное высказывание превращается во внехудожественный жест. В эпоху креатива и интерактива ответственность как объективная обязанность писателя замещается субъективным ответом на социальные вызовы и запросы», — справедливо полагает Ю. Щербинина [8, с. 230].

Всколыхнувшее в 2015 году литературную и околосредовую общественность присуждение Нобелевской премии по литературе Светлане Алексиевич еще раз подтвердило значение по-

добного литературного успеха для массового сознания. Кстати, в этом контексте уместно вспомнить статью А. Мелихова «Фабрика фальшивого золота», в которой писатель задает довольно болезненные вопросы: «Сегодня нобелевская премия лишь дискредитирует писателей, заставляет выискивать конъюнктурные мотивы, по которым оказались избранными именно они: что это — кость, брошенная феминисткам? Или какому-то меньшинству? Правым, живущим под властью левых, или левым, живущим под властью правых? Либералам в коммунистическом окружении или коммунистам в либеральном? Традиционалистам, борющимся с модернизаторами, или модернизаторам, борющимся с традиционалистами? <...> В итоге, берясь за книгу еще не успевшего обронзовать естественным путем нобелевского лауреата, вместо предвкушения освобожденности от мира суеты, наоборот ощущаешь недоверчивую настороженность: ну что там тебе еще собираются впарить? В чем заключается та примесь фальши, «нужности», которая позволила автору подняться на этот кратковременный пьедестал на современной ярмарке суеты?» [7].

Размышляя о премиях как об одной из стратегий легитимации литературного авторитета, А. Рейтблат и Б. Дубин отмечали: «Литературные премии интересны историку, социологу, исследователю культуры в двух планах. Во-первых, как выражение коллективной воли того или иного авторитетного сообщества, которое выделяет данный образец словесности или его создателя из множества произведений и их авторов в качестве особо значимого примера, образцового достижения. Во-вторых, в процедуре оценки и премирования социолог видит акт обобщения тех или иных значений, относящихся к литературе» [5].

Действительно, в условиях современной культуры, главным символом которой стал «товарный штрих-код, писательство утратило мессианскую направленность и превратилось в отрасль легкой промышленности по производству интеллектуальной продукции. Сегодня состоявшийся и востребованный литератор позиционируется больше не как деятель искусства, а как медийный персонаж: «человек из телевизора», участник премиального процесса, светский лев, свадебный генерал разных церемоний» [8, с. 221]. Литературные премии создают своего рода питательную среду и формируют статус «модного писателя». Мода на чтение создает условия для ускоренного развития и усложнения различных социокультурных процессов. В. Я. Аскарова, определяя феномен моды на чтение, отмечает: «В ситуации общественного признания значимости чтения, вовлечения в него различных социокультурных слоев населения формируются различные стратегии читательского поведения, культурные нормы взаимодействия с книжной культурой. Чтение берет на себя, помимо содержательной нагрузки, обусловленной его объективной ценностью (средство образования, личностного роста, художественного развития; инструмент приобретения профессионализма, базовая интеллектуальная технология), функцию инструмента социальной дифференциации. Она выступает в качестве проводника культурных ценностей, стимулирует их воспроизводство и потребление» [2, с. 8].

В 2006 г. в редакции журнала «Вопросы литературы» И. Шайтанов, бессменный литературный секретарь премии «Русский Букер», провел дискуссию «Литературная премия как факт литературной жизни». Признавая тот факт, что премии так или иначе организуют литературную жизнь, участники пришли к достаточно симптоматичным выводам: «Литературная премия в нынешней ситуации существует ровно для того, чтобы настаивать на необходимости эстетических критериев, на том, что эти критерии актуальны и применимы к любому тексту, изданному в виде книги» (О. Славникова); «Премия — один из немногих механизмов напоминания обществу о том, что литература существует. Премия все-таки — это инструмент, она не самоценна» (А. Немзер); «Текст — это прежде всего процесс, и литература — это прежде всего процесс, процесс творческий в начале, а затем — читательский, книгопродавческий. Премия превращает процесс в некоторый результат» (И. Шайтанов) [6].

Спустя десять лет автор статьи обратился к современным писателям с вопросом¹: «Критик Н. Иванова назвала современную литературу «невестой Букера» из-за зависимости от годового кру-

1. Принцип отбора респондентов был простой: я обратилась к тем писателям, с которыми знакома по разным проектам. Я очень благодарна им всем за мгновенный отклик на просьбу поучаствовать в опросе.

га литературных премий. Влияют ли литературные премии на судьбу писателя?». Ниже приводятся ответы:

- *Евгений Водолазкин*: «Влияют. Они привлекают к писателю внимание»
- *Александр Иличевский*: «Влияют, но не однозначно в лучшую сторону. Большая премия — большая ответственность. Еще и потому, что значение премии складывается из разных художественных репутаций».
- *Александр Мелихов*: «Как все суетное, они вызывает интерес тоже суетный, то есть очень краткосрочный: никто из моих знакомых литераторов не мог припомнить ни одного буковевского лауреата, если он не был им известен и помимо этого. Но если у писателя действительно есть что-то, в чем нуждается читатель, эта суета способна сильно сократить их путь друг к другу».
- *Петр Алешковский*: «Наталья Иванова сама постаралась на этой ниве и ничего почти не сделала, чтобы поддержать новое и необычное. Толстые журналы мертвы, или почти мертвы и усталость их понятна, они самомумифицировались и живут воспоминаниями о тех временах, когда главред автоматически получал лучшую комнату в доме творчества. Звезды на плечах утащили на дно толстые журналы, как и требовало того новое время».
- *Андрей Аствацатуров*: «Почти точное определение. Премияльный сезон оживляет литературную жизнь, многие надеются получить премию, иногда пишут книгу конкретно «под премию». Крупные престижные премии («Большая книга», «Букер», «Национальный бестселлер») как правило серьезным образом влияют на судьбу автора, существенно облегчают его карьеру».
- *Алексей Слаповский*: «Влияют, но недолго и неверно. Только им заинтересовались, а тут новый Букер, новый фаворит. Некоторые книги удерживаются — как «Ложится мгла на старые ступени». Не благодаря премии, а вопреки».
- *Антон Чиж*: «Я не знаю, как влияют премии на судьбу писателя потому, что никогда не получал их, и в обозримом будущем это мне точно не грозит. А современная «серьезная» литература, которая бодается за премии, вызывает искреннюю жалость: хоть чем-то приходится компенсировать отсутствие тиражей».
- *Елена Чигова*: «Не знаю, какой знак Наталья Борисовна ставит перед этим определением, но, в общем говоря, думаю, она права. Литературные премии несомненно подпитывают читательский интерес, хотя порой и направляют в ложное русло. Что касается судьбы писателя, мой опыт доказывает, что влияют. Можно сказать, что «Русский Букер» переменял мою участь».
- *Владимир Новиков*: «Такой «невестой» литература видится профессиональным кураторам, организаторам тех самых премий. Это как одна героиня О. Генри, которая, работая в ресторане, видит мужчин постоянно едящими и решает никогда не выходить замуж. По-моему, не перевелись еще поэты и прозаики, желающие дать что-то читателям, а не только извлечь из литературы корысть. Не помню, чтобы кто-то благодаря премии стал писать лучше, но народ у нас в нищете, в том числе и народ писательский. «Нельзя на людей жалеть ни одеяло, ни ласку». В 1997 году мы обсуждали проблему премий на страницах «Знамени», и я свое мнение сформулировал так: «Лучше бы их не было, но пусть их будет больше». Остаюсь «в той же позиции».
- *Всеволод Бенигсен*: «Думаю, да. Издательства заинтересованы в том, чтобы «шлёпнуть» на обложку книги «победитель такой-то премии!». Это единственное, чем можно зацепить глаз слоняющегося по магазину потенциального читателя. А то, что одни и те же имена... Ну, я бы не сказал. В лонг-листах разброс большой и меняющийся. Но тут закавыка. Члены жюри не очень-то успевают осилить все книги, поэтому читают поверхностно или вообще не читают. Ну, вот лежит с одной стороны кipa из громких имен (по которым, хоть ты тресни, но надо составить свое мнение), а с другой — кipa малоизвестных. Какая кipa предпочтительнее? Естественно, первая. Возможно, поэтому сами премии, как будто, одним и тем же даются (или не как будто? я даже не знаю — не очень слежу)»
- *Алиса Ганеева*: «Увы, да. Некоторые авторы становятся заложниками премияльных, ярмарочных и прочих внешних циклов. Сама усиленно стараюсь не попасть в водоворот и пока вроде бы получается».

• *Павел Крусанов*: «Определение не безупречное, поскольку многие авторы уже имеют свою устойчивую читательскую аудиторию, обеспечивающую определенный интерес к их книжной новинке безо всяких дополнительных усилий. Но есть здесь и большая доля правды. Литературные премии сегодня действительно способны заострить внимание читающей публики на конкретном имени и поучаствовать в счастливой судьбе той или иной книги. Я имею в виду, конечно, три основные на сегодняшний день премии: «Большая книга», «Национальный бестселлер» и «Русский Букер». Особенно это касается литературных дебютантов, или авторов, не обретших еще своего благодарного читателя. Да и вообще — дополнительный информационный повод, желательно шумный, судьбе ни одной книги еще не помешал. То есть, он, этот шум, может и не помочь, но не мешает точно. И в этом смысле институт литературных премий, если это честная констатация положения вещей в текущей литературе, а не какие-то клановые междусобойчики, — безусловное благо для литературы в целом и удостоившегося внимания профессионального жюри писателя в частности. Главное, чтобы в эти дела не вмешивалась политика, сиюминутная проблематика и пресловутая, прости господи, политкорректность».

• *Наталья Соколовская*: «Несомненно, на судьбу писателя влияют. Выигрывает ли от этого читатель? Премияльный процесс не вполне является в нашей стране отражением процесса литературного, а принял гиперболизированные формы».

• *Владимир Шпаков*: «Премии сейчас определяют многое. Лет 15 назад их влияние на судьбу автора почти не прослеживалось, но «победивший капитализм» постепенно приучил нас к состязательности, в том числе в культурном пространстве. Отсюда — внимание к тем, кто завоевал тот или иной «приз» (Букер, Нацбест, Большая книга и т.п.). Хотя подлинный масштаб автора определяют, конечно, не премии. Попасть в программу хотя бы внеклассного школьного чтения — гораздо серьезнее и почетнее для писателя».

• *Татьяна Гармаи-Рофф*: «Разумеется. В наше время режиссер, затеявая новый фильм и желая при этом заработать приз в Каннах или на Оскаре, заранее подгоняет свое произведение под требования кинофестиваля. Так и автор, мечтающий о Букере, «затачивает» книгу под требования премии. А все потому, что премия и престижна, и прибыльна. Премия сразу выделяет писателя из общей массы. К нему возникает дополнительный читательский интерес + за рубежом (переводы), отчего тиражи растут; его начинают приглашать на престижные мероприятия, от ТВ-передач и кончая курсами каких-нибудь лекций. Все это весьма способствует росту его популярности и доходов. Кроме того, каждое следующее произведение одного автора будет воспринято с большим вниманием и хорошей форой положительного восприятия, — и снова тиражи, передачи, лекции, интервью, престиж. Именно поэтому литература стала «невестой Букера» — как продажная красотка, ищущая себе богатого мужа, способного вывести ее в свет.

• *Дмитрий Вересов*: «Это относится к чрезвычайно узкому «премиальному» сегменту литературы. В целом же, на судьбу писателя куда больше влияет язык, в котором он работает. Пишущие не по-английски (или, в меньшей степени, по-испански) практически находятся в литературном гетто».

• *Мария Галина*: «С моей точки зрения премии — зло, они выносят на поверхность не лучшие тексты (яркий и ни на что не похожий текст обычно вызывает у премиального жюри бессознательный отпор и в результате торжествует текст, который всех устраивает — иными словами, никакой), а иногда и просто паршивые или случайные, а в результате даже хорошие писатели работают, подсознательно стараясь угодить требованиям премиального процесса. Ни Пелевин, ни Сорокин «Русского Букера» не получали. Если бы рейтинговых премий не было совсем, или если бы крупных премий было двадцать-тридцать и все разные, литература бы развивалась куда свободнее. Но для каждого отдельного автора премии — благо, потому что они высвечивают текст, способствуют его продвижению, републикации, переводам. Большинство авторов сейчас получают за свои книги смешные деньги, прожить на них нельзя, не надо строить себе иллюзий. Писатель — небогатый человек. И премии в этом смысле, конечно, залог хотя бы какого-то эпизодического процветания. И я

знаю несколько правильных премиальных решений (с моей точки зрения, конечно), так что не так все плохо».

• *Илья Бояшов*: «Она совершенно права. Свидетельствую: литературные премии очень влияют на писательскую судьбу».

• *Анна Берсенева*: «На судьбу в настоящем смысле слова, может, влияют и не очень, но на место в литературной иерархии — а писатель его ощущает, человек же он со всеми человеческими слабостями, — влияет безусловно. Да и издатели хватаются за любую возможность привлечь внимание читателей на современного автора, и премиальная ситуация в этом смысле влияет на них. Хотя в целом наши соотечественники — они же читатели — приведены в состояние такого интеллектуального убожества, что я вообще не очень понимаю, каким образом издатели ухитряются продавать сколько-нибудь значимое количество каких бы то ни было книг. Говорить, что хорошо продаются развлекательные книги, тоже не приходится, кстати. Ищущие развлечений давно уже не рассматривают книгу как источник таковых. Они просто не умеют извлекать развлечение из складывания букв».

• *Елена Колина*: «Об этом лучше спросить тех, кто премии получал, но, по-моему, это так, когда премию дают писателю, дорогому нам, (Коржавину, к примеру) — как это может повлиять на его литературную судьбу? Мы его нежно любим, и место его в литературе — давно его и больше ничье. Когда писателю известному, но решили дать именно в этот раз (в научном мире это называется по совокупности) — премия по сути знак уважения, и никак не влияет на уже состоявшуюся литературную судьбу. А вот когда писателю новому — это прекрасно, иногда это формирует литературную судьбу (Е. Чиждова, к примеру), а иногда (не хочется приводить примеры) награжденный больше ничего успешного не писал, так что это даже отчасти ломало литературную судьбу».

Ответы писателей еще раз подтверждают следующее: как нельзя изучать историю мировой литературы по перечню лауреатов Нобелевской премии по литературе, так, видимо, не совсем верно изучать современную литературу по литературным премиям, хотя навигатором в безбрежном литературном пространстве премии, конечно, являются. Но, например, ключевые фигуры современного литературного процесса В. Пелевин и В. Сорокин ни разу не были финалистами ни одной литературной премии. Безусловно, нужно понимать, что весь премиальный фон ориентирован на определенные страты современного литературного процесса, прежде всего, на элитарную и мидл-литературу. Из премиальных списков априори исключены все жанры и все авторы массовой литературы (этим объясняется существование отдельных премий, например, в области фантастики: Интерпресскон, Бронзовая улитка, Аэлита, Странник, АБС-премия и др.)

Однако многочисленные премии современной России («Русский Букер», «Большая книга», «Национальный бестселлер», «НОС», «Поэт» и др.) все же создают мозаичную картину актуальной словесности. Так, например, размышляя о феномене литературной премии Ивана Петровича Белкина (единственной в мире премии, названной именем вымышленного литературного героя, «автора» «Повестей Белкина» А.С. Пушкина) и о ее значении для определения тенденций современного литературного процесса, Е. Вежлян пишет: «Длинный список премии Белкина, пожалуй, можно рассматривать как частотный “срез” литературы — и тематический, и географический <...> Премия Белкина — премия за лучшую повесть года — оказывается участком литературного процесса, где — буквально и наглядно, — как шестеренки в стеклянных часах, обнажены механизмы развития прозы. В центре — ее “большая традиция”, повестью и образованная. А на периферии — будто протуберанцы — рождаются новые стратегии и приемы» [4].

Писатель и критик Д. Бавильский, размышляя о специфике бытования современного писателя, с грустью признает следующее: «Я не верю в посмертность литературного существования. Френсис Фукуяма поторопился объявить конец общей истории, но если что и закончилось, так это история литературы. Причем изменились не писатели, но читатели, их оптика. Последними великими писателями были Бродский и Солженицын, после них двери в учебник литературы закрылись. Наши творческие проекты заканчиваются вместе с нами, места на полках больше нет, поэтому работать

на будущее нет смысла. Нужно работать на настоящее, на себя и свою жизнь. Признать наличие стратегии означает признать приоритет литературы над жизнью. Мне интересна и важна именно жизнь, *наполненность ее протекания* (выделено мной — М.Ч.), которая наполняется в том числе и с помощью письма» [3]. «Наполненность протекания» литературной жизни, о которой говорит Бавильский, во многом определяется и премиальным фоном.

Библиография

1. 60 современных российских писателей. — URL: <http://kurganlib.ru/wp-content/uploads/2015/07/%D0%A1%D0%BE%D0%B2%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5-%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%B8.pdf>
2. Аскарова В.Я. Мода в чтении: постижение смысла всестороннего исследования // Мода в книжной культуре: границы дозволенного: сб.науч. ст.: ФГОУ ВПО «Челяб. гос. акад. культуры и искусств»; науч. ред., сост. В. Я. Аскарова. — Челябинск, 2010. — 207 с.
3. Бавильский Д. Беллетрист более не нужен, востребован // Дружба народов. 2011, № 7. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2011/7/ba14.html>
4. Вежлян Е. Портрет жанра на фоне премии // Знамя. 2011. № 10. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2011/10/ve19.html>
5. Дубин Б., Рейтблат А. Литературные премии как социальный институт // критическая масса. 2016. № 2. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/km/2006/2/re4.html>
6. Литературная премия как факт литературной жизни // Вопросы литературы. 2006. № 2. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/voplit/2006/2/lit6.html>
7. Мелихов А. Фабрика фальшивого золота // Иностранная литература. 2008. № 12. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/inostran/2008/12/me9.html>
8. Щербинина Ю.В. Время библиоскопов. Современность в зеркале книжной культуры. — М.: Форум:Неолит, 2016 — 416 с.

References

1. 60 sovremennykh rossiiskikh pisatelei. — URL: <http://kurganlib.ru/wp-content/uploads/2015/07/Sovremennyye-pisateli.pdf>
2. Askarova V.Ia. Moda v chtenii: postizhenie smysla vsestoronnego issledovaniia // Moda v knizhnoi kul'ture: granitsy dozvolennogo: sb.nauch. st.: FGOU VPO "Cheliab. gos. akad. kul'tury i iskusstv'; nauch. red., sost. V. Ia. Askarova. — Cheliabinsk, 2010. — 207 s.
3. Bavi'skii D. Belletrist bolee ne nuzhen, vostrebovan // Druzhba narodov. 2011, № 7. Access: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2011/7/ba14.html>
4. Vezhlian E. Portret zhanra na fone premii // Znamia. 2011. № 10. Access: <http://magazines.russ.ru/znamia/2011/10/ve19.html>
5. Dubin B., Reitblat A. Literaturnye premii kak sotsial'nyi institut // kriticheskaiia massa. 2016. № 2. Access: <http://magazines.russ.ru/km/2006/2/re4.html>
6. Literaturnaia premiia kak fakt literaturnoi zhizni // Voprosy literatury. 2006. № 2. Access: <http://magazines.russ.ru/voplit/2006/2/lit6.html>
7. Melikhov A. Fabrika fal'shivogo zolota // Inostrannaia literatura. 2008. № 12. Access: <http://magazines.russ.ru/inostran/2008/12/me9.html>
8. Shcherbinina Iu.V. Vremia biblioskopov. Sovremennost' v zerkale knizhnoi kul'tury. — M.: Forum:Neolit, 2016 — 416 s.

Е. С. Березина

Березина Елизавета Сергеевна (Москва, Россия) — аспирантка школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; стажер-исследователь ИГИТИ им. А.В. Полетаева; Email: eliz.berezina@gmail.com.

СТРАТЕГИИ УПРАВЛЕНИЯ РЕПУТАЦИЕЙ В СООБЩЕСТВЕ ВЕРНИСАЖНЫХ ХУДОЖНИКОВ

Статья посвящена исследованию самопрезентаций вернисажных художников как механизма управления артистическими репутациями. Автор рассматривает стратегии, к которым прибегают художники для конструирования и контроля собственной идентичности в глазах покупателей с целью склонить последних к покупке своих работ. Анализ устных автобиографических текстов позволяет говорить о том, что за подтверждением собственного статуса вернисажные живописцы обращаются не только к авторитету официальных культурных институций и профессиональных экспертных сообществ, но и апеллируют к выбору приобретателей как главному критерию успеха на рынке массового искусства.

Ключевые слова: рынок массового искусства, вернисаж, профессиональная идентичность, репутация, контроль за репутацией, профессиональный статус, художник как профессия

E.S. Berezina

Elizaveta Sergeevna Berezina (Moscow, Russia) — PhD student at the School of Historical Sciences of the National Research University “The Higher School of Economics” (Moscow), Research Assistant at Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities (IGITI); Email: eliz.berezina@gmail.com.

REPUTATION MANAGEMENT AMONG THE ARTISTS ON THE VERNISAGE ART MARKET

The article investigates the self-presentations of the artists on the vernisage art market as a mechanism of control over the artistic reputations. The author examines the artists' strategies for designing and monitoring of their own identity in the eyes of customers in order to persuade them to purchase their works. The analysis of oral autobiographical texts suggests that artists appeal to the authority of official cultural institutions and professional expert communities for confirmation of their status. At the same time the choice of purchasers remains for them the main criterion of success on the mass art market.

Keywords: Mass Art Market, Vernisage Art Market, Professional Identity, Reputation, Reputation Management, Professional Status, Artist as a Profession

Стратегии управления репутацией в сообществе вернисажных художников¹

Введение. Ах, вернисаж!

В июне 2015 года в рамках программы конкурса документального кино 37-го Московского международного кинофестиваля вниманию зрителей был представлен фильм «Ларисина артель» (2015) режиссера Елены Ласкари². На протяжении нескольких месяцев камера фиксировала рабочие будни группы рязанских художниц, пишущих картины на заказ для частных клиентов и покупателей-оптовиков. Основной рынок сбыта художественных изделий, выполненных в студии, —

1. Исследование осуществлено в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2016 году.

2. Страница фильма на сайте режиссера: Ларисина Артель // Елена Ласкари, 2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://elenalaskari.ru/ларисина-артель/> (время доступа: 04.06.2016).

уличные вернисажи. Спросом здесь пользуются природные, городские и морские пейзажи, яркие натюрморты с пышными букетами, копии картин передвижников; популярен и анималистический жанр — охотно раскупают изображения котят и лошадей, взрывающих водную гладь. Фильм Елены Ласкари расколдовывает мещанское очарование интерьерных картин, обнажая процесс их создания и рассказывая непростые истории занятых в производстве художниц. Он ставит вопросы о границах искусства и статусе художника на рынке массового искусства в современной России.

Эти же вопросы стали отправной точкой проведенного мной в 2014 году исследования сообществ художников, продающих свои картины на московских вернисажах. Вернисажами я называю включенные в городское пространство открытые рынки предметов изобразительного и декоративно-прикладного искусства. В Москве подобными территориями являются «Вернисаж в Измайлово» и «Вернисаж на Крымской набережной»; несмотря на череду конфликтов с муниципалитетом, продолжается торговля картинами на Старом Арбате. Деятельность столичных вернисажей с недавних пор регламентирована и находится под контролем местной администрации. В других городах России уличные рынки искусства, как правило, формируются стихийно и тяготеют к важным городским локусам: площадям, пешеходным улицам, набережным, узловым точкам туристических маршрутов. Состав «действующих лиц» вернисажа как массового художественного рынка можно назвать «камерным». Роль художника и продавца зачастую исполняет один и тот же человек, вступая в непосредственный диалог с покупателем.

Удивительно, но, несмотря на популярность и «близость народу», вернисаж как культурное явление с особым типом транслируемого здесь массового искусства долгое время оставался вне поля зрения не только исследователей (искусствоведов, социологов, культурологов), но и субъектов культурной политики. Неконтролируемое развитие подобных рынков и отсутствие знаний об их внутренней логике привели к тому, что при попытке вписать эту «дику» культуру в систему существующих культурных институтов возник продолжительный конфликт между вернисажным сообществом и представителями властных структур. Например, в октябре 2012 года началась конфронтация между распорядителями территории парка «Музеон» и художниками вернисажа на Крымской набережной. Причиной столкновения стали попытки «селекции» и «прививки» не свойственных вернисажу форм организации, в которых его хотела видеть администрация парка после реконструкции и обновления его территории [6; 7]. При этом, реальные потребности художников не учитывались, так как руководители компетентных органов проигнорировали необходимость предварительного изучения вернисажа как специфического режима реализации живописных работ.

В ходе конфликтной ситуации нередко высказывались сомнения в культурной ценности вернисажных картин, понимались вопросы об уровне живописи и мастерства художников, выставляющих там свои работы [14]. Одной из наиболее болезненных тем оказалось обсуждение профессионального статуса мастеров, усомниться в котором, по мнению противников вернисажей, заставляют не только эстетические качества их живописи, но и трудовые биографии агентов рынка массового искусства. Действительно, как показало проведенное мной исследование, профессиональные стратегии участников вернисажей весьма разнообразны. В основном, торговать картинами на улицу выходят люди предпенсионного и пенсионного возраста. У многих из них есть профильное художественное образование, но часть живописцев попадает на вернисаж из разных профессий и по причинам, не связанным с желанием творческой самореализации.

Вопреки идеализированным социальным представлениям, романтизирующим образ вернисажа как свободного рынка искусства, модели поведения его участников в большинстве случаев детерминированы практическими и коммерческими интересами. Желание угодить вкусу покупателя определяет и типологические черты «вернисажной живописи»: она не рассчитана на профессиональную критическую оценку, так как не претендует на решение задач элитарной культуры. И художник, и покупатель на открытых массовых рынках искусства конвенционально готовы к применению шаблонов, тиражированию приемов, сюжетов и целых работ, прямому и косвенному цитированию [13]. Это искусство не пытается совершить художественное открытие или качественно развить живописную традицию, но является способом отсылки к нормативному культурному об-

разцу, представлениям покупателей о красивом, модном и престижном; оно аккумулирует и воспроизводит актуальные эстетические идеалы и ориентиры публики [3].

Если элитарный рынок искусства функционирует как «рынок признания», то вернисаж, в первую очередь — «рынок вкуса»: покупатель выбирает не «имя» живописца и связанный с ним престиж обладания уникальной работой, а картину, которая отвечает его культурным запросам [4]. Однако, художнику на вернисаже важно предстать перед приобретателем «в выгодном свете». Естественная конкуренция делает необходимым условием продаж навыки коммуникации, умение выстраивать с потребителем диалог и находить компромиссы в условиях свободного ценообразования. В ситуации «высокой анонимности», когда покупатель слабо информирован о составе участников рынка, важным этапом коммуникации между зрителем и художником становится самопрезентация последнего. Определяя и предъявляя свою идентичность, художники осуществляют «пересборку» своего статуса как для покупателя, так и для самих себя.

Профессиональная идентичность художника имеет неоднородную структуру: она складывается из суждений субъекта о своей деятельности, подкрепленных высказываниями значимых для него агентов художественного поля [10, с. 142]. Эти высказывания воспроизводятся либо в форме документов (подтверждение профильного образования, экспертные заключения, членские билеты в профессиональных союзах, оформленные сделки и т.д.), либо транслируются как устные тексты (система репутаций на рынке, истории успешных продаж, вернисажный «фольклор»). В настоящей статье будут рассмотрены устные стратегии самопрезентации вернисажных художников как способ управления собственной репутацией в глазах «другого». Теоретическим аспектам проблемы профессиональной идентичности художников посвящен ряд зарубежных исследований [18; 19], а также статьи и докторская диссертация российского социолога культуры М.Л. Магидович [10; 11]. Детальный разбор концепта «репутация» дан в статье Пьера-Мари Шовена «Социология репутаций. Одно определение и пять вопросов» [15]. В качестве теоретической рамки исследования также важна работа И. Гофмана о социальной стигме, в которой он анализирует механизмы управления «испорченной идентичностью» [17]. Ощущая себя на обочине «большого искусства», в автобиографических рассказах вернисажные художники воспроизводят специфический дискурс, оправдывающий их деятельность, маргинальную по отношению к художественному мейнстриму.

Сформулированные выводы опираются на теоретический материал, результаты наблюдений и данные серии биографических интервью, проведенных с художниками в мае–июне 2014 года. Помимо сведений, собранных мной в полевых условиях, я использую вторичные данные — фрагменты бесед с художниками на вернисажах, отобранные журналистами для публикации в прессе [1; 8]. Другим важным источником для исследования являлся блог «Вернисажный художник» одного из участников рынка «Вернисаж на Крымской набережной» Михаила Матвеева, который, руководствуясь стремлением рассказать о проблемах рынка искусства в парке «Музеон», добросовестно фиксировал происходящие с художниками события, разговаривал с коллегами-живописцами и выкладывал расшифрованные записи дружеских бесед [12].

Не профессионал, не любитель, но мастер

В процессе наблюдений за тем, как устроена уличная торговля живописью и как авторы общаются с покупателями, мной было замечено, что у каждого продавца на рынке вернисаж, вне зависимости от того, художник это или посредник, существует стандартный рассказ–самопрезентация. Осуществляя контроль за репутацией, вернисажные художники в первую очередь пытаются убедить пришедших зрителей в легитимности своего присутствия на рынке искусства. Необходимость в этом возникает вследствие упомянутого во введении разнообразия путей трудовой миграции на вернисажи, ориентированные на принципиальную открытость и беспрепятственность вступления в отношения обмена: «поставить здесь треногу и продавать работы может каждый, при этом — совершенно бесплатно»³. По этой же причине, вместо оценки профессионализма, понимаемого

3. Евгений, художник, 46 л. Интервью с художниками рынка «Вернисаж на крымской набережной» 30 мая 2014 года /

обычно как наличие профильного образования, первостепенное значение здесь имеет «уровень мастерства художника», который определяется успехом у зрителя и не зависит от официального институционального признания.

Последнее замечание обнаруживает разрыв, который так или иначе затрагивался художниками почти в каждом интервью: существует несоответствие между тем, что считается «профессиональным» в сообществе дипломированных художников и тем, что «профессионально» внутри рынка вернисаж. Участники сообщества вернисажных художников не считают себя «любителями», при этом «профессионалами» среди них принято называть внешних по отношению к вернисажу субъектов. Тех, кто, как правило, настроен критически по отношению к этому рынку: «Профессиональные художники, конечно, считают, что вернисаж вообще отстой в профессиональном смысле» [1]. Более распространенное обозначение статуса художника здесь — «мастер». Один из самых активных художников вернисажа в парке «Музеон» Михаил Матвеев рассуждает следующим образом: «Я пенсионер. Профессиональный художник. Член союза художников России. Выхожу на вернисаж уже лет двенадцать и не стесняюсь этого. Рядом со мной стоят такие же профессионалы. У многих нет дипломов. Но диплом можно купить, а мастерство не купишь в метро на переходе. Мастерство приходит с годами упорного труда, да и то не всем» [12]. Художники, по их собственным словам, тратят более чем значительные усилия, средства и время на развитие своих навыков, несмотря на то, что их деятельность на рынке может быть убыточна. Один из живописцев замечает: «На вернисаже можно найти интересные, хорошие работы, но большинство художников здесь — непрофессионалы»⁴. Но именно у этих художников и покупают работы, ведь покупатели тоже «простые люди, которые не имеют художественного образования» [1].

Поиск оснований собственной деятельности и «профессионализации» приобретает внутри рынка мифотворческие черты. В рассказах информантов можно выделить три основные ситуации, в которых важна идентификация себя как художника: коллективное пространство (участие в рынке, выставке, членство в творческом союзе и т.д.), отношения обмена и заказа (коммуникация с покупателем) и время творческого поиска, когда живописец действует исходя из самостоятельно поставленных целей и задач. На вернисаже бытует целый корпус повествований, которые призваны объяснить и укрепить в сознании как художников, так и покупателей мысль о том, что картины, которые здесь продают, не хуже тех, что мы встречаем в галереях и выставочных залах. Например, художники вернисажа на Крымской набережной охотно пересказывают историю, как картина, купленная у одного из коллег, была выдана за работу Никаса Сафронова и выставлялась в известной галерее в центре Москвы. Часто говорят о том, что картины художников здесь покупают по низкой цене, а затем реализуют через галереи без ведома автора по значительно более высокой. Романтизация образа художника, связанная с его непризнанностью, «исключенным положением», отражается в репликах подобных этой: «Не нужно слишком брезгливо относиться к художникам, потому что художники — люди святые» [1].

В ответ на вопрос, что все-таки отличает «художника» от «не художника», участники вернисажа воспроизводят похожие формулы: «кто рисует, душу вкладывает в работу, тот и художник», «если человек занимается творчеством, картины пишет, то художник, что тут думать». По сути, они практически цитируют принятую в 1980 году ЮНЕСКО рекомендацию о статусе художника, согласно которой художником принято считать «всякого, кто рассматривает свою художественную деятельность как основную часть своего существования, кто вносит, таким образом, вклад в развитие искусства и культуры и кто признан или претендует на то, чтобы быть признанным художником, независимо от каких-либо отношений занятости или профессиональных ассоциаций»⁵.

интервью записала Е. Березина.

4. Владимир, художник, 53 г. Интервью с художниками рынка «Вернисаж на крымской набережной» 30 мая 2014 года / интервью записала Е. Березина.

5. UNESCO. Recommendation concerning the Status of the Artist. 1980. URL: http://www.culturalrights.net/descargas/drets_culturals409.pdf.

Союзные объединения и профессиональные организации: легитимация статуса

Однако, практически каждая личная история, транслируемая на рынке вернисаж, содержит в себе указания на профессиональные организации, в которых состоит художник. Членство в творческом союзе — статусная граница, получить разрешение на пересечение которой стремятся многие живописцы. Если в советское время наличие билета Союза художников СССР (далее — СХ СССР) было необходимым условием государственной поддержки, участия в выставках, законной реализации своих работ и получения новых заказов, то после распада СССР и ликвидации СХ СССР в 1992 году мотивы участия в организациях-преемниках союза не так очевидны.

Единый Союз художников СССР был создан в 1957 году, объединив региональные отделения (до этого ведущей организацией был Московский областной союз советских художников (МОССХ), основанный в 1932 году). Союз художников преследовал цель «создания идейных, высокохудожественных произведений искусства всех видов и жанров и трудов по искусствознанию, содействие строительству коммунизма в СССР, укрепление связи членов СХ СССР с практикой коммунистического строительства, развитие социалистического по содержанию и национального по форме искусства народов СССР, утверждение идеалов советского патриотизма и пролетарского интернационализма в деятельности советских художников»⁶. Для этого СХ СССР проводил совещания по вопросам развития советского искусства, конференции, выставки, организовывал и финансировал художественную работу, в том числе предоставлял своим членам бесплатные мастерские, организовывал творческие поездки по регионам. Именно через Союз художников осуществлялась закупка произведений искусства и происходило перераспределение заказов между художниками. Вступление в Союз означало лояльность к установленному государством творческому методу социалистического реализма и принятие озвученной в документах установки на поддержку коммунистического строительства. При этом, художники, получившие статус члена СХ СССР, вместе с билетом приобретали символическое признание власти. Это признание позволяло пользоваться системой перераспределения заказов, реализовывать свои работы через художественные салоны, участвовать в выставках, получать официальный доход, иметь социальные гарантии, быть уверенным в получении пенсии после достижения установленного возраста.

Членство в союзе было важным механизмом контроля за репутацией, которым пользовались художники. Пьер-Мари Шовен в статье «Социология репутаций» определяет репутацию как «социальную репрезентацию, разделяемую большинством, носящую временный и локальный характер, ассоциирующуюся с определенным именем и основывающуюся на более или менее влиятельных и более или менее формализованных социальных оценках» [15]. При таком понимании репутации значимым становится её социальный характер, основанный на том, что конкретную репрезентацию разделяет целое сообщество акторов. Для каждого случая состав круга публики, влияющей на формирование репутации, будет уникальным. Кроме того, очевиден вывод, что репутация как представление о человеке, его профессиональных и личностных качествах, всегда относительна, и необходимо уточнять, в глазах какой публики она сложилась. Один и тот же объект (а репутацией могут обладать не только люди, но и институты, практики, объединения), может иметь несколько репутаций, зачастую противоречащих одна другой. Из этого также следует, что репутации не универсальны и имеют временный, непостоянный характер. То, что в одном контексте считается престижным, правильным или «хорошим», в другом будет иметь негативную оценку.

Так, если режим привилегий и признание властью легитимности профессионального статуса «художник» на протяжении долгого времени рассматривались в СССР как основа положительной репутации, и другого источника оценки, кроме решения комиссии Союза художников, просто не могло быть, то в конце 1980-х появление частных галерей расширило аудиторию, оказывающую влияние на формирование статуса художника. Кроме того, интерес к независимому советскому искусству, группам художников-нонконформистов со стороны западных коллекционеров, появив-

6. Союз художников СССР // Большая советская энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия. 1972.

шихся на российском арт-рынке, изменил полярность системы установления художественной репутации. Теперь больший вес, чем билет творческого союза, стала приобретать оценка независимых экспертов, критиков и кураторов, участие в зарубежных выставках. После распада СХ СССР в 1992 году возникли многочисленные организации-преемники, которые были заняты скорее борьбой за материальное имущество, чем занимались профессиональными вопросами творчества или социальной поддержки живописцев, что, безусловно, оказало влияние на падение доверия к подобным образованиям [5]. Параллельное развитие новых экономических форм деятельности позволило художникам самостоятельно планировать свою занятость и расширило возможности реализации работ. Вместе с этим стали очевидны уже упомянутые изменения в механизмах управления репутацией: живописцы стремились завоевать расположение критиков, коллекционеров, инвесторов, аукционов.

Пространственно-временной аспект репутации Пьер-Мари Шовен предлагает анализировать через понятие «арена», заимствованное из статьи о научных репутациях Паскаля Рагуэ. По определению автора, арена — это «пространство, внутри которого завязываются отношения сотрудничества и соревнования, имеющие своей целью получение наград» [цит. по 15]. Данное понятие позволяет рассмотреть ситуации, в которых субъект формирует свою репутацию сразу на нескольких «социальных территориях», обращаясь к множественным источникам влияния. Рагуэ выделяет три характеристики, которыми обладает пространство «арены признания»: это одновременно пространство интеракции (отношений с другими акторами, лежащих в основе признания), пространство профессиональной социализации и контроля за трудом (процедуры оценки, опирающиеся на профессиональные критерии), а также пространство вознаграждения (присуждение наград, как символических, так и материальных) [15]. Союз художников, несомненно, удерживал монополию на все обозначенные «пространства», поэтому его действительно можно рассматривать как арену признания.

Можно сказать, что уличные живописцы, для которых современные Союзы художников⁷ по-прежнему остаются гарантами репутации, ориентируются на конформные стратегии контроля за статусом. Однако, как отмечает М.Р. Зезина в статье «Режим привилегий для научной и художественной интеллигенции»: «принадлежность к творческой корпорации отнюдь не означает равенства ее членов» [9]. По отношению к художественному мейнстриму такой выбор деятельности как продажа картин на массовых открытых рынках изобразительного искусства считается маргинальным. «Профессиональные», не-вернисажные художники предпочитают находить покупателей через галереи или арт-дилеров, выставляться на крупных ярмарках. Участники вернисажей признают, что сталкиваются с пренебрежительным отношением к себе как со стороны людей, наделенных полномочиями принятия решений об организации торговли искусством на улицах города, так и со стороны коллег по художественному цеху. Вернисажные художники привыкли парировать критику и сомнения в наличии у них таланта и вкуса. Свою «стигму» — несоответствие стереотипным представлениям об «успешности» в художественном мире — они оправдывают положительной репутацией у покупателей, которые «голосуют кошельком». Именно «успех у простых людей» художники предъявляют как доказательство подлинности их искусства в противовес этаблированному. *«Именно так живет настоящее искусство. Пусть со стороны это всё и выглядит сомнительно»*, — говорит один из живописцев⁸.

С одной стороны, как мы видим из наблюдений и анализа устных самопрезентаций, союзы художников и профессиональные организации (на вернисаже существует несколько зарегистрированных «товариществ») продолжают быть источником легитимации статуса на рынке массового изобразительного искусства. Как считают живописцы, ссылка на авторитет творческой организации, равнозначная коллективному признанию, влияет на доверие покупателя и делает приобретение картины более вероятным. С другой стороны, в структуре идентичности художников, работающих

7. В настоящее время приемниками Союза художников СССР являются ВТОО «Союз художников России», Творческий союз художников России, Московский союз художников, Санкт-Петербургский союз художников и т. д.

8. Александр, художник, 57 л. Интервью с художниками рынка «Вернисаж на крымской набережной» 30 мая 2014 года / интервью записала Е. Березина.

на вернисаже, ценность принадлежности к разнообразным союзам невелика. Высшая инстанция для них — покупатель. Признание публики, а не «бумаги», по мнению участников уличной торговли живописью, — самое страстное желание художника и «оправдание» его присутствия на рынке.

«Всемогущественный» покупатель

Ранее было отмечено, что критические замечания в свой адрес вернисажные живописцы воспринимают как некоторый изъян своей идентичности и стремятся преодолеть его за счет апелляции к признанию широкой аудитории и покупателей. Гари Алан Файн в статье, посвященной анализу политических репутаций, рассуждает о том, что на становление репутации оказывает влияние множественность источников и факторов, и называет такой подход к объяснению репутаций «конструктивистским» [16]. «Конструктивистская теория подразумевает наличие различных акторов и социальных групп, которые борются между собой за присвоение тому или иному объекту определенной репутации», — комментирует его идею Пьер-Мари Щовен [15]. Из этого замечания следует, что данный подход максимально учитывает многочисленные внешние источники, случайные факторы, фильтры и набор акторов, оказывающих воздействие как на становление устойчивого представления о человеке в обществе, так и на его идентичность и самоощущение. Приобретатель на вернисаже играет важную роль в сложном комплексе действий и высказываний, конструирующих художественную репутацию живописцев.

«Всемогущество» покупателя и его влияние на репутацию и статус художника неоднократно подчеркивали информанты, принимавшие участие в исследовании. О покупателях на вернисажах говорят, что они — «высшая инстанция» и «главные судьи», а приобретение работы — «единственная истинная оценка и знак признания творчества» живописцев. На рынке вернисаж, в конечном итоге, именно эстетическая интенция покупателя создает из работы художника «произведение искусства». Зритель в первую очередь оценивает эмоциональное воздействие, которое оказывает на него картина, и лишь затем присматривается к технике, исполнению, качеству материалов и т.д. Кроме того, в интервью и художники, и покупатели говорили об «ауре» картины как критерии выбора живописной работы. Представление об «ауре» здесь, безусловно, появилось из массовой эзотерики, а не канонического текста Вальтера Беньямина [2]. Как правило, перед совершением покупки, приобретатели долго расспрашивают об истории создания картины. В общении с художником они пытаются понять, что за человек перед ними, ведь они планируют повесить его работу у себя дома и та «энергетика, которая от нее исходит, может влиять на ход их жизни»⁹. Художники вспоминают эпизоды, где так или иначе на покупку повлияло «нечто неуловимое, нематериальное в искусстве». Художник Юрий Юдин рассказал журналисту Софье Авдюхиной, что как-то раз, когда он стоял со своим стендом на Арбате, к нему «подошли люди с какими-то приборами и сказали, что у его картин хорошая энергетика» [1]. После чего, они сделали заказ букетов пастелью для своего института, «что-то с лечением нервов связано». По мнению покупателей, когда художник в порыве вдохновения двигает рукой с кистью над полотном, он «подзаряжает» его своей энергетикой. Конечно, это вовсе не беньяминовское понятие ауры, но именно оно описывает «уникальное существование живописного произведения» в представлении обывателя.

Таким образом, именно покупатели легитимируют само существование вернисажа как особой формы массового рынка изобразительного искусства. Отсутствие посредников между покупателем или продавцом создает ситуацию непосредственной коммуникации, в процессе которой художник конструирует свой профессиональный статус, а покупатель подтверждает его, совершая покупку. «Если есть покупатель, то и художник имеет право на существование», — говорят здесь. На уличном вернисаже зритель «голосует кошельком, и даёт тем самым художнику творить дальше».

9. Покупатель, Ж. Интервью с художниками рынка «Вернисаж на крымской набережной» 30 мая 2014 года / интервью записала Е. Березина.

Один из художников рассуждал, что «если вернисаж кормит почти тысячу художников, значит и картины достойные и покупателям они нужны»¹⁰.

Именно общение с покупателями, ориентация на их желания и потребности организуют, в конечном итоге, творческие поиски живописцев. Информанты неоднократно упоминали, что для них общение с покупателями — способ понять, что нравится людям. Художники самостоятельно занимаются изучением различных стилей и направлений в живописи, но в своей работе главными цензорами считают именно покупателей.

Встречи с покупателями нарушают рутину повседневности вернисажа: они запоминаются, обсуждаются и становятся основой вернисажных «легенд». Так, например, излюбленный мотив устных рассказов, которые транслируются на массовом рынке живописи, можно обозначить словосочетанием «известный покупатель». Истории о том, как видный политический деятель, известный актер или певец купил работу художника, передаются «из уст в уста» и обрастают невероятными подробностями. Так, среди «звезд», ушедших не с пустыми руками, называют Гуса Хиддинка, Андрея Макаревича, Стаса Намина, Людмилу Путину, Виктора Черномырдина, Аллу Пугачеву, Иосифа Кобзона. Художники говорят, что у них часто тут покупают подарки для министров, генеральных директоров крупных компаний и, «конечно, мэра Москвы Собянина».

У подобных историй, на мой взгляд, две функции, связанные с конструированием статуса. Во-первых, внутри группы живописцев они работают на поддержание иерархии, репутаций успешных или удачливых живописцев, умелых продавцов. Во-вторых, подобные сюжеты транслируются для покупателей, позволяя в некоторой степени польстить ему, сравнив его выбор со вкусом «элиты», и тем самым позволяя ему почувствовать причастность к этой социальной группе. В-третьих, для приобретателя эти истории являются еще одним источником «авторитетного суждения», на которое они ориентируются при совершении выбора в отсутствие какой-либо информации о художнике.

В отличие от элитарного рынка искусства, где субъектами высказывания о качестве и статусе искусства являются критики, аукционные дома, кураторы, музеи и другие институты, на вернисаже принято положение, что «у каждого свое представление, о том, что такое художественное». Здесь имеет место свободное высказывание, суждение покупателя. Один назовет картины «китчем», а другой будет восхищаться работой и с удовольствием приобретет ее для домашней коллекции. Действительный интерес этих двух групп, покупателей и художников, друг в друге окрашен не только коммерческими мотивами или интересами приобретения, но и личностными, эмоциональными отношениями, что является одной из особенностей вернисажей в сравнении с другими видами рынков живописи.

Заключение

Ситуация непосредственного контакта художника и покупателя, которую предлагает модель открытого городского уличного рынка живописи, позволяет живописцам контролировать и корректировать свою репутацию в глазах приобретателя благодаря механизму самопрезентации. Тексты самопрезентации, как правило, выстроены в соответствии со стандартной схемой. При знакомстве с покупателем ему называют имя и фамилию живописца, затем непременно ссылаются на общественную организацию (союз художников, профсоюз, творческое объединение) в которой он состоит. После может следовать изложение краткой биографии художника, рассказ об «особом творческом методе», истории отдельных работ и даже уверения в «выдающихся человеческих качествах» и «широкой душе» живописца.

Анализ текстов подобных самопрезентаций позволяет выделить несколько стратегий контроля за собственной репутацией со стороны художников. В первую очередь, они стараются доказать легитимность своего профессионального статуса, так как открытость рынка вернисаж новым членам сообщества может вызвать сомнения посетителя в том, что перед ним «настоящий художник»,

10. Сергей, художник, 38 л. Интервью с художниками рынка «Вернисаж на крымской набережной» 7 июня 2014 года / интервью записала Е. Березина.

а не новичок-самоучка. Примечательно, что вернисажные художники отторгают обе характеристики — и «профессионал», и «любитель», предпочитая считаться «мастерами». Другая стратегия, позволяющая участникам рынка скорректировать свою репутацию в случае невыгодного сравнения с более успешными «профессиональными» авторами, заключается в убеждении зрителя в том, что их талант также признан в профессиональном сообществе. Гарантом этого является членство в творческих организациях и художественных союзах. На мой взгляд, обращение к авторитету подобных институциональных структур связано с тем, что большинство вернисажных живописцев получили художественное образование и были интегрированы в профессиональную систему искусства в советское время, когда получение официального статуса художника (члена соответствующего творческого объединения) действительно было важным этапом карьеры. В контексте капитализма и развития рыночных отношений, этот статус оказался не утраченным, а обесцененным: художники признаются, что для многих «членство в Союзе уже ничего не дает», а «успешным художником считается тот, у кого много продаж»¹¹. Именно поэтому особая роль в формировании репутации художника на рынке вернисаж принадлежит покупателю. Рассказывая о себе, живописцы утверждают свой статус, включая в тексты самопрезентаций истории успешных продаж. Если художник «продается», значит он признан самым главным судьей вернисажа — зрителем.

Библиография

1. Авдюхина С. «Не шедевры, конечно, но для кабинетов в самый раз»: Художники на вернисаже в парке «Музеон» о себе и своих покупателях // Афиша.Город. 07.06.2012. URL: <http://www.afisha.ru/article/hudozhniki-na-vernisazhe-v-parke-muzeon-o-sebe-i-svoih-pokupateljah>.
2. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: Избранные эссе. — М.: Медиум, 1996. — С. 15-65.
3. Березина Е. С. «Формульная живопись» в системе современного искусства // Европа-2013: гуманитарное знание между прошлым и будущим. — Вильнюс: Европейский гуманитарный университет, 2014. — С. 217-225.
4. Бикбов А.Т. Рынки культуры как рынки вкуса и признания // Неприкосновенный запас. 2004. №1(33). — С. 57-63.
5. Буденко И. Судьба творческих союзов // Социологические исследования. 2002. № 9. — С. 101-110.
6. Вернисаж возле ЦДХ в Москве сохраняют и приведут в порядок // РИА-новости. 25.06.2012. URL: <http://ria.ru/culture/20120625/681660544.html>.
7. Гавычева А. Художники ищут помощи у Собянина // Известия. 01.06.2012. URL: <http://izvestia.ru/news/526287>.
8. Горбушина Н. Эти их инсталляции всю Москву захлестнули! // Афиша.Город. 28.04.2014. URL: <http://vozduh.afisha.ru/art/eti-ih-installyacii-vsyu-moskvu-zahlestnuli/>.
9. Зезина М. Р. Режим привилегий для научной и художественной интеллигенции // Режимные люди в СССР. — М., 2009. — С. 326-346.
10. Магидович М. Л. Профессиональная идентичность художника // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. VII. 2004. № 3. — С. 139-152.
11. Магидович М. Л. Профессиональная идентичность художника и социокультурные механизмы ее формирования. Дисс. ... д-ра соц. наук. — СПб: СПбГУ, 2005. — 354 с.
12. Матвеев М. Вернисажный художник. Персональный блог художника Михаила Матвеева. 2012-2016. URL: <http://neuspechnyartist.blogspot.com/>.
13. Метальникова В. В. Формирование промежуточной культуры, ее специфика в современных условиях // Михайлова Г.Н. (Ред.) Народная культура в современных условиях: Учебное пособие. — М.: Рос. ин-т культурологии. 2000. — 219 с.
14. Цивлев К. Художники к протесту готовы! Вернисаж попросили покинуть Парк искусств на Крымском валу // Свободная пресса. 27.03.2012. URL: <http://svpressa.ru/video/article/53924/>.

11. Евгений, художник, 46 л. Интервью с художниками рынка «Вернисаж на крымской набережной» 7 июня 2014 года / интервью записала Е. Березина.

15. Шовен П. Социология репутаций. Одно определение и пять вопросов // Отечественные записки. 2014. № 1 (58). URL: http://www.strana-oz.ru/2014/1/sociologiya-reputaciy#_ftn29.
16. Fine G. A. Reputational Entrepreneurs and the Memory of Incompetence: Melting Supporters, Partisan Warriors and Images of President Harding // The American Journal of Sociology. 1996. Vol. 101. — P. 1159-1193.
17. Goffman E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. N.Y.: Prentice-Hall. 1963. — 147 p.
18. Menger P. Artists as workers: Theoretical and methodological challenges // Poetics. 2001. №28. — P. 241-254.
19. Throsby D. Defining the artistic workforce: The Australian experience // Poetics. 2001. № 28. — P. 255-271.

References

1. Avdiukhina S. "Ne shdevry, konechno, no dlia kabinetov v samyi raz': Khudozhniki na vernisazhe v parke "Muzeon" o sebe i svoikh pokupateliakh // Afisha.Gorod. 07.06.2012. URL: <http://www.afisha.ru/article/hudozhniki-na-vernizazhe-v-parke-muzeon-o-sebe-i-svoih-pokupateljah>.
2. Benjamin W. Proizvedenie iskusstva v epokhu ego tekhnicheskoi vosproizvodimosti // Ben'iamin V. Proizvedenie iskusstva v epokhu ego tekhnicheskoi vosproizvodimosti: Izbrannye esse. — M.: Medium, 1996. — S. 15-65.
3. Berezina E. S. "Formul'naia zhivopis" v sisteme sovremennogo iskusstva // Evropa-2013: gumanitarnoe znanie mezhdru proshlym i budushchim. — Vil'nius: Evropeiskii gumanitarnyi universitet, 2014. — S. 217-225.
4. Bikbov A.T. Rynki kul'tury kak rynki vkusa i priznaniia // Neprikosnovennyi zapas. 2004. №1(33). — S. 57-63.
5. Budenko I. Sud'ba tvorcheskikh soiuзов // Sotsiologicheskie issledovaniia. 2002. № 9. — S. 101-110.
6. Vernisazh vozle TsDKh v Moskve sokhraniat i privedut v poriadok // RIA-novosti. 25.06.2012. URL: <http://ria.ru/culture/20120625/681660544.html>.
7. Gavycheva A. Khudozhniki ishchut pomoshchi u Sobianina // Izvestiia. 01.06.2012. URL: <http://izvestia.ru/news/526287>.
8. Gorbushina N. Eti ikh installatsii vsiu Moskvu zakhlestnuli! // Afisha.Gorod. 28.04.2014. URL: <http://vozduh.afisha.ru/art/eti-ih-installatsii-vsiu-moskvu-zahlestnuli/>.
9. Zezina M. R. Rezhim privilegii dlia nauchnoi i khudozhestvennoi intelligentsii // Rezhimnye liudi v SSSR. — M., 2009. — S. 326-346.
10. Magidovich M. L. Professional'naia identichnost' khudozhnika // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii. T. VII. 2004. № 3. — S. 139-152.
11. Magidovich M. L. Professional'naia identichnost' khudozhnika i sotsiokul'turnye mekhanizmy ee formirovaniia. Diss. ... d-ra sots. nauk. — SPb: SPbGU, 2005. — 354 s.
12. Matveev M. Vernisazhnyi khudozhnik. Personal'nyi blog khudozhnika Mikhaila Matveeva. 2012-2016. URL: <http://neuspechnyartist.blogspot.com/>.
13. Metal'nikova V. V. Formirovanie promezhutochnoi kul'tury, ee spetsifika v sovremennykh usloviakh // Mikhailova G.N. (Red.) Narodnaia kul'tura v sovremennykh usloviakh: Uchebnoe posobie. — M.: Ros. in-t kul'turologii. 2000. — 219 s.
14. Tsivlev K. Khudozhniki k protestu gotovy! Vernisazh poprosili pokinut' Park iskusstv na Krymskom valu // Svobodnaia pressa. 27.03.2012. URL: <http://svpressa.ru/video/article/53924/>.
15. Shoven P. Sotsiologiya reputatsii. Odno opredelenie i piat' voprosov // Otechestvennye zapiski. 2014. № 1 (58). URL: http://www.strana-oz.ru/2014/1/sociologiya-reputaciy#_ftn29.
16. Fine G. A. Reputational Entrepreneurs and the Memory of Incompetence: Melting Supporters, Partisan Warriors and Images of President Harding // The American Journal of Sociology. 1996. Vol. 101. — P. 1159-1193.
17. Goffman E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. N.Y.: Prentice-Hall. 1963. — 147 p.
18. Menger P. Artists as workers: Theoretical and methodological challenges // Poetics. 2001. №28. — P. 241-254.
19. Throsby D. Defining the artistic workforce: The Australian experience // Poetics. 2001. № 28. — P. 255-271.

И. Савкина, А. Розенхольм

Ирина Савкина (Тампере, Финляндия) — доктор философии, лектор отделения русской литературы и культуры Тамперского университета; Email: irina.savkina@staff.uta.fi

Арья Розенхольм (Тампере, Финляндия) — доктор философских наук, профессор отделения русской литературы и культуры Тамперского университета; Email: arja.rosenholm@uta.fi.

«СЕКРЕТ ЕЕ УСПЕХА»: РАЗМЫШЛЕНИЯ О РОМАНЕ ГУЗЕЛЬ ЯХИНОЙ «ЗУЛЕЙХА ОТКРЫВАЕТ ГЛАЗА»

Автор романа «Зулейха открывает глаза» Гузель Яхина, наверное, могла бы по праву претендовать на звание «Мисс/миссис литературный успех 2015», если бы таковое существовало. Молодая, малоизвестная писательница пишет роман о судьбе женщины, попавшей в тяжелые исторические обстоятельства, и «просыпается знаменитой»: получает сразу множество престижных литературных премий. После выхода своего дебютного произведения в 2015 году Гузель Яхина стала лауреатом премии «Книга года», премии «Ясная поляна» и премии «Большая книга», призовой фонд которой составляет 6 миллионов рублей [3]. Кроме того, её роман вошел в число финалистов «Русского Букера» и в лонг-лист премии «НОС (Новая словесность)».

Интересно, что критерии у всех вышеназванных премий достаточно разные: если «Ясная поляна», например, поддерживает продолжателей литературной традиции, то литературная премия «НОС» основана благотворительным фондом Михаила Прохорова «для выявления и поддержки новых трендов в современной художественной словесности на русском языке» [4].

Знаменательно и то, что в случае Яхиной мнение профессионального экспертного жюри премии «Большая книга» совпало с выбором читателей, которые проводят собственное голосование за книги, вошедшие в шорт-лист премии, на ее странице в Фейсбуке. Роман переведен на 16 языков и опубликован или готовится к публикации в 24 странах [3].

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что роман Гузель Яхиной оказался интересен всем: и профессионалам, и дилетантам, и консерваторам, и новаторам. В чем секрет такого безусловного успеха, почему именно это произведение так сильно всех впечатлило и, можно сказать, сплотило и примирило?

Биография писательницы не помогает ответить на этот вопрос, ибо в ней нет ничего экстремального и занимательного, напротив, — это довольно обыкновенная и благополучная жизненная история. Гузель Яхина родилась в 1977 году в Казани, там же закончила факультет иностранных языков педагогического университета. В 1999 году переехала в Москву, где работала в области PR и рекламы. Она окончила сценарный факультет Московской школы кино, опубликовала несколько никем не замеченных рассказов в литературных журналах. «Зулейха открывает глаза» — дебютный роман Яхиной, который она пыталась безуспешно опубликовать сама, но сделать это удалось только через литературного агента [7].

И ведь, кажется, нельзя сказать, что роман этот при чтении производит впечатление чего-то совершенно нового, небывалого, что он потрясает абсолютной новизной сюжета или редкостными, неподражаемыми эстетическими достоинствами. Возможно, секрет безоговорочного успеха этого произведения лежит в другой плоскости? Вероятнее всего, единодушная симпатия к нему читателей из очень разных страт современного российского общества вызвана тем, что роман отвечает на какие-то важные и актуальные запросы и ожидания современной российской публики и, вероятно, отвечает довольно точно. Попробуем, вчитываясь в текст, понять, что это за запросы и какие это ожидания.

Действие романа начинается в 1930 году. Главная героиня — тридцатилетняя татарская женщина Зулейха Валиева — живет с суровым мужем и властной свекровью в деревне в бесконечных ежедневных трудах и унижениях. Представители новой власти во главе с коммунистом Игнатовым убивают ее мужа, а беременную (как обнаруживается некоторое время спустя) Зулейху вместе с

другими кулаками и прочими врагами народа везут в вагонах для скота в Сибирь, где на голом берегу Ангары те, кому удалось пережить путь на Голгофу, строят «социалистический поселок» Семрук. Главным для Зулейхи в этой совершенно новой для нее жизни становится сын Юсуф. В финале романа Зулейха приносит самую большую материнскую жертву: она отпускает сына, который с поддельными документами уплывает на лодке по Ангаре в «большой мир», мечтая добраться до Ленинграда и стать художником.

Первое, что бросается в глаза, когда читаешь роман, — это его жанровая гибридность. Там можно найти все, что пожелает читательская душа. Прямые реминисценции, почти цитаты из соцреалистического романа о коллективизации (типа «Поднятой целины» Михаила Шолохова) соседствуют с неомифологизмом. Этнографическая экзотика (главы, очень подробно изображающие быт деревенской татарской семьи) соединяется с западной просветительской традицией робинзонады и road movie. Последний термин ссылается на кинематографический контекст — и не случайно: влияние кинематографической или, точнее, сериальной поэтики чрезвычайно ощутимо и в композиции, и в языке произведения: недаром Яхина признает, что сначала она писала не роман, а сценарий сериала и, судя по всему, в ближайшем будущем сериал, теперь уже сделанный на основе романа, выйдет на одном из каналов российского ТВ. Не только сериальность, но и другие аспекты, характерные для современной популярной культуры и ее ведущих жанровых формул (прежде всего мелодрамы) ясно различимы в романе, что, вероятно, расширяет аудиторию читателей за счет тех, кто при чтении текста концентрируется не на ужасах Гулага, а на истории главной героини:

В одном из читательских отзывов на роман Зулейха сравнивается со Скарлетт О'Хара из знаменитой истории Маргаретт Митчелл [5]. На первый взгляд, сопоставление независимой и предприимчивой Скарлетт с робкой и забитой женщиной-мусульманкой из татарской деревни кажется очень странным. Однако, чем-то эти нарративы о женщинах действительно похожи: это истории о выживании и стойкости слабых, попавших в ураганы исторических событий. Зулейха Яхиной в начале романа — это существо без имени и без голоса. Муж обращается к ней «женщина», властная и жестокая свекровь называет «мокрой курицей». «Зулейха не заметила, как<...> и сама стала называть себя так» [6, с. 12]. Собственно роман в некотором роде инвариант сказки о пробуждении спящей красавицы: он рассказывает, как из «живой покойницы», бесплотного существа, Зулейха превращается в живую, живущую хоть очень трудно, но полнокровно, женщину. Она научается желать и становится охотницей, умеющей защитить себя и даже мужчину, которого полюбила вопреки всем возможным запретам, потому что этот мужчина — комендант Игнатов — русский, коммунист, атеист и убийца ее мужа.

Однако, кроме вышесказанного в истории Зулейхи Валиевой есть и нечто иное, что не позволяет интерпретировать эволюцию этого образа в духе соцреалистического канона: романа об «освобожденной женщине Востока» или в ключе феминистской интерпретации «прочтенного желания».

Главное, что заставляет и мотивирует Зулейху «открыть глаза», проснуться и возродиться, — это материнское чувство и материнская самоотверженность. В голод она кормит новорожденного сына не только молоком, но и своим телом (кровью из разрезанных пальцев), работает сутками и преодолевает любые испытания ради своего Юсуфа и немедленно прекращает отношения с возлюбленным, когда видит в них источник опасности для сына. Материнство связано с ответственностью, верой и традицией, которая впечатана в ее тело.

В момент, когда Зулейха стремится или решается преступить какую-то важную границу, ей является своего рода «дух традиции» — ее властная свекровь Упыриха, которая остерегает ее от слишком смелых решений и которую Зулейха не может изгнать из себя, потому что со временем и опытом начинает понимать не только ее подавляющую власть, но и мудрость.

Неоднозначен не только образ главной героини, которая соединяет вызов и верность традиции, но и все другие герои, исключая патологических подлецов (таких как уголовник Горелов или нквдшник Зиновий Кузнец).

Яхина безусловно разрушает монолитность идеологических блоков: ее герои разнomaстны; мусульмане не более правы, чем честные атеисты, такие, как Игнатов, который из палача раскулачен-

ных становится их спасителем. В этом смысле роман Яхиной идет против ясно усиливающейся в последнее время в России традиции религиозного фундаментализма и казенного псевдопатриотизма, срastaющего иногда с национализмом и шовинизмом. Недаром в Татарстане реакция на роман была очень сдержанной и даже критической: Яхину обвиняли в унижении, поругании национального прошлого и в измене мусульманским традициям.

Но писательница вовсе не отвергает эти ценности, хотя и не идеализирует их. Она постоянно помнит о Боге, но в ее романе Бог — не над людьми, а *между* ними. Об этом говорят два важных символических эпизода романа. Первый ссылается на христианский контекст. Один из ссыльных — художник Иконников — оформляет клуб и под видом «революционной агитации» рисует на потолке изображения, сходные с иконами в куполе церкви. Воин, врач, агроном и мать с ребенком (похожие на реальных героев романа) изображены в четырех верхних углах, на том месте, где обычно в христианском храме изображаются ангелы или евангелисты. «Лица их смелы и чрезвычайно напряжены, в них одно стремление — дотянуться до цели. До какой? В центре потолка — пустота. — Они тянутся к тому, чего не существует, так? — спрашивает художника другая ссыльная, Изабелла. «Нет, Белла — они тянутся к друг другу», — отвечает Иконников [6, с. 422]. Позже для своих заказчиков, советского начальства, Иконников нарисует в середине, на пустом месте кроваво-красное знамя, которое оказывается не центром устремления символических фигур, а препятствием в их тяге друг к другу.

Другой, параллельный, символический эпизод — это восточная легенда о шах-птице Семруг, которую Зулейха рассказывает сыну Юсуфу, припоминая сказки своего народа. Легенда рассказывает о том, как все птицы на земле перессорились и пошли искать шах-птицу — высшую силу, которая прекратила бы все ссоры и распри. Они идут через Долины Исканий, Любви, Познания, Единения, Смятения, Отрешения и, наконец, приходят в Страну вечности — в чертоги божественной птицы Семруг. «Глаза их сомкнулись от наполнившего мир яркого света, а когда раскрылись — узрели лишь друг друга. В этот миг они постигли суть: они все — и есть Семруг. И каждая по отдельности, и все вместе» [6, с. 402].

Эта идея божества, которое живет между людьми и выражает себя в единении и тяге людей друг к другу, перекликается и с советской мечтой о всеобщем братстве и равенстве, о социалистическом рае, в который верит большевик Игнатъев, хотя попытка воплощения этой великой Утопии превращается в великую и ужасную Дистопию: вместо земного рая на голой земле возводится поселок Семрук — место бесконечного труда и унижения.

Хотя тема исторического романа Яхиной не нова, и многие сюжетные ходы и образы узнаваемы и предсказуемы, но новым и, вероятно, привлекательным для многих читателей является то, что о трагических событиях истории страны пишет человек нового поколения; поколения, которое находится на той границе, где коммуникативная память об этих событиях советской истории превращается в культурную, и появляется возможность говорить о травматическом опыте с определенной, почти безопасной дистанции — не как о *своем* опыте, но все же как о *нашем*, разделенном внутри коллективной культурной памяти.

Роман Яхиной производит впечатление чего-то нецелостного, неготового — но, может быть, в этой неготовности, а, значит, открытости и скрывается секрет его обаяния.

Возможно, читатели из разных страт общества видят в романе надежду на возможность диалога, компромисса и примирения, некоей толерантности или, скорее, терпимости, которая не предписывается сверху или «сбоку», а естественно вырастает изнутри собственного исторического опыта, при этом не идеализированного, но и не отвергнутого? Может быть, роман Яхиной дает читателю надежду, что существует какая-то альтернатива необходимости выбирать между Утопией и Дистопией.

Если смотреть на «казус Яхиной», то обнаруживается очевидное сходство с историей финской писательницы Софи Оксанен (тоже, как и Яхина, 1977 года рождения) [См.: 1]. В 2008 году она выпустила в свет роман «Очищение» (Puhdistus) о судьбе женщины или, точнее, женщин, ставших жертвами исторического и социального насилия [См.: 2], за который была удостоена многих лите-

ратурных премий, в том числе главной литературной премии страны «Финляндия» и литературной премии Шведской академии (так называемая «Малая нобелевская премия»).

Но интересен тот факт, что продолжение у этих похоже начавшихся жизненных сюжетов, кажется, — разное. Софи Оксанен стала «властительницей дум», нарушительницей спокойствия, провокативной, заметной, почти культовой фигурой в Финляндии. Гузель Яхина очень мало заметна, она редко появляется в медиа, как публичная фигура она практически не существует.

О чем говорит эта разница? Наверное, о разнице характеров финской и российской писательниц. Но, безусловно, не только об этом. О падении статуса литературы в некогда литературоцентричной России? О том, что запросы и ожидания читателей не совпадают со стратегиями современных российских медиа? Или о том, что понятие литературного успеха и его последствий может определяться и пониматься по-разному?

Библиография

1. Оксанен С. Очищение. — СПб.: Лимбус-Пресс, 2010. — 384 с.
2. Оксанен, Софи. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1585603>
3. Официальный сайт премии «Большая книга». URL: <http://www.bigbook.ru/>
4. Официальный сайт премии НОС (новая словесность) URL: <http://www.prokhorovfund.ru/projects/own/108/>
5. Сибирская Скарлетт, или Зулейха открывает глаза. URL: <https://www.livelib.ru/book/1001173596/reviews>
6. Яхина Г. Зулейха открывает глаза. — М.: Изд-во АСТ, 2015. — 512 с.
7. Яхина, Гузель Шамилевна. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AF%D1%85%D0%B8%D0%BD%D0%B0_%D0%93%D1%83%D0%B7%D0%B5%D0%BB%D1%8C_%D0%A8%D0%B0%D0%BC%D0%B8%D0%BB%D0%B5%D0%B2%D0%BD%D0%B0

О.В. Лысенко

Лысенко Олег Владиславович (Пермь, Россия) — кандидат социологических наук, доцент кафедры культурологии Пермского государственного гуманитарно- педагогического университета;
Email: oleg-lysenko@yandex.ru

**ПРО «НЕУСПЕШНЫХ» УЧИТЕЛЕЙ:
СУЩЕСТВУЕТ ЛИ «ДВОЙНОЙ НЕГАТИВНЫЙ ОТБОР» В ПЕДАГОГИКЕ?**

Статья содержит новую интерпретацию феномена «двойного негативного отбора» в педагогическом образовании. Основываясь на материалах эмпирического исследования студентов г. Перми, автор показывает, что привлечение в педагогические вузы студентов из социальных групп с низким статусом объясняется не только низким престижем профессии учителя, но и региональными миграционными процессами. С этой точки зрения, педагогические вузы выполняют ряд важных социальных функций, таких как интеграция регионального сообщества, адаптация молодежи к городской культуре, выравнивание социального неравенства.

Ключевые слова: двойной негативный отбор, педагогические вузы, студенчество, социальная мобильность, социальное неравенство, город.

O. V. Lysenko

Oleg V. Lysenko (Perm, Russia) — PhD in Sociological Sciences, Associate Professor at Perm State Humanitarian Pedagogical University; Email: oleg-lysenko@yandex.ru

**“LOW-STATUS” TEACHERS:
ON THE ISSUE OF “DOUBLE NEGATIVE SELECTION” IN TEACHER’S TRAINING**

The article provides a new interpretation of the phenomenon of "double negative selection" in teacher's training. The author shows that large numbers of students from social groups with low status in pedagogical universities can be explained not only by the low prestige of the teaching profession, but also by regional migration processes. This thesis is based on the results of the empirical sociological research held in Perm. From this point of view, pedagogical universities have important social functions, such as the integration of the regional community, the adaptation of youth to the urban culture, the leveling of social inequalities.

Keywords: double negative selection, pedagogical universities, students, social mobility, social inequality, city.

Постановка проблемы и описание исследования

В современной литературе, как научной, так и публицистической, вот уже несколько лет ведутся споры вокруг тезиса о так называемом «двойном негативном отборе» педагогов [2; 4], берущем свое начало в системе педагогического образования. Коротко и упрощенно этот тезис формулируется так: «Сначала на педагогические специальности попадают слабые абитуриенты... Во врачи идут сильные выпускники школ, а в педагоги — слабые... После обучения в вузе до школы доходят далеко не самые лучшие студенты. Те, кто поактивнее, идут в менеджеры, журналисты или чиновники. В класс попадает горстка фанатиков и те, кому больше некуда идти» [2]. Сторонники тезиса чаще всего опираются на статистику сдачи ЕГЭ (говорящую в их пользу), сравнивают ситуацию в российском педагогическом образовании с мировым опытом, предлагают вполне рациональные доводы в пользу реформирования педагогического образования, вплоть до ликвидации педагогических вузов как отдельной отрасли высшего образования [2]. Противники этого тезиса, напротив,

предпочитают ссылаться на личный опыт и выводят разговор на моральные нормы, стремясь избежать очередного витка «менеджеризации» образования [4]. Очевидно, что противоборствующие стороны ведут спор на разных языках. В результате пропадает конструктивность разговора, упускаются из виду некоторые важные аспекты этой проблемы, и именно — специфические социальные функции педагогических вузов. Если о социальных функциях вузов написано немало, то о специфических социальных функциях педагогических вузов мы знаем пока приблизительно. Хотелось бы восполнить этот пробел.

В мае 2014 года группой исследователей из Пермского гуманитарно-педагогического университета в рамках научно-исследовательского проекта № 054-П «Анализ современных закономерностей и тенденций в развитии педагогических вузов» был проведен социологический опрос 2238 студентов из 10-ти ведущих вузов Перми. Во-первых, это три наиболее престижных пермских вуза, национально-исследовательские университеты: ПГНИУ (классический университет), ПНИПУ (политехнический университет) и НИУ ВШЭ (пермский филиал НИУ «Высшая школа экономики»). Для удобства изложения мы можем присвоить им условное обозначение «вузы первого порядка», понимая под этим, прежде всего, их престижность. Далее опрашивались студенты из ПГГПУ (гуманитарно-педагогический университет), ПГСХА (сельскохозяйственная академия), ПИК (институт культуры), ПГМУ (медицинский университет), которые по престижности можно назвать вузами «второго порядка» или, условно, «отраслевыми вузами». И, наконец, были опрошены студенты трех филиалов столичных вузов — Московского государственного университета экономики, статистики и информатики, Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права, Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. В этих филиалах обучение исключительно коммерческое, средний балл ЕГЭ при поступлении и качество подготовки наиболее низкое. Назовем их «вузами третьего порядка».

При опросе применялся метод кластерной серийной выборки, где в качестве кластеров выступали студенческие группы. Для повышения репрезентативности выборки при отборе кластеров учитывался профиль специальности (гуманитарный, технический или естественнонаучный), год обучения (опрашивались студенты 1-х и 3-4 курсов), престижность специальности (оцениваемая внутри каждого вуза по проходному баллу ЕГЭ на год поступления).

Основной целью этого опроса являлось выявление специфики педагогического университета по сравнению с другими вузами. В рамках данной статьи мы проанализируем только некоторые аспекты проблемы, а именно — отличия социальных характеристик студентов педагогического вуза на фоне всего студенческого контингента города и вытекающие отсюда специфические функции высшего педагогического образования.

О «негативном отборе» студентов педагогических вузов и причинах его диагностирования

В ходе проработки программы исследования и составления инструментария мы ориентировались на имеющиеся опыт изучения студенческого контингента педагогических вузов, в первую очередь, на монографию В.С. Собкина и О.В. Ткаченко «Студент педагогического вуза», изданную в 2007 году [5]. Этих авторов можно отнести к лагерю сторонников тезиса о «двойном негативном отборе», более того, это одна из первых научных публикаций (год издания — 2007), обосновавшая этот тезис с помощью научных методов. Одним из выводов их исследования стало утверждение, что «рекрутирование в педагогическую профессию уже на этапе получения высшего педагогического образования сориентировано на более слабые социальные группы» [5, с. 3]. Вышеупомянутые авторы сделали этот вывод, сравнивая студентов-педагогов Москвы со студентами технических вузов и ориентируясь на такие показатели социального статуса, как успеваемость в школе и образование родителей. В ходе нашего исследования мы существенно расширили набор измеряемых социальных показателей и сопоставили социальные характеристики студентов педагогического университета с характеристиками студентов большинства (это ключевое слово!) других ведущих вузов Перми.

Это позволило сравнить педагогический университет не только с наиболее престижными вузами (национально-исследовательскими университетами), но и с вузами «второго» и «третьего порядка».

Сперва обозначим те выводы, которые либо напрямую, либо косвенно согласуются с выводами В.С. Собкина и О.В. Ткаченко.

Первое, что бросается в глаза при анализе социальных особенностей студенческих контингентов разных вузов — гендерные диспропорции. Если в целом по выборке соотношение юношей к девушкам составляет 45% к 55 %, то в Педагогическом университете — только 17 % к 83 %. Малая доля мужчин, обучающихся в педагогическом вузе, действительно говорит о низком престиже педагогических вузов: феминизация педагогического труда — феномен известный [3].

Далее, классическими показателями социального статуса являются образование родителей, доход родительской семьи, и, как следствие, самоидентификация себя с определенным социальным слоем.

В монографии В.С. Собкина и О.В. Ткаченко по первому параметру делается вывод: «уровень образования родителей у студентов технических вузов заметно выше» [5]. Мы в принципе не отвергаем этого вывода, но добавляем: уровень образования родителей студентов педагогического университета ниже, чем у вузов «первого порядка», но в тоже время находится на уровне вузов «второго» и «третьего» порядка, то есть медицинского университета, института культуры, коммерческих филиалов столичных вузов. Иначе говоря, уровень образования родителей студентов трех национально-исследовательских университетов одинаково высок, а уровень образования родителей педагогического университета, равно как и других вузов одинаково снижен.

Следующий пункт сравнения — доходы родительской семьи. В исследовании В.С. Собкина и О.В. Ткаченко этот пункт сравнения в анкету не включен, поэтому у нас есть возможность сравнивать студентов педагогического университета только со студентами других вузов Перми. Для замера материального положения мы использовали стандартную шкалу, основанную на возможностях потребления.

Таблица 1. Уровень материального положения родительской семьи пермских студентов.

Материальный статус родительской семьи	ВУЗы, % по столбцу							Всего	
	Национальные университеты			Отраслевые вузы					Филналы
	ПГНИУ	ПНИПУ	НИУ ВШЭ	ПГТПУ	ПГСХА	ПГАИК	ПГМА		
Высокий	8,9	14,6	12,3	6,1	4,4	9,4	12,5	13	10,7
Средний	59,7	55,3	64,5	50,3	54,4	55,2	43,2	46,3	53,7
Низкий	22,6	21,2	19,5	23,4	33,9	15,7	31,8	22,8	22,8
Затрудняюсь ответить/Нет ответа	8,9	8,9	3,6	20,3	7,4	19,8	12,5	17,9	12,6

На первый взгляд, разница в материальном положении студентов разных вузов не очень существенна — везде доминируют выходцы из средних (условно) слоев, везде велика доля (от 15 до 33 %) студентов-выходцев из относительно бедных семей. Различия минимальны: среди студентов педагогического университета очень мало выходцев из обеспеченных семей и достаточно много выходцев из относительно малообеспеченных семей. Но, во-первых, это не выбивается из общей картины по вузам второго порядка, а во-вторых, близко к показателям классического университета.

Наконец, о самоотнесении студентов к тому или иному социальному слою. Здесь, опять-таки, педагогический вуз не выделяется из общего числа отраслевых вузов. Да, действительно, число студентов-педагогов, относящих свою родительскую семью к «простым людям», выше, чем число таких студентов в национальных исследовательских вузах, но вполне сопоставимо с численностью таких студентов в других отраслевых вузах.

Таблица 2. Самоотношение пермских студентов различных вузов к социальному слою (% по столбцу)

Ваша родительская семья принадлежит к:	ВУЗы, % по столбцу								Всего
	Национальные университеты			Отраслевые вузы				Филиалы	
	ПГНИУ	ПНИПУ	НИУ ВШЭ	ПГТТУ	ПГСХА	ПГАИК	ПГМА		
Высшему слою	2,4	6,5	5,1	3,6	2,9	3,1	6,8	6,2	4,8
Среднему слою	62,9	66,7	69,6	54,8	57,4	60,4	60,2	56,8	61,5
Простым людям	25,8	20,3	21,0	33,5	39,7	30,2	29,5	26,5	27,0
Затрудняюсь ответить	8,9	6,5	4,3	8,1	,0	6,3	3,4	10,5	6,7

Еще одним индикатором «своеобразия социального отбора в педагогическую профессию», по словам В.С. Собкина и О.В. Ткаченко, является качество образования, полученного студентами до поступления в вуз. «Обучение ребенка в специализированной школе, лицее или гимназии может служить показателем особых «вкладов» семьи в образование своего ребенка на этапе получения им школьного образования, т. е. специализированное образование ребенка рассматривается как «вклад» семьи в усиление ресурсов своего ребенка, его «социальный капитал» [5, с. 10]. По данным их исследования, среди студентов педагогических вузов гораздо больше выпускников общеобразовательных школ, а среди студентов технических специальностей, напротив, больше выпускников более престижных лицеев и гимназий.

В нашем исследовании этот вопрос был скорректирован. Мы оставили только два варианта ответа — «обычная школа» и «специализированная школа». Это вызвано изменившимися обстоятельствами: с момента исследования этих авторов в среднем образовании было введено почти повсеместное профильное обучение на третьей ступени, и понятие «специализированная школа» почти слилось с гимназическими и лицейскими образовательными учреждениями.

Таблица 3. Сопряженность вузов, в которых обучаются студенты и типа школы.

Какую школу вы закончили?	ВУЗы, % по столбцу								Всего
	1-го порядка			2-го порядка				3-го порядка	
	ПГНИУ	ПНИПУ	НИУ ВШЭ	ПГТТУ	ПГСХА	ПГАИК	ПГМА	Филиалы	
Обычную	69,4	59,8	35,5	71,6	82,4	80,2	61,4	77,2	65,7
Специализированную	29,8	37,0	58,7	21,3	14,7	18,8	35,2	20,4	30,7
Затрудняюсь ответить / Нет ответа	0,8	3,2	5,8	7,1	2,9	1,0	3,4	2,5	3,6

Самый большой «образовательный вклад в ребенка» наблюдается у студентов, обучающихся в Высшей школе экономики, в техническом университете и в медицинской академии. Тут впервые наблюдается некоторое смещение параметров между категориями вузов. Однако в целом вузы первой категории оказываются в выигрышном положении — они собирают абитуриентов, имеющих лучшую довузовскую подготовку. Что же касается студентов педагогического вуза, то они по числу окончивших специализированные школы, разумеется, уступают своим коллегам из вузов «первого порядка», но превосходят студентов других «отраслевых» вузов (кроме Медицинской академии), находясь на одном уровне с филиалами.

Итак, можно сделать промежуточные выводы. На первый взгляд, может показаться, что выводы В.С. Собкина и О.В. Ткаченко о том, что в педагогические вузы поступают представители «самых слабых слоев населения», верны: действительно, студенты педагогического университета в целом

проигрывают по социальному статусу студентам национально-исследовательских университетов. Но при более внимательном рассмотрении выясняется, что этот вывод требует корректировки. Действительно, студенты педагогического университета проигрывают в социальном статусе студентам престижных национальных исследовательских университетов. Но не только они. Студенты всех отраслевых вузов демонстрируют достаточно скромные социальные позиции, причем студенты-педагоги зачастую выглядят на этом фоне даже более выигрышно. Вместо «негативного отбора» здесь следует говорить скорее об ином социальном феномене: сегодня вузы все сильнее превращаются в элементы системы воспроизводства социального неравенства. Наиболее обеспеченные национально-исследовательские университеты привлекают выходцев из более обеспеченных и образованных семей, а вузы «второго порядка», соответственно, наоборот, чаще собирают студентов из менее обеспеченных и менее образованных слоев населения. А если по каким-либо причинам школьник не очень успешен в школе, но его родители могут себе позволить оплатить его образование — выбирается коммерческий вуз (в роли которого чаще всего выступает филиал того или иного столичного вуза). Это подтверждается полученными данными — образование и доход родителей студентов филиалов даже чуть выше, чем у вузов «второй категории» — очевидно, что коммерческое образование доступнее людям с более высоким статусом родительской семьи. Вместо тезиса о «негативном отборе» необходимо говорить о том, что в современных условиях, когда система высшего образования дифференцировалась по престижности, доступности и качеству подготовки, педагогический университет, равно как и другие отраслевые вузы, занял свою специфичную нишу, предоставляя возможность выходцам из условно средних слоев получить нормальное высшее образование. Судя по данным нашего исследования, **педагогические вузы привлекают студентов, чьи родители, в силу невысокого материального статуса, чаще всего не могут позволить себе обучение в престижных школах или иным способом конвертировать свой экономический капитал в образовательный, но и не относятся к самым нижним стратам общества.**

Причины, по которым этого не смогли выявить В.С. Собкин и О.В. Ткаченко, вполне очевидны. Прежде всего, этому помешал заданный ими дизайн выборки. Сравнивая студентов педагогических вузов со студентами технических специальностей (почему именно с ними — в их монографии не уточняется), они задали «верхний горизонт» сравнения, что и предопределило их вывод. Если бы в цитируемом исследовании социальный статус студентов педагогических вузов сравнивался с социальным статусом студентов разных вузов (как более, так и менее престижных), выводы были бы более содержательными. Далее, цитируемое нами исследование проводилось в Москве, что также не могло не сказаться на выводах. Очевидно, что образовательная среда российской столицы существенно отличается от любого другого города России. Столичные вузы комплектуются как самими москвичами, так и выходцами из других регионов, для которых московское образование стало более доступным, благодаря ЕГЭ. Вузы же провинциальных городов являются центрами образовательной миграции из малых городов и сел региона, где уровень школьной подготовки, материальный и образовательный статус населения заведомо ниже. Как следует из монографии этих авторов, они вообще не рассматривали педагогические вузы с этой точки зрения. Мы же восполним этот пробел.

Педагогический вуз как центр притяжения образовательной миграции

При сравнении места прежнего проживания студенческого контингента пермских вузов выясняется, что никакой другой вуз (в том числе — сельскохозяйственная академия) не привлекает такого большого числа выходцев из сельской местности, как педагогический университет. Среди его студентов минимальное число жителей больших городов — всего 36 % (в целом по выборке — 54,7 %), и максимальное число выходцев из сельской местности — 37,6 % (в целом по выборке таких всего 18,9 %). Разумеется, студенты из села и малых городов есть везде, и их доля почти везде примерно одинакова, берем ли мы национальные исследовательские университеты, или филиалы. Но только в двух вузах, дающих классическое «интеллигентское» образование (педагогический и медицинский университеты), больше половины студентов приехали из региональной глубинки. Та-

ким образом, педагогический университет является вузом не для «самых слабых студентов» вообще, а для студентов из глубинки.

Именно этим обстоятельством и объясняется наличие «слабых социальных позиций» студентов педагогического вуза. В условиях сверхцентрализации страны, причем как в федеральном (столица — регионы), так и в региональном (краевой/областной центр — периферия) масштабе, педагогические вузы оказываются самым эффективным социальным лифтом для самой амбициозной части молодежи из села и, отчасти, из малых городов.

На фоне своего прежнего (в школьные годы) социального окружения студенты педагогического вуза были отнюдь не худшими абитуриентами, как утверждают сторонники концепции двойного негативного отбора, а скорее наоборот. Так, например, школьная успеваемость студентов педагогического университета оказывается не хуже некоторых национально-исследовательских университетов, и лучше, чем у студентов всех вузов второго и третьего порядка. Так, в ПГПУ число студентов, закончивших школу без троек (сумма первых двух строк), составляет 53,3 %, то есть больше, чем в техническом университете (49,6 %) и всех остальных вузах второго и третьего порядка. Школьная успеваемость была выше только у студентов классического университета (ПГНИУ) и Высшей школы экономики (61 и 70 % соответственно).

Почему же балл ЕГЭ при этом действительно оказывается ниже у абитуриентов, поступающих в педагогический университет, нежели в национальные исследовательские университеты? Объяснение тут достаточно простое. Успехи в Едином государственном экзамене, в отличие от текущей школьной успеваемости, весьма зависят от «технической» подготовки школьника, то есть от навыков решать конкретные типы заданий, от искушенности в прочтении формулировок вопросов, от количества тренировок. Разумеется, такую техническую составляющую проще получить городским и обеспеченным школьникам, нежели выходцам из небогатого села.

Мотивация получения высшего образования и выбора вуза. Педагогический вуз и функция социальной мобильности

Сравнив основные статусные характеристики студентов и убедившись, что сниженные по сравнению с другими вузами социальные позиции студентов педагогических вузов имеют совсем иное обоснование, нежели «слабость» педагогического образования или «неуспешность» самих поступающих, посмотрим, как выглядят другие установки студентов, например, мотивация получения высшего образования и поступления в конкретный вуз.

Стоит отметить, что иерархия мотивов получения высшего образования в нашем исследовании и в исследовании В.С. Собкина и О.В. Ткаченко совпадает: «содержательные» мотивы явно преобладают над «внешними» (термины из монографии «Студент педагогического вуза»). Вторым важным моментом — студенты ПГПУ практически не выпадают из общей тенденции выбора того или иного мотива за исключением четырех случаев. У них снижено значение мотивов «получение высокооплачиваемой работы» (12,2 %), «получение определенного высокого социального статуса» (20,8 %) и повышено значение мотивов «получение новых знаний» (42,6 %) и «получение диплома о высшем образовании». По остальным мотивам студенты-педагоги от студентов других вузов практически не отличаются. Причину таких отклонений следует видеть, на наш взгляд, как в изначально низком статусе профессии педагога, что есть следствие уже внедрившегося в массовое сознание тезиса о негативном отборе, так и в заниженных социальных амбициях самих студентов, среди которых много выходцев из села.

Таблица 4. Мотивация получения высшего образования (приведены только те варианты ответов, которые набрали более 3,5 %).

Укажите основные причины, по которым Вы получаете высшее образование?	Данные В.С. Собина и О.В. Ткаченко по деп. вузам Москвы [5, с. 18]	ВУЗы Перми, % по столбцу								Всего по Перми
		1-го порядка			2 -порядка			3		
		ПТНИУ	ПНИПУ	НИУ ВШЭ	ПТТУ	ПГСХА	ПГАИК	ПТМА	Фюкалы	
1. Желание стать специалистом в определенной области	61,5	57,3	68,7	59,4	55,8	63,2	62,5	83,0	49,4	61,5
2. В целях саморазвития (развитие собственных способностей и т.д.)	44,1	54,0	52,0	58,0	54,3	38,2	45,8	37,5	46,3	50,0
3. Желание получать новые знания	38,3	38,7	31,7	29,0	42,6	27,9	44,8	34,1	27,2	34,5
4. Желание получить диплом о высшем образовании	34,6	25,0	22,8	29,0	41,6	33,8	36,5	17,0	31,5	29,8
5. Стремление получить определенный социальный статус после окончания ВУЗа	31,1	33,9	33,3	33,3	20,8	23,5	22,9	28,4	17,3	27,0
6. Желание просто получить высокооплачиваемую работу	20,5	28,2	29,3	37,0	12,2	35,3	18,8	18,2	34,0	26,4
7. Выбранная мной профессия требует получения высшего образования	17,1	17,7	14,2	15,9	15,2	22,1	8,3	46,6	19,8	18,3
8. Требования родителей	3,5	6,5	5,3	5,1	9,1	4,4	6,3	1,1	9,9	6,4

Помимо вопроса о мотивах получения высшего образования как такового, мы задали вопрос о мотивации выбора самого вуза. Варианты ответов предполагали выявление первостепенной значимости вуза, специальности, внешнего воздействия («родители, знакомые, учителя»), прагматических интересов («легко поступить») либо особых обстоятельств («так получилось»).

Сочетание предпочтений и вуза, и специальности доминирует — такой вариант выбрала треть опрошенных (33,6 %). Причем этот ответ чаще звучит в национальных исследовательских университетах и в медицинском университете. Для первых также характерен более частый выбор вариантов ответа, отсылающих к престижу вуза, советам учителей и родственников. Это не удивительно, учитывая долю студентов этих вузов, занимавшихся с репетиторами, а также более высокий образовательный статус родителей. Очевидно, что более престижные вузы чаще становятся целью семейных образовательных стратегий, нежели профильные.

В вузах второго порядка чаще звучат мотивы выбора специальности (без учета вуза) и мотивы прагматики (легче поступить). Но особенно стоит сказать о педагогическом университете. Тут обращает на себя внимание высокий процент выбора ответов «так получилось» и «легче поступить». Это объясняется сложившейся практикой подстраховки при поступлении, когда абитуриент подает заявление на близкие специальности сразу в несколько вузов и делает выбор в пользу того или иного вуза в последний момент, в зависимости от складывающегося проходного балла и своих шансов. То есть педуниверситет в образовательном пространстве часто играет роль запасного варианта. На «негативный отбор» это похоже только внешне, учитывая неравные социальные позиции абитуриентов из города и села, из престижных школ, обучение в которых стоит порой немалых денег, и школ обычных, в которых невольно оседают дети «обычных» родителей. Более корректно будет говорить о роли педагогического университета в сохранении (хотя бы частичном) такой функции высшего образования, как мобильная вертикальность.

Таблица 5. Мотивация выбора вуза (приведены только те варианты ответов, которые набрали более 5 %).

Почему Вы выбрали именно этот ВУЗ?	ВУЗы, % по столбцу								Всего
	1-го порядка			2-го порядка			3 пор.		
	ПГНИУ	ПНИПУ	НИУ ВШЭ	ПГПУ	ПГСХА	ПГАИК	ПГМА	Филиалы	
1. Я хотел (а) получить именно эту специальность именно в этом ВУЗе	41,9	40,7	39,1	30,5	14,7	33,3	44,3	17,9	33,6
2. Так получилось	16,9	20,7	26,8	32,0	22,1	20,8	20,5	28,4	24,2
3. Я хотел (а) получить именно эту специальность, неважно в каком ВУЗе	12,9	19,9	15,9	17,8	47,1	27,1	38,6	32,1	23,8
4. Посоветовали родители, родственники	21,0	21,1	21,7	19,8	7,4	10,4	17,0	22,2	19,0
5. Сюда легче было поступить	4,0	8,5	14,5	34,0	26,5	24,0	8,0	30,9	18,9
6. Я хотел (а) учиться именно в этом ВУЗе, неважно на какой специальности	25,8	17,9	18,8	8,6	2,9	11,5	6,8	4,9	13,0
7. Здесь учатся/работают мои знакомые	10,5	12,6	10,1	13,2	11,8	5,2	5,7	14,8	11,3
8. Посоветовали учителя	12,9	5,7	21,0	8,6	1,5	4,2	8,0	1,9	8,1
9. Близко от дома	10,5	5,3	7,2	2,5	2,9	3,1	21,6	11,7	7,5

Зато ожидания студентов-педагогов от обучения в вузе практически не отличаются от ожиданий студентов других вузов — они сопоставимы с ответами, полученными в целом по выборочной совокупности. Единственное заметное отклонение (впрочем — совсем небольшое), приходится на ответ «Высокий культурный уровень», что, очевидно, вновь связано с наличием среди студентов большего числа выходцев из малых городов и деревень, для которых получение образования в большем городе означает также и освоение новой, более «высокой» культуры.

Таблица 6. Ожидания студентов от обучения в вузе (приведены только те варианты ответов, которые набрали более 5 %).

Как Вы считаете, что в первую очередь должен давать Вам ВУЗ?	ВУЗы, % по столбцу								Всего
	1-го порядка			2-го порядка				3 пор.	
	ПГНИУ	ПНИПУ	НИУ ВШЭ	ПГПУ	ПГСХА	ПГАИК	ПГМА	Филиалы	
1. Высококвалифицированную профессиональную подготовку	62,9	60,2	51,4	58,4	55,9	44,8	73,9	55,6	57,9
2. Возможность развития своих способностей	18,5	21,5	28,3	21,8	30,9	32,3	18,2	24,1	23,7
3. Высокий культурный уровень	10,5	7,3	6,5	12,2	2,9	15,6	4,5	9,9	9,0

Оценка качества получаемого образования

Итак, мы установили, что, несмотря на действительно более низкий материальный и образовательный статус студентов педагогического вуза, говорить о негативном отборе студентов-педагогов нужно весьма осторожно. Этот «отбор» совсем не так уж «негативен», если сравнивать педагогические вузы не только с самыми престижными учебными заведениями, но и с другими профильными вузами. Но, возможно, сторонники этого тезиса действительно правы хотя бы в одном: если в педагогических вузах собираются не самые лучшие студенты, то качество образования в них действительно может быть ниже и хороших специалистов они выпускать не могут? Чтобы разобраться с этим предположением, мы задали несколько вопросов, посвященных как раз этой теме.

Оценка качества образования — сложная проблема, которая вряд ли имеет единственное правильное решение. Мы измеряли качество образования через относительные показатели, такие как оценка достаточности получаемого образования и оценка подготовки преподавателей.

Первый показатель измерялся через еще один заимствованный из анкеты В.С. Собкина и О.В. Ткаченко вопрос. В целом по вузам можно сказать, что процент выбора негативных оценок (это вариант ответа «Считаю, что ВУЗ не дает мне в достаточной мере ни теоретических знаний, ни практических навыков») низок везде, за исключением академии искусств и культуры, где его выбрало 16,7 % респондентов. В педагогическом вузе этот вариант ответа набрал всего 5,1 %. При этом сбалансированная оценка («достаточно как теоретических, так и практических знаний») в ПГПУ один из самых высоких — 38,1 %.

Таблица 7. Оценка соотношения теоретического/практического знания, получаемого в вузе

Как Вы считаете, насколько достаточными оказываются теоретические знания и практические навыки, которые Вы получаете в ВУЗе по выбранной Вами специальности/направлению?	Данные В.С. Собкина и О.В. Ткаченко по пед. вузам Москвы [5]	ВУЗы, % по столбцу								Всего
		1-го порядка			2-го порядка			3 пор.		
		ПГНИУ	ПНИПУ	НИУ ВШЭ	ПГПУ	ПГСХА	ПГАИК	ПГМА	Филиалы	
1. Я получаю достаточно теоретических знаний и практических навыков	43,1	25,0	28,9	31,2	38,1	42,6	33,3	25,0	25,9	30,8
2. Я получаю только практические навыки, но не достаточно теоретических знаний	6,0	0,8	3,3		0,5	7,4	2,1		1,2	1,7
3. Я получаю достаточно теоретических знаний, но не достаточно практических навыков	35,3	61,3	51,2	55,8	48,2	36,8	36,5	64,8	57,4	52,2
4. ВУЗ не дает мне в достаточной мере ни теоретических знаний, ни практических навыков	15,6	6,5	8,1	6,5	5,1	7,4	16,7	8,0	10,5	8,2
5. Затрудняюсь ответить	-	4,8	8,1	6,5	6,6	5,9	10,4	2,3	4,9	6,4
6. Нет ответа		1,6	0,4		1,5		1,0			0,6

Другой аспект качества образования измерялся нами через перспективную оценку достаточности образования для будущей профессиональной деятельности. И в этом случае процент выбравших положительные ответы среди студентов-педагогов весьма высок — на уровне наиболее престижного в городе филиала НИУ ВШЭ — 60,9 %. В остальных вузах сумма положительных оценок не превышает 52,4 %.

И, наконец, мы рассмотрим оценки студентами своих преподавателей. Как и в предыдущих случаях, они выше среднего значения по всей совокупности опрошенных, уступая только НИУ ВШЭ.

Таблица 8. Оценка студентами своих преподавателей.

Как Вы оцениваете уровень подготовки преподавателей на Вашем факультете?	ВУЗы, % по столбцу								Всего
	1 категория			2 категория				3 кат.	
	ПГНИУ	ПНИПУ	НИУ ВШЭ	ПГПУ	ПГСХА	ПГАИК	ПГМА	Филиалы	
1. Очень хороший	40,3	45,1	55,1	60,4	53,2	45,8	47,7	38,3	48,9
2. Скорее хороший, чем плохой	41,1	37,8	31,9	28,9	29,4	33,3	33,0	40,7	35,0
<i>Сумма положительных ответов</i>	<i>81,4</i>	<i>82,9</i>	<i>89,3</i>	<i>87</i>	<i>82,6</i>	<i>79,1</i>	<i>80,7</i>	<i>79</i>	<i>83,9</i>
3. Иногда хороший, иногда плохой	14,5	13,8	11,6	6,6	17,4	17,7	12,5	15,4	12,4
4. Скорее плохой, чем хороший	0,8		1,4	1,0		1,0	1,1	1,9	0,9
5. Плохой		0,8						,6	0,3
6. Затрудняюсь ответить	3,2	2,0		1,0		2,1	5,7	1,2	1,8
7. Нет ответа		0,4		2,0				1,9	0,7

Можно возразить, что к этим полученным данным следует отнестись критически, усматривая в столь высоких оценках скорее сниженные требования к уровню и качеству вузовской подготовки со стороны более «простых» студентов, нежели реальные достижения педагогического вуза. Доля истины в возражениях такого рода вероятна: любая оценка относительна и обусловлена социальными позициями говорящего. Однако можно привести и контраргументы. Если следовать этой логике, то самые критические отзывы должны быть отмечены студентами самых престижных вузов — национально-исследовательских университетов, а этого мы не наблюдаем. Скорее, мы можем говорить о том, что преподавательский корпус педагогического университета вполне способен справляться с образованием даже более слабо подготовленного студенческого корпуса. Если высокие оценки и вызваны социальной «некомпетентностью» студентов, то это все равно не отменяет установленного факта: студенты-педагоги чаще оказываются более благодарной аудиторией, чем многие студенты других вузов.

Правомерность вывода о достаточно качественном образовании в пермском педагогическом университете находит подтверждение и в других источниках, в частности, в интервью выпускников, проведенных в рамках того же исследования. Анализ стенограмм показывает, что выпускники педагогического вуза чувствуют себя в профессиональной жизни отнюдь не хуже, а иногда и лучше выпускников других пермских вузов. Это объясняется одной парадоксальной на первый взгляд закономерностью, которую мы выяснили в рамках другого исследования, проведенного двумя годами ранее. Дело в том, что люди, получившие гуманитарное образование, чаще считают себя успешными, нежели получившие техническое или естественнонаучное образование [1], причем это подтверждается и их социальными достижениями. Это происходит благодаря более развитым навыкам общения, большей гибкости, более широкому кругозору гуманитариев, наконец – благодаря тому, что они чаще выбирают сферу деятельности не из прагматических соображений, а по личным наклонностям.

Планы пермских студентов после окончания вуза

Тезис о «двойном негативном отборе» в педагогической сфере предполагает не только «худших» абитуриентов на педагогических специальностях, но и «худших» студентов в качестве школьных педагогов. Посмотрим, как обстоит дело со второй частью.

Сначала сравним наши данные с данными, приведенными в монографии В.С. Собкина и О.В. Ткаченко. Для этого мы вновь использовали их вопрос, добавив к нему несколько уместных вариантов, позволяющих в большей степени учесть все возможные пути реализации студента после вуза.

Согласно московскому исследованию, только 18,1 % студентов-педагогов готовы реализовать свою профессиональную подготовку в работе, еще 19,1 % планируют продолжить образование в аспирантуре и 22,5 % — получить другое образование. По поводу последнего авторы делают вывод: «почти для половины студентов сам факт получения высшего педагогического образования не является достаточным для успешного включения непосредственно в профессиональную деятельность, поскольку почти половина из них планирует продолжить образование (либо в аспирантуре, либо в вузе другого профиля)» [5, с. 86]. Еще более сурово звучит приговор по поводу социального статуса тех студентов-педагогов, которые собираются идти работать по специальности: «из социально-стратификационных факторов заметное влияние оказывает образовательный статус семьи. Так, среди студентов со средним образованием родителей собираются «работать по специальности» 23,4 %, а с высшим образованием родителей заметно меньше — 15,2 %. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что рекрутирование в педагогическую профессию представителей более слабых социальных страт происходит не только на этапе получения высшего педагогического образования..., но и непосредственно на этапе окончания вуза (курсив мой — О.Л.)» [5, с. 88].

Расхождение между цифрами, полученными в московском и пермском исследованиях, достаточно велики. Среди обучающихся в ПГППУ готовы работать по специальности 44,2 % опрошенных, 11,2 % собираются продолжить образование в аспирантуре и магистратуре, и только 3,6 % — получить другое образование.

⊕ Таблица 9. Планы студентов после окончания вуза.

Что Вы собираетесь делать после окончания ВУЗа?	Данные В.С. Собкина и О.В. Ткаченко по под. вузам Москвы [5, с. 18]	ВУЗы, % по столбцу								Всего
		1 категория			2 категория			3 кат.		
		ПГНИУ	ПНИПУ	НИУ ВШЭ	ПГППУ	ПГСХА	ПГАИК	ПГМА	Филиалы	
1. Работать по специальности, полученной в ВУЗе	18,1	36,3	53,7	37,0	44,2	72,1	60,4	76,1	55,6	51,7
2. Найти другую работу, не по специальности	10,8	13,7	8,5	2,9	16,2	4,4	5,2		4,9	8,0
3. Работать по смежной специальности	-	16,1	11,0	15,2	13,7	11,8	11,5	1,1	8,6	11,5
4. Продолжить образование в магистратуре, аспирантуре	19,1	16,9	14,2	32,6	11,2		8,3	15,9	8,0	14,1
5. Получить другое образование	22,5	6,5	4,9	3,6	5,1	2,9	5,2		10,5	5,3
6. Выйти замуж/жениться	-	2,4	2,8	3,6	2,5	2,9	2,1	2,3	3,7	2,9
7. Иное	1,2	6,5	4,5	4,3	5,1	5,9	7,3	4,5	8,0	5,6
8. Затрудняюсь ответить	20,9	1,6	,4	,7	2,0				,6	0,8

Такое расхождение цифр может иметь разное объяснение. Скорее всего, это произошло, во-первых, из-за разницы социально-экономических условий столицы и провинции, а во-вторых, из-за изменений в системе высшего образования (почти повсеместный переход на трехступенчатую систему высшего образования и появление магистратуры как более востребованного этапа образования). Но главное здесь, на наш взгляд, это некорректность выводов. Во-первых, если рассматривать продолжение образования в аспирантуре и магистратуре, следуя логике В.С. Собкина и О.В. Ткаченко, как «недостаточность» образования, то самым «плохим» образованием окажется в самых успешных городских вузах, например, в НИУ ВШЭ, где доля таких студентов достигает 32,6 %. Далее, отказ от работы по специальности встречается практически во всех вузах, причем выясняется, что чаще всего не в педагогическом университете, и даже не в вузах второго и третьего поряд-

ка, а в классическом университете. Скорее всего, мы здесь наблюдаем некую общую для молодежи тенденцию, при которой логика студентов при получении высшего образования все дальше отходит от логики индустриального государства, сопрягающей места по специальности и рабочие вакансии как прямо пропорциональные величины.

Рассмотрим еще один аргумент цитируемых нами авторов, а именно — о рекрутировании педагогов из «социально слабых» студентов. В следующей таблице приводятся данные пермского исследования, наглядно демонстрирующие, что, несмотря на наличие той же тенденции, на которую указывают В.С. Собкин и О.В. Ткаченко (чем ниже образовательный статус родителей, тем чаще студенты планируют идти работать по специальности), их выводы необходимо скорректировать:

— образование родителей в малой степени влияет на планы студентов работать по специальности (везде расхождение не более 6 %, в московском исследовании — более 8 %);

— аналогичная зависимость проявляется среди всех студентов, независимо от вузов и профиля подготовки;

— продолжение образования в аспирантуре и магистратуре также слабо зависит от образования родителей и проявляется как в ПГГПУ, так и в целом по выборке; очевидно, что если работу по специальности и продолжение образования рассматривать как два варианта одной стратегии продолжить выбранный профессиональный путь, то разница между выходцами из разных семей вообще нивелируется;

— у тех студентов, которые разочаровались в выбранной профессии, вообще не наблюдается различий в образовательном статусе родителей, как в педагогическом университете, так и в целом по пермским вузам.

Таблица 10. Сопряженность планов студентов и образовательного уровня их родителей (% по столбцу).

Собираются:	Высшее образование родителей:	Среднее образование родителей
<i>- работать по специальности, полученной в вузе:</i>		
Студенты ПГГПУ	45,4	51,4
Студенты Перми в целом	49,5	54,1
<i>- продолжить образование в магистратуре, аспирантуре:</i>		
Студенты ПГГПУ	18,4	15,2
Студенты Перми в целом	16,8	12,2
<i>- работать не по специальности/получить другое образование:</i>		
Студенты ПГГПУ	13,9	14,8
Студенты Перми в целом	12,7	14,6

Что характерно, по другим параметрам разницы между студентами, планирующими тот или иной вариант деятельности после окончания вуза, вообще не наблюдается. На этот выбор не влияет ни доход родительской семьи, ни академическая успеваемость (об этом говорится и в московском исследовании). Единственный фактор, который как-то влияет на желание работать по специальности — место проживания до поступления в вуз. Так, на работу по специальности ориентированы чаще выходцы из села и малых городов, а на продолжение образования — горожане, причем вне зависимости от того, получают они педагогическое образование или нет. Единственное, что здесь стоит добавить, — поскольку среди студентов Педагогического университета самая большая доля выходцев из сельской местности, то получается, что именно педагогический вуз, вопреки всяческим предсказаниям, дает самое большое (в абсолютных цифрах) число выпускников, работающих по специальности.

Таблица 11. Сопряженность планов студентов и места жительства до поступления в вуз (% по столбцу).

Собираются:	Место жительства до поступления в вуз		
	Крупные города	Города	Село
<i>- работать по специальности, полученной в вузе:</i>			
Студенты ПГГПУ	46,1	50,1	54,7
Студенты Перми в целом	48,9	55,0	56,9
<i>- продолжить образование в магистратуре, аспирантуре:</i>			
Студенты ПГГПУ	16,5	21,5	8,1
Студенты Перми в целом	14,7	17,5	8,1
<i>- работать не по специальности/получить другое образование:</i>			
Студенты ПГГПУ	15,5	10,4	18,1
Студенты Перми в целом	14,3	10,0	15,6

Стоит проанализировать еще два аспекта планируемого студентами педагогического университета будущего. Первый касается планов на миграцию, второй — ориентацию на экономический сектор деятельности.

Как показало исследование, половина обучающихся сегодня студентов планирует продолжать свою деятельность в Перми. При этом число таковых больше среди коренных пермяков и выходцев из сельской местности. Часть студентов (в основном пермяков и выходцев из других городов края) планирует переезд в более крупные города (очевидно, столицы — 14,2 %), либо за границу (5,6 %), а часть приезжих студентов (из небольших городов и сел) планирует вернуться на свою малую родину — 8,5 %.

У студентов педагогического университета планы на внешнюю по отношению к региону миграцию скромнее, чем в других профильных вузах, и уж тем более — в национально-исследовательских университетах. Это дает основание подтвердить вывод о том, что ПГГПУ является, с одной стороны, одним из основных каналов миграции молодежи из деревни и малых городов в краевой центр, а с другой — лучше всех остальных пермских вузов работает на наполнение специалистами краевого рынка труда.

Следующий вопрос четко показывает, на какие сектора экономики ориентированы студенты того или иного вуза. Так, студенты национальных исследовательских университетов в основном нацелены на крупные корпорации, студенты вузов третьего порядка (филиалы и сельхозакадемия) чаще остальных планируют собственный бизнес, а студенты двух классических «интеллигентских» вузов, педагогического и медицинского, на бюджетную сферу (в последнем, правда, сильна установка и на частные фирмы). Другими словами, педагогический университет, вопреки разговорам о кризисе педагогического образования, остается вузом регионообразующим, ориентированным на восполнение кадров образования в большей степени, чем это может показаться сторонникам «двойного негативного отбора».

Общие выводы

Полученные данные доказывают, что педагогические вузы изначально выполняют ряд важных социальных функций, в меньшей степени присущих их более успешным конкурентам на рынке высшего образования. Одной из таких функций, судя по нашему исследованию, является обеспечение социальной мобильности для выходцев из социально слабых слоев общества, причем чаще всего — в сочетании с мобильностью пространственной, то есть с перемещением молодежи с региональных окраин в крупные города. Далее, можно утверждать, что педагогический вуз играет важнейшую роль в формировании регионального сообщества — ибо дает шанс тем юношам и девушкам, кто в

силу разных обстоятельств оказался обделен качественным образованием в школе, но имеет достаточно амбиций для построения своей социальной карьеры, причем в рамках своего региона. Наконец, педагогические вузы, принимая значительную часть сельской молодежи, принимают на себя миссию адаптации молодых мигрантов к условиям и смыслам городской жизни, внося свой важный вклад в гармонизацию социальных отношений. Последнее станет очевидней, если мы представим себе ситуацию, в которой педагогические вузы исчезнут. Тогда у сельской молодежи, устремляющейся в город, исчезнет еще одна возможность для реализации своих целей, и ей останется либо пополнять ряды городских низов, либо покупать некачественное образование коммерческих вузов, увеличивая тем самым дезинтеграцию городского общества.

Библиография

1. Барьеры и возможности реализации человеческого потенциала в Пермской городской агломерации: монография / З. Замараева, О. Лысенко, Н. Панкратов, А. Шишигин и др.; ПГГПУ. — Пермь: Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2013. — 222 с.
2. Клаунинг Н. Виктор Болотов: «Только лузеры и аутсайдеры идут работать в школу». URL:http://society.lb.ua/science/2011/07/14/106024_tolko_luzeri_i_autsayderi_idut.html
3. Кузбасский С. «Реформа педобразования превращает страну троечников в страну двоечников» учителями станут недоучки? URL:<http://netreforme.org/news/реформа-педобразования-превращает>
4. Попкевиц Т. Политическая социология образовательных реформ. Пер. с англ. / Общ. ред. Собкин В. С. — М.: Центр социологии образования РАО, 1998. — 366 с.
5. Собкин В. С., Ткаченко О. В. Студент педагогического вуза: жизненные и профессиональные перспективы. Труды по социологии образования. Т. XI — XII. Вып. XXI. — М.: Центр социологии образования РАО, 2007. — 200 с.
6. Тарасевич Г. Путь к доске и указке // Эксперт online. Электронный ресурс: URL: http://expert.ru/russian_reporter/2014/06/put-k-doske-iukazke/. Дата обращения: 20.04.2015.
7. Ярская В. Н., Ярская-Смирнова Е. Р. «Не мужское это дело...»: Гендерный анализ занятости в социальной сфере // Социологические исследования. 2002. № 6. — С. 74-82.

References

1. Bar'ery i vozmozhnosti realizatsii chelovecheskogo potentsiala v Permskoi gorodskoi aglomeratsii: monografiia / Z. Zamaraeva, O. Lysenko, N. Pankratov, A. Shishigin i dr.; PGGPU. — Perm': Permskii gosudarstvennyi gumanitarno-pedagogicheskii universitet, 2013. — 222 s.
2. Klauning N. Viktor Bolotov: "Tol'ko luzery i autsaidery idut rabotat' v shkolu". URL:http://society.lb.ua/science/2011/07/14/106024_tolko_luzeri_i_autsayderi_idut.html
3. Kuzbasskii S. "Reforma pedobrazovaniia prevrashchaet stranu troechnikov v stranu dvoechnikov" uchiteliami stanut nedouchki? URL:<http://netreforme.org/news/reforma-pedobrazovaniia-prevrashchaet>
4. Popkevits T. Politicheskaia sotsiologiiia obrazovatel'nykh reform. Per. s angl. / Obshch. red. Sobkin V. S. — M.: Tsentr sotsiologii obrazovaniia RAO, 1998. — 366 s.
5. Sobkin V. S., Tkachenko O. V. Student pedagogicheskogo vuza: zhiznennye i professional'nye perspektivy. Trudy po sotsiologii obrazovaniia. T. XI — XII. Vyp. XXI. — M.: Tsentr sotsiologii obrazovaniia RAO, 2007. — 200 s.
6. Tarasevich G. Put' k doske i ukazke // Ekspert online. Elektronnyi resurs: URL: http://expert.ru/russian_reporter/2014/06/put-k-doske-iukazke/. Data obrashcheniia: 20.04.2015.
7. Iarskaia V. N., Iarskaia-Smirnova E. R. "Ne muzhskoe eto delo...": Gendernyi analiz zaniatosti v sotsial'noi sfere // Sotsiologicheskie issledovaniia. 2002. № 6. — S. 74-82.

Социокультурные пределы развития административных центров

Р.Н. Абрамов

Абрамов Роман Николаевич (Москва, Россия) — канд. социол. наук, доцент кафедры анализа социальных институтов департамента социологии НИУ ВШЭ (Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики), старший научный сотрудник Института социологии РАН; Email: rabramov@hse.ru

ПЕНЗА: ПОИСКИ НОВОГО ОБРАЗА ГОРОДА НА ФОНЕ АМНЕЗИИ НЕДАВНЕГО СОВЕТСКОГО ПРОШЛОГО

В данной статье анализируются противоречия и проблемы поисков нового имиджа Пензы и Пензенской области. Статья обращает внимание на симптомы амнезии коллективной памяти о недавнем советском прошлом в региональном контексте. Также автор статьи обсуждает противоречия новой городской идентичности, которые нашли отражения в изменении городской символики, способы медийной репрезентации недавнего советского прошлого и перспективы музеефикации советского в городском контексте. Автор статьи ставит проблему интеграции коллективной памяти о позднем советском периоде в современный дискурс о городском образе Пензы.

Ключевые слова: амнезия, образ города, ностальгия, имидж, музеефикация, советское прошлое.

R. N. Abramov

Roman Abramov (Moscow, Russia) — PhD in sociology, associate professor at the Department of Social institutions analysis of the National research University “The Higher School of Economics”, senior researcher of the Institute of sociology of the Russian Academy of Sciences; Email: rabramov@hse.ru

PENZA: SEARCH FOR A NEW IMAGE OF THE CITY IN THE CONTEXT OF THE RECENT SOVIET PAST AMNESIA

The article analyzes the contradictions and problems of search for a new image of Penza and Penza region. The article draws attention to the symptoms of the collective memory amnesia of the recent Soviet past in a regional context. The author discusses the contradictions of a new urban identity which are reflected in the change of the city symbols, the processes of media representation of the recent Soviet past, and the prospects of the Soviet museumification in the urban context. The author raises the problem of integration of the collective memory of the late Soviet period in the contemporary discourse about the urban image of Penza.

Keywords: amnesia, city image, nostalgia, museumification, soviet past

В данной статье я обсуждаю проблему выпадения из коллективной памяти и возникшей амнезии о недавнем советском прошлом в процессе поиска пензенскими властями нового имиджа города, пересмотра городской символики. Советский период и особенно его последнее тридцатилетие с его светлыми и негативными сторонами жизни затерялся где-то в памяти местных жителей, хотя всё ещё значительная их доля родилась в «советской Пензе», а городские ландшафты, как и основной жилищный фонд, до недавнего времени были результатом массовой застройки оттепельного и брежневского периода, когда город стал принимать формы современного промышленного и исследовательского центра. Так сложилось, что Пенза оказалась важной точкой точного машиностроения и НИОКР для целей обороны, что в 1950–70-е гг. сформировало в городе массовую группу инженерно-технической интеллигенции — советской бледной тени «среднего класса».

Сегодня регион «затерялся» среди других, более известных городов — «Пензу» до сих пор активно путают с «Пермью» [20], но, благодаря усилиям по созданию образа культурной столицы в Перми [1; 15; 16; 19], её никогда не перепутают с Пензой. Сами жители Пензы скорее довольны покойным нестоличным ритмом, а туристы пытаются найти уникальные элементы в городском пространстве, также упирая на размеренное течение местной жизни и находя черты, «приметы старины глубокой» в сжимающейся как шагреновая кожа исторической части центра. В последние годы на волне официальной идеологии поддержки внутреннего туризма и увлечением властей различных регионов «брендингом» [5; 9; 20; 22, с. 309] и «имиджевым позиционированием» подведомственных территорий, в Пензе было несколько попыток изменения сложившегося образа города и области, для того чтобы избавиться от имиджа депрессивного региона у потенциальных инвесторов, а для местного населения сформировать новые поводы для локального патриотизма, отойдя от привычных отсылок к русской классике. В преддверии 350-летия Пензы столичным консультантам была заказана «Стратегия формирования и продвижения бренда Пензенской области», выпущенная в 2013-м г. и содержательно напоминавшая лоскутное одеяло из фрагментов текстов, написанных совсем для других целей. Такой аналитический second hand областное руководство собиралось приобрести за крупную сумму. Благодаря вмешательству экспертов пензенского еженедельника «Улица Московская», бюджет был серьезно понижен, а сама концепция признана неудачной¹.

Вероятная фрагментарность образа города в восприятии жителей Пензы, возможно, является следствием коммеморативного провала, когда память о городском пространстве советского времени ушла на периферию воспоминаний. Отчасти это объяснимо — пройдя 1990-е гг., Пенза утратила имевшуюся индустриальную и научно-исследовательскую базу, а многие работники заводов и НИИ оказались выброшенными на улицу. Соответственно, память о советском, с одной стороны, сильно ностальгизировалась [4], а с другой — утратила актуальность, отошла в «античность», которую трудно понять.

Имеется в виду резко изменившийся характер социальной среды и самого социального, затронувший жизнь большинства населения страны и обычных пензенцев. В позднее советское время «общее» и «близкое» для «простого советского человека» образовывалось двумя кругами общения — объединявшими приватное и публичное: первый «приватный» круг — это родственники и друзья; второй «публичный» — это трудовой коллектив, который списывал индивида в режимы работы, идеологии, социального контроля. Конечно, работа в советских учреждениях и заводских цехах далеко не всегда приносила удовлетворение (именно поэтому изучение удовлетворения от работы было одной из центральных тем советской промышленной социологии) и нередко была вполне отчужденной, однако жизненный мир и интеграция в социальное трудовых коллективов нередко сглаживали негативные стороны труда на советском предприятии. Распад советской модели экономики привел к распаду и этих социальных отношений, что оказалось травматичным для многих «бывших» советских специалистов и квалифицированных рабочих.

В Пензе этот провал микросоциальности наблюдался очень остро — одновременное лишение социально-профессионального статуса, определенного престижа, ощущения приобщенности к крупному трудовому коллективу завода или НИИ, фрустрировало многие тысячи жителей города и области и, с одной стороны, способствовало ностальгизации позднего советского времени как «Золотого века», с другой, необходимость выживания, нередко в условиях, близких к недоеданию, для многих отодвинула абстрактные вопросы о соотношении прошлого и настоящего на второй план.

В 1990-е гг. предпринимались некоторые попытки обратиться к прошлому и вызвать интерес жителей к локальной идентичности, но касались они, в первую очередь, дореволюционной эпохи в период, когда Российская империя в массовой культуре стала восприниматься в качестве «страны, которую мы потеряли». Впрочем, и этот интерес затрагивал узкий круг краеведов и местной гума-

1. См. публикации «Улицы Московской» — «Второе недоразумение Илика» (автор В. Мануйлов) и «Типовой образец» (автор в газете был не указан. В действительности этот аналитический комментарий подготовил автор данного текста по просьбе В. Мануйлова). См.: Улица Московская, 2013, №11 (480), с. 12.

нитарной интеллигенции, концентрировавшейся вокруг журнала «Земство», посвященного дореволюционной истории региона.

Локальная идентичность и городская символика

Важным признаком исчезновения советского с радаров регионального общественного мнения стала смена семиотических кодов, официальной и неофициальной символики города и области в рамках поиска новой идентичности. Исследователи отмечают роль символики в формировании образа города [См.: 6; 8; 11; 13; 18; 23].

Начнём с неофициальной символики, которая формировала видимый бренд города. В 1970-х самыми распространенными образами города были два монумента: Монумент Славы (стела «Росток») (рис. 1) и скульптурная группа на Площади Победы, открытая в честь 30-летия Победы в 1975-м г. (рис. 2)

Рис. 1.

Стела «Росток» — строгая и футуристическая композиция, устремлённая вверх и отсылающая к конструктивизму и энтузиазму 1960-х гг. Она выглядит как молодой побег травы, тянущийся к солнцу, и служит метафорой советского общества второй половины шестидесятых, еще не расставшегося с мечтой о построении коммунизма и иллюзиями динамичного развития. Эта композиция находится на набережной реки Суры, благоустроенной в то же время и ставшей визитной карточкой Пензы 1960–70-х гг. Монумент включен в ряд семейных и городских ритуалов — от дней города до посещения молодоженами в день свадьбы, рядом с ним принимали в пионеры, а стилизованное изображение ростка появилось на различной типографской и сувенирной продукции: значках, памятных подарках, брошюрах, книгах, записных книжках, выпелах, афишах, плакатах и т.п. Также стилизованные изображения Ростка активно интегрировались в леттеринг и логотипы разного рода мероприятий: научных и отраслевых конференций, проводимых в Пензе, фестивалей, концертов и т.д. Фотоизображение набережной с «Ростком» обязательно помещалось в иллюстрированные альбомы, посвящённые городу и Пензенской области. Простой фигуративный абрис монумента, идеологическая универсальность позволяли органично вписывать его в практически любой контекст, и этот образ стал очень удачным примером неофициального регионального брендинга.

Скульптурная группа на Площади Победы (Монумент воинской и трудовой Славы), открытая в 1975 году, более традиционна и соответствует принятому в позднее советское время символиче-

Рис. 2.

скому канону увековечивания памяти о Великой Отечественной войне. Мать держит на руках ребенка, у которого, в свою очередь, в руке золотая ветвь мира, а чуть впереди стоит солдат в пилотке, олицетворяющий защитника. Эта композиция стала узнаваемой всеми жителями города и области, а Площадь Победы превратилась в главное пространство ритуалов, связанных с празднованием Дня Победы. Данная скульптурная группа также использовалась в качестве узнаваемого образа в сувенирной и типографской продукции, однако в более узком контексте, связанном с историко-патриотической направленностью.

Впрочем, в начале 1980-х гг. в Пензе появился монумент, чья популярность в качестве неофициального символа города затмила известность «Ростка» и скульптуры на Площади Победы. Этим монументом стала композиция «Первопоселенец» (рис. 3), открытая 8-го сентября 1980-го г.

Рис. 3.

Пензы и области, которые в XVII в. осваивали это пространство, присоединив его к московскому государству и построив оборонительный вал и укрепления против набегов кочевников. Так появился образ первопоселенца, героя фронта — крестьянина-пахаря и воина, за которым стоит конь (главный спутник пахаря и воина в то время), а сам первопоселенец держит в руках копьё и опирается на плуг, при этом надпись на памятнике отсылает к 1663-му г., — общепринятой дате основания Пензы. И хотя в 1970-е гг. официальные советские власти активно заигрывали с почвенниками и новыми славянофилами из числа консервативной части художников и писателей «деревенщиков» [17], идея этого памятника была идеологически смелой и, вероятно, отражала дряхление системы советских символов, связанных с революцией, социалистическим строительством и даже Великой Отечественной войной. Этот памятник был установлен в исторической части города как элемент экспозиции, посвященной основанию Пензы, а его удачное расположение (он расположен на холме, на обзорной площадке, откуда открывался живописный вид на Суру и значительную часть города) сделало Первопоселенца очень популярным среди горожан и туристов.

Соответственно, Первопоселенец стал активно вытеснять Росток и скульптуру на Площади Победы с лидерских позиций неофициальных символов Пензы: с 1980-х гг. и по настоящее время именно Первопоселенца изображают на обложках фотоальбомов, посвященных городу, на чайных сервизах и кружках, он нередко становится графическим элементом логотипов локальных брендов, мероприятий (конференций и фестивалей), к нему также приезжают фотографироваться новобранцы. Пивоваренная компания «Самко» на протяжении долгого времени использовала изображение Первопоселенца на этикетках и банках своего пива (марки «Penza beer», «Старая Пенза» и др.). Нарочитая несоветскость этого памятника дала ему шанс стать неофициальным символом города и до настоящего времени, тогда как «Росток» потерял свою популярность, что проявилось и в отсутствии внимания городских властей к набережной Суры, которая уже долгое время находится в полуразрушенном, заброшенном состоянии. Мемориальный комплекс на Площади Победы по-прежнему сохраняет свое символическое и сакральное значение, но только в контексте памяти о Великой Отечественной войне. Таким образом, главным неофициальным символом города можно

считать памятник Первопоселенцу, а другие монументы и скульптурные группы являются дополняющими, поскольку связаны с советским периодом и историей, а поэтому потерявшими былое идеологическое содержание.

Снопы, шестеренки и ласточки: трансформации городского герба

Более последовательный и резкий отказ от советского произошел на уровне официальной городской символики — были изменены флаг региона и герб города (Рис. 4, 5, 6). Первый герб Пензенской губернии (и Пензы) был утвержден 28 мая 1781 г. и отражал сельскохозяйственную специализацию региона: «В зеленом поле три снопа: пшеничный, ячменный и просяной». С незначительными изменениями этот герб просуществовал до начала советского периода, а потом в течение многих лет герба города не существовало. В начале 1960-х гг. в некоторых регионах страны стали возникать низовые инициативы по формированию символики территорий и городов². Среди них была и Пенза, которая первой утвердила новый герб исполнительным комитетом городского Совета депутатов трудящихся 12 сентября 1964 года (решение № 502) (рис. 4). Авторами-разработчиками герба стали местные художники А.А. Оя, А.А. Фомин, Ю.И. Ромашков, П.С. Аниськин. Описание герба таково: «В серебряном щите с золотой окантовкой черная ласточка, летящая вправо, окруженная тонким золотым зубчатым колесом, опирающимся на три соединенных золотой лентой хлебных снопа. В узкой красной вершине щита в правом углу синий крыж с золотой эмблемой "Серп и Молот"».

Этот герб отражал новую историю региона, который в послевоенное время активно развивался и становился важным промышленным центром с ростом городского населения и инфраструктуры. Нужно отметить, что этот герб сохранил некоторые элементы дореволюционной версии (три снопа), соблюдая историческую преемственность и обозначая важность сельского хозяйства для региона.

Ласточка некоторое время была неформальным символом города — её семиотический смысл еще ждет своих исследователей, но в ряде описаний советского герба Пензы отмечается, что изображение ласточки символизировало выпуск пианино одноименной марки на одном из предприятий города. Также некоторые виды ласточек (стрижей) селились по берегам Суры, а их стремительный полет служит метафорой быстрого роста в 1960-е гг. Советский вариант пензенского герба пользовался популярностью среди горожан — выпускались значки с изображением герба, он активно изображался на сувенирной продукции и в печатных изданиях, так же становился частью логотипов различных мероприятий. Герб советской Пензы внятно отражал многоукладность и современность экономики региона, что соответствовало действительности, так как на полную мощность работали часовой завод (шестеренка как элемент герба), машиностроительные заводы, а ласточка могла бы символизировать относительно высокую скорость модернизации в 1960-е гг.

Как уже говорилось выше, в 1990-е гг. ситуация в регионе радикально изменилась: от прежней индустриальной мощи и научно-технического потенциала остались бледные следы, а поэтому символическое позиционирование региона в промышленном и научном ключе становилось проблематичным. Советская версия герба с незначительными изменениями действовала до 2001-го г., а после этого Пензенская городская Дума утвердила новый герб города — был восстановлен исторический герб — «в зеленом поле три снопа». Так на геральдическом уровне произошел отказ не только от советского прошлого с его символами, но и от научной и промышленной составляющей символа

Рис. 4.

2. Эту сторону рождения новой советской символики и, в частности, появления советского герба г. Пензы изучает петербургский антрополог Евгений Манжурич. [10].

Рис. 5.

трансформации. Флаг региона впервые был утвержден Законодательным Собранием Пензенской области 13 ноября 2002 года, и его описание включает в себя (рис. 6): «флаг представляет собой прямоугольное полотнище, состоящее из одной вертикальной и одной горизонтальной полос: вертикальной — зеленого (травяного), горизонтальной — желтого (золотого) цветов. По центру желтой (золотой) полосы с небольшим смещением вверх и влево к древку флага располагается символическое изображение Спаса Нерукотворного. Высота изображения равна 2/3 высоты флага. Общий цвет изображения — темно-золотой. Зеленый (травяной) цвет символизирует природу Пензенской области, ее леса, а также плодородие, вечную жизнь и здоровье. Желтый (золотой) цвет символизирует поля, мудрость, знания, свет, богатый урожай, перспективу. Символическое изображение Спаса Нерукотворного символизирует духовность, всеединство, национальное возрождение»³. До сих пор этот флаг не внесён в Государственный геральдический регистр Российской Федерации, поскольку не соответствует принятым геральдическим правилам. Кроме того, мусульманская община региона выражала недовольство этим флагом, поскольку там используется религиозная символика⁴, а на территории области проживают люди разных конфессий. Впрочем, в настоящее время этот флаг используется в городских ритуалах и на официальных мероприятиях, он развешивается и на здании областного правительства, которое выполнено в стиле позднего сталинского классицизма и перед которым находится памятник Ленину. То есть символика этого флага вносит элемент постмодернизма в образ региона. Без проведения соответствующих исследований, трудно говорить о том, как сами жители региона относятся к флагу, рискну лишь предположить, что он не стал столь популярным символом среди населения Пензенской области.

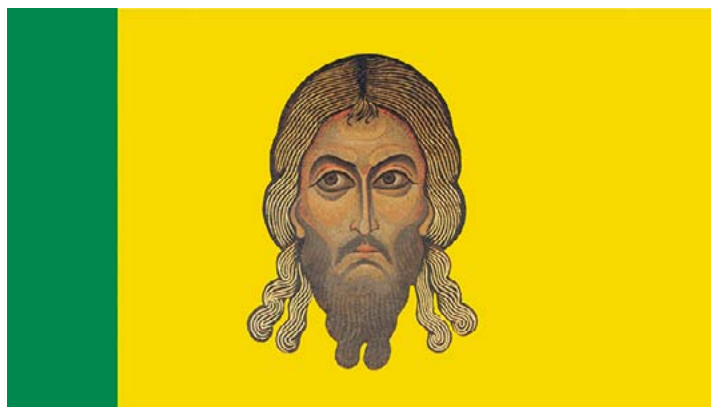

Рис. 6.

Память о советском: медийный и ландшафтный аспекты

Выше я много говорил о пустотах локальной идентичности, связанных с выпадением советского из местной истории и символики. Справедливости ради следует отметить, что пензенские медиа активно обращаются к различным сторонам советского прошлого, популяризируя историю города. Крупные региональные телеканалы выпускают собственные циклы исторических программ: «11 ка-

3. Флаг Пензенской области. https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%BB%D0%B0%D0%B3_%D0%9F%D0%B5%D0%BD%D0%B7%D0%B5%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B8

4. <http://www.pravoslavie.ru/15250.html>

нал» выпускает серию передач «На берегу Суры», охватывающих различные периоды истории города и области; краеведческие проекты главного официального журналиста области Павла Прохоренкова «Губерния» (2001–2002 гг.), «Новейшее краеведение» (2007 г.), «Пенза. Масштаб 1:350» и др. Было несколько телепроектов, посвященных отдельным городским районам и улицам, городским школам, авторы которых активно обращались к воспоминаниям детства участников программ и т.д. Ведущие этих проектов довольно неумело пытаются копировать журналистский стиль, жестикую, даже интонации Леонида Парфенова, однако ценность таких программ заключается в том, что история повседневности и локальные идентичности получают свой голос

Из периодических печатных изданий, линию локальной истории активно развивает Валентин Мануйлов в своей еженедельной газете «Улица Московская», где он обращается к истории повседневной жизни отдельных районов города и биографиям и воспоминаниям ученых, врачей, представителей творческой интеллигенции, в разные годы живших в Пензе и области. Другое дело, что электронные и печатные медиа используют язык и стиль своих материалов, скорее обращенный к людям старшего возраста и в меньшей степени направленный на молодое поколение, которому интересны сюрреалистические путешествия по теневой стороне городской жизни прошлого и настоящего — примерно то, что можно прочесть в журнале «Метрополь» (<http://mtrpl.ru/ekat>), где Екатеринбург позиционируется как «лавкрафтовская столица России». У Пензы ведь тоже есть уникальные темы — хотя бы эта странная активность местной коммунистической парторганизации по увековечиванию памяти Сталина и попыткам организовать «Сталин-центр»⁵. Это может стать темой для развития dark-туризма и сюрреалистических репортажей из города.

Почему еще советская история, и особенно история советской повседневности, важны для формирования локальной идентичности Пензы? Дело в том, что, несмотря на подчеркивание своей «старины», Пенза — город социалистический по своей архитектурной структуре, а теперь еще и постсоветский, учитывая гигантские масштабы новой застройки в период строительного бума последнего десятилетия. Кроме того, в Пензе нет собственного кремля или крупного монастыря с крепостными стенами — объекта, который обычно является визитной карточкой старых российских городов. От дореволюционной застройки также остались жалкие фрагменты, а региональная интеллигенция не только не сопротивлялась разрушению исторического центра, но и сама радостно переезжала в монолитные и кирпичные новостройки, порой выраставшие на месте старых домов. Оправдания ветхости старого фонда здесь не работают, так как в России и в мире накоплен гигантский опыт работы с ветхим жильем и архитектурным наследием и интеграцией его в современный контекст.

Известно, что уникальный природный и историко-культурный ландшафт города является потенциалом развития городской экономики, поскольку стимулирует различные отрасли креативной экономики, которая лучше себя чувствует в комфортном окружении в виде газонов, велосипедных дорожек и уютных больших парков и скверов [3]. Креативная экономика — это совокупность индустрий, связанных с оказанием интеллектуальных и рекреационных услуг, охватывающих широкий круг видов деятельности — инновационное образование, бизнес-консалтинг, шоу-бизнес, дизайн, инжиниринг, прикладные научные разработки, искусство, туризм, общественное питание и гостиничные услуги. Вид из окна и эстетика городской среды — это не только отвлеченное культурологическое понятие, но и важный экономический ресурс городской экономики. Недаром девелоперы любят рекламировать свои объекты, расписывая прекрасные виды из окна и наличие зеленых зон в шаговой доступности, которых, может быть, нет и никогда не было. При всех перекосах советской застройки послевоенной Пензы она все еще была соразмерна человеку, обычному жителю, и его повседневным нуждам в парковых зонах, площадках для отдыха. Недаром именно тогда Пенза стала гордиться своими парками и рекреационными зонами, доступными жителям. Кроме того, несмотря на все усилия советской урбанизации, значительные анклавы малоэтажной и индивидуальной за-

5. Подробнее о «Сталинском центре», открытом в Пензе См. http://kprfpenza.ru/news/v_penze_otkryli_pervyj_v_mire_stalinskij_centra/2015-12-21-891

стройки сохранились до конца 1980-х гг. и могли бы быть прообразом нового городского центра, где новое и старое находится в гармонии. Этого не случилось.

Строительный бум последнего десятилетия смел надежды на то, что когда-нибудь город станет точкой притяжения для туристов, а сами горожане будут жить в экологически и эстетически комфортной среде. Не буду здесь упоминать о конкретных примерах варварского разрушения старых построек и точечной, но масштабной застройки парковых зон — этих примеров в городе уже не десятки, а, наверное, сотни. Скажу только, что сегодня город выглядит как поселение, отстроенное заново после ковровых авиабомбардировок, навсегда покончивших с исторической памятью города. И эта новая застройка сделана без учета природного ландшафта, без заботы об удобстве жизни людей, без понимания специфики жизни в городской среде. Помимо этого, в Пензе есть несколько интересных примеров конструктивистской советской архитектуры 1920–30-х гг., когда такие предприятия как ЗИФ активно вкладывались в развитие общественной и жилой инфраструктуры. Во многих странах модернистскую архитектуру считают наследием, достойным сохранения. Однако она либо перестраивается до неузнаваемости, либо разрушается без всякого сожаления.

Музеефикация советского в городском контексте

Исключая небольшую часть экспозиции Краеведческого музея, в Пензе почти нет выставок и пространств, посвященных повседневности позднего советского времени. Между тем, эта тема стала не только предметом интереса профессиональных историков, но и объектом заботы энтузиастов, активно развивающих «народные музеи» советского, которые лишены политической окраски, а скорее погружают посетителя в жизненный мир «простого советского человека» или «советского детства» [21].

В контексте нашего анализа под музеефикацией мы понимаем стремление собрать, категоризовать, сохранить и продемонстрировать материальные и культурные артефакты поздней советской эпохи, а также желание выделить и охарактеризовать типичные черты той эпохи, воплощенные в устройстве повседневной жизни «*простых советских людей*». Музеефикация тесно связана с практиками коммеморации, которая во французской традиции исследований коллективной памяти определяется как «процесс, мобилирующий разнообразные дискурсы и практики в репрезентации события, содержащий в себе социальное и культурное видение памяти о коммеморативном событии, [...] и служащий выражением солидарности группы» [7; 24]. Наряду с памятными монументами, мемориальными кладбищами и памятниками архитектуры музеи являются «местами памяти» «свидетельствами иной эпохи», «ритуалами общества без ритуалов, преходящими святынями десакрализирующего общества» [14].

Процесс коммеморации можно обозначить как бесконечный переход от устных воспоминаний и «живой» социальной памяти к универсализованным, прошедшим экспертную очистку и идеологическую обработку, а поэтому застывшим, «монументализированным» историческим нарративам — собственно истории. П. Нора проводит вполне структуралистское различие между многообразием видов истории и видов памяти, отдавая памяти всё «живое», подвижное, эмоциональное, изменчивое, чувственное, магическое, поддающееся манипуляциям и принадлежащее групповому сознанию и оставляя истории миссию неполных, но претендующих на универсальность реконструкций прошлого [14].

Для старшего поколения — это ностальгия, для детей и молодежи — забавные и странные вещи с другой планеты, которой был СССР.

Возможно ли что-то подобное в Пензе? Наверное, не стоит повторять уже имеющиеся концепции, но у Пензы есть своя забытая история советского: это история краткого технологического и инновационного рывка 1950–70-х гг. Тогда в городе были созданы мощные исследовательские институты и экспериментальные производственные площадки. Казалось, что именно в тот момент творилась научно-техническая революция благодаря Баширу Рамееву и другим талантливым ученым. Город стал городом инженеров и технологов со своим бытом, стилем жизни, материальным

миром. Теперь многое из этого утрачено, хотя мне было бы любопытно прийти в старую пятиэтажку на Западной Поляне [2], где селились представители советской интеллигенции, и побывать в «Музее советского инженера», пусть даже и расположенном в однокомнатной квартире. Есть ведь в Москве Музей быта советских ученых «Академгородок»⁶, открытый в профессорском доме, построенном для сотрудников Академии наук СССР. Странно, что, открывая древности далеких столетий, так быстро утрачивается понимание того, как и чем жили младшие научные сотрудники НИИ 1960–70-х гг.

Библиография

1. Абашев В.В. Пермская монументальная риторика местной идентичности: памятники, эмблемы и арт-объекты в пространстве города // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 1. — С. 66–79.
2. Абрамов Р. Н. «Это был интеллигентский район...»: Ностальгические репрезентации прошлого в воспоминаниях жителей района Западная Поляна г.Пензы // Власть времени: социальные границы памяти. — М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2011. — С. 122—141.
3. Абрамов Р.Н. Пенза — машина девелоперского роста? // Улица Московская, 2014, 12 августа, http://www.ym-penza.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=1314:penza-mashina-developerskogo-rosta&Itemid=225
4. Абрамов Р.Н. Время и пространство ностальгии // Социологический журнал. 2012. № 4. — С. 5—23.
5. Визгалов Д. Брендинг города. — М.: Институт экономики города, 2011. — 160 с.
6. Головнёва Е.В. Региональная идентичность как форма коллективной идентичности и ее структура // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 5. — С. 42—50.
7. Данилова Д. Мемориальная версия Афганской войны (1979–1989 годы) // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2005. № 2–3 (40–41). — С. 149—161.
8. Замятин Д. Н. Метагеография: Пространство образов и образы пространства. — М.: Аграф, 2004. — 512 с.
9. Игнатьева О. В., Лысенко О. В. Культурная политика и стратегия конструирования имиджа территории // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 1. — С. 6—16
10. Манжурин Е. А. Воображаемая преемственность: дореволюционное геральдическое наследие в советской городской символике (1953–1991) // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2015. № 3. — С. 116—122.
11. Митин И.И. Мифогеография как теоретическая рамка брендинга города // Брендинг малых и средних городов России / Отв. ред. А. М. Бритвин. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. — С.135—142.
12. Мясников Г. В. Страницы из дневника / Под редакцией М. Г. Мясникова и М. С. Полубоярова. — М.: Типография АНО «Институт национальных проблем образования», 2008. — С. 309—310.
13. Назукина М. В. Основные тренды позиционирования регионов российской Арктики // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. №5. — С. 59—68.
14. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж. — М.: Винок. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. — С. 17—50.
15. Пунина К.А., Ромашова М.В. Университет и город: технологии формирования имиджа (случай Перми) // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 2. — С. 83—93.
16. Разлогов К. Э., Кочеляева Н. А., Федорова Т. С. Пермский край Российской Федерации: аналитический обзор по культурной политике. — Пермь, 2013. — 60 с.
17. Разуvalова А. Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов. — М.: Новое литературное обозрение, 2015. — 616 с.
18. Столбовая Ю. В. Формирование туристического образа территорий: брендинговый и драматургический подходы // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 1. — С. 17—25.
19. Тавризян Ю. Б. Едем или качаемся? Пермский опыт развития глазами его участника // 60 параллель. 2011. № 3 (42). — С. 92—102.
20. Тимофеев М. Ю. Города и регионы России как (пост)индустриальные бренды // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 5. — С. 29—41.
21. Тимофеев М. Ю. Музеефикация СССР // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2014. № 5. — С. 25–33.

6. Предметы советской жизни. <http://soviet-life.livejournal.com/1435892.html>

22. Трубина Е. Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. — М.: Новое литературное обозрение, 2011. — 520 с., ил.
23. Paasi A., Zimmerbauer K. Theory and practice of the region: a contextual analysis of the transformation of Finnish regions // *Treballs de la Societat Catalana de Geografia*. 2011. № 71-72. — P. 163—178.
24. Sherman D. The Construction of Memory in Interwar France. — Chicago: The University of Chicago Press, 1999. — 414 p.

References

1. Abashev V.V. Permskaia monumental'naia ritorika mestnoi identichnosti: pamiatniki, emblemy i art-obekty v prostranstve goroda // *Labyrinth. Journal of Philosophy and Social Sciences*. 2015. № 1. — S. 66-79.
2. Abramov R. N. «Eto byl intelligentskii raion...»: Nostal'gicheskie reprezentatsii proshlogo v vospominaniakh zhitelei raiona Zapadnaia Poliana g.Penzy // *Vlast' vremeni: sotsial'nye granitsy pamiati*. — M.: ООО «Variant», TsSPGI, 2011. — S. 122—141.
3. Abramov R.N. Penza — mashina developerskogo rosta? // *Ulitsa Moskovskaia*, 2014, 12 avgusta, http://www.ym-penza.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=1314:penza-mashina-developerskogo-rosta&Itemid=225
4. Abramov R.N. Vremia i prostranstvo nostal'gii // *Sotsiologicheskii zhurnal*. 2012. № 4. — S. 5—23.
5. Vizgalov D. Brending goroda. — M.: Institut ekonomiki goroda, 2011. — 160 s.
6. Golovneva E.V. Regional'naia identichnost' kak forma kollektivnoi identichnosti i ee struktura // *Labyrinth. Journal of Philosophy and Social Sciences*. 2013. № 5. — S. 42—50.
7. Danilova D. Memorial'naia versiiia Afganskoi voyny (1979-1989 gody) // *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture*. 2005. № 2-3 (40-41). — S. 149—161.
8. Zamiatin D. N. Metageografiia: Prostranstvo obrazov i obrazy prostranstva. — M.: Agraf, 2004. — 512 s.
9. Ignat'eva O. V., Lysenko O. V. Kul'turnaia politika i strategiia konstruirovaniia imidzha territorii // *Labyrinth. Journal of Philosophy and Social Sciences*. 2015. № 1. — S. 6—16
10. Manzhurin E. A. Voobrazhaemaia preemstvennost': dorevoliutsionnoe geraldicheskoe nasledie v sovetskoi gorodskoi simvolike (1953–1991) // *Vestnik Permskogo universiteta. Serii: Istorii*. 2015. № 3. — S. 116—122.
11. Mitin I.I. Mifogeografiia kak teoreticheskaiia ramka brendinga goroda // *Brending malykh i srednikh gorodov Rossii* / *Otv. red. A. M. Britvin*. — Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un ta, 2012. — S.135—142.
12. Miasnikov G. V. Stranitsy iz dnevnika / *Pod redaktsiei M. G. Miasnikova i M. S. Poluboiarova*. — M.: Tipografiia ANO «Institut natsional'nykh problem obrazovaniia», 2008. — S. 309—310.
13. Nazukina M. V. Osnovnye trendy pozitsionirovaniia regionov rossiiskoi Arktiki // *Labyrinth. Journal of Philosophy and Social Sciences*. 2013. №5. — S. 59—68.
14. Nora P. Problematika mest pamiati // *Frantsiia-pamiat' / P. Nora, M. Ozuf, Zh. de Piuimezh*. — M.: Vinok. — SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1999. — S. 17—50.
15. Punina K.A., Romashova M.V. Universitet i gorod: tekhnologii formirovaniia imidzha (sluchai Permi) // *Labyrinth. Journal of Philosophy and Social Sciences*. 2015. № 2. — S. 83—93.
16. Razlogov K. E., Kocheliaeva N. A., Fedorova T. S. Permskii kraj Rossiiskoi Federatsii: analiticheskii obzor po kul'turnoi politike. — Perm', 2013. — 60 s.
17. Razuvalova A. Pisateli-«derevenshchiki»: literatura i konservativnaia ideologiia 1970-kh godov. — M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. — 616 s.
18. Stolbovaia Iu. V. Formirovanie turisticeskogo obraza territorii: brendingovy i dramaturgicheskii podkhody // *Labyrinth. Journal of Philosophy and Social Sciences*. 2015. № 1. — S. 17—25.
19. Tavrizian Iu. B. Edem ili kachaemsia? Permskii opyt razvitiia glazami ego uchastnika // *60 parallel'*. 2011. № 3 (42). — S. 92—102.
20. Timofeev M. Iu. Goroda i regiony Rossii kak (post)industrial'nye brendy // *Labyrinth. Journal of Philosophy and Social Sciences*. 2013. № 5. — S. 29—41.
21. Timofeev M. Iu. Muzeifikatsiia SSSR // *Labyrinth. Journal of Philosophy and Social Sciences*. 2014. № 5. — S. 25-33.
22. Trubina E. G. Gorod v teorii: opyty osmysleniia prostranstva. — M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. — 520 s., il.
23. Paasi A., Zimmerbauer K. Theory and practice of the region: a contextual analysis of the transformation of Finnish regions // *Treballs de la Societat Catalana de Geografia*. 2011. № 71-72. — P. 163—178.
24. Sherman D. The Construction of Memory in Interwar France. — Chicago: The University of Chicago Press, 1999. — 414 p.

Н.В. Веселкова

Веселкова Наталья Вадимовна (Екатеринбург, Россия) — кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии Института социально-политических наук Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина;
Email: vesselkova@mail.ru

КТО ЗНАЕТ ВАШ КАЧКАНАР? ТРУДЫ И ДНИ УРАЛЬСКОГО МОНОГОРОДА

Молодой уральский моногород анализируется согласно предлагаемой рабочей схеме с точки зрения динамики известности и значимости (параметры масштаба), а также жизнестойкости и перспектив (темпоральное измерение). Оспаривание горы Качканар претендующими на нее игроками: горно-обогатительным комбинатом, буддийским монастырем и горнолыжным курортом — раскрывает специфическую инерцию советских коннотаций «города юности». Господство моногородской смысловой матрицы в условиях молодого города приводит к эффекту недраматизации.

Ключевые слова: моногород, молодой город, масштаб, темпоральность, Качканар, недраматизация

N. V. Veselkova

Natalia Vadimovna Veselkova (Yekaterinburg, Russia) — PhD in Sociology, Associate Professor at the Chair of Applied Social Sciences, Institute of Social and Political sciences, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin; Email: vesselkova@mail.ru

WHO KNOWS YOUR KACHKANAR? WORKS AND DAYS OF URAL MONOTOWN

A young Ural company town (monotown) is analyzed according to the proposed working scheme in terms of the dynamics of its repute and importance (scale), as well as its resilience and prospects (temporal dimension). The contestation of the mountain Kachkanar by the main actors — the mining and processing plant, the Buddhist monastery and the ski resort — reveals the specific inertia of the “city of youth’s” Soviet connotations. The domination of the monotown semantic matrix in the context of the young town leads to the nondramatization effect.

Keywords: monotown, young town, scale, temporality, Kachkanar, nondramatization

«А кто знает этот город?» — критиковал составитель университетского сборника нашу с коллегой статью, предлагая в цифрах и фактах разъяснить экономическое положение Качканара. Вряд ли нужно проводить замеры известности, чтобы убедиться в правоте профессора. Даже «в [Нижнем] Тагиле не знают, где такой Качканар, кто-то даже и не слышал!» (Ж51), — с горечью восклицала участница нашего исследования¹. Нижний Тагил не случайно фигурирует в качестве референта. Это ближайший, в ста километрах от Качканара, крупный населенный пункт и основной потребитель продукции качканарского горно-обогатительного комбината (ГОК), ради которого в 1957 г. и был заложен город.

В каком ключе формируется известность, зависит от того, кому и для чего может быть интересно такое поселение, как Качканар — промышленный моногород на севере Свердловской области с населением ок. 40 тыс. человек. Количественные параметры известности, таким образом,

1. «Места памяти в молодых уральских городах: особенности построения идентичности (РГНФ-«Урал» № 13-13-66010, 2013–2014 гг.), совместно с М.Н.Вандышевым, Е.В.Пряниковой. Цитаты из интервью здесь и далее выделены курсивом, в скобках указан пол и возраст информанта.

определяются качественными — с какой стороны известно поселение и каким категориям людей. Славится ли он, к примеру, своим красавцем-комбинатом или красавицей-горой? Знают/узнают о нем скорее склонные к активному туризму люди или граждане, заинтересованные в поиске работы в регионе? Эти качественные параметры можно назвать значимостью; то и другое варьирует по масштабу (См. рис. 1). На другой стороне предлагаемой рабочей схемы — вариации темпоральности. Жизнестойкость, столь востребованная в суровые времена, опирается на актуализированные в настоящем ресурсы прошлого. Перспектива аккумулирует образ будущего (официальным воплощением чего служит план стратегического развития города и др. подобные документы)². В центре схемы находится идентичность города, от этого понятия хотелось бы уйти, конкретизировав его через названные составляющие.

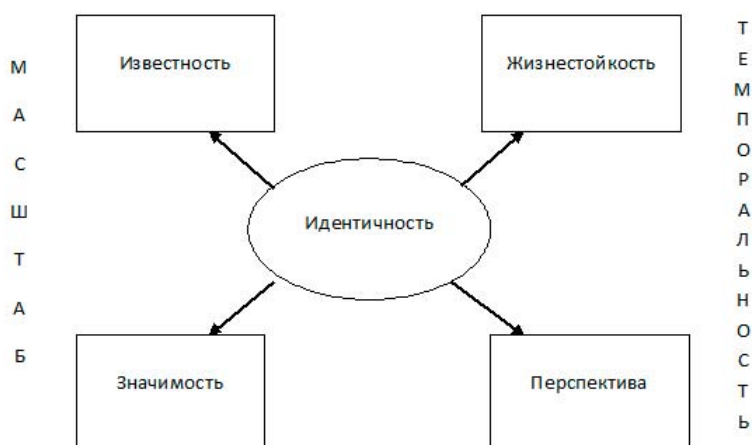

Рис. 1. Масштабные и темпоральные характеристики города

гг под звуки победных маршей: у всех на слуху были Братская ГЭС, покорение космоса и поднятие целины. Эти грандиозные проекты затмевали происходившее на Урале. Да и сам регион уже пережил пик своей славы в годы первых пятилеток с гремевшими тогда Магниткой, Березниками, Уралмашем и Челябинским тракторным. После войны регион обладал приумноженным за счет массовой эвакуации экономическим и человеческим потенциалом. В то же время, за счет истощения рудных запасов, ухудшения экологической обстановки и низкого уровня жизни, Урал становился все менее привлекательным как для центральных властей, так и для населения.

Исключение составляют объекты ВПК, особенно атомного комплекса. Один такой островок благополучия под боком Качканара подчеркивает противоречия социально-экономического развития территории в данный период. С 1947 г. под Нижней Турой, т.е. в 19 км по прямой, в 40 км по современной трассе от будущего Качканара, заключенные возводили закрытый атомный город Свердловск-45 (г. Лесной). Обнесенный колючей проволокой «оазис» с привилегированным снабжением не мог, конечно, переломить общей плачевной ситуации. Поэтому решение разрабатывать давно известные, но бедные руды Железной горы Качканар было не просто рискованно смелым — большая стройка вдохнула новую жизнь в часть обширного края, где нищали и обезлюдевали старательские поселки [29].

Значимость в масштабах всей страны была задана объявлением Качканара в 1958 г. всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Известность и значимость происходящего в уральской тайге и в целом лепились с привлечением символического капитала названных выше общесоюзных проектов. Запуск первых искусственных спутников земли — событие даже не национального, а мирового масштаба — в один год с началом работ на Качканаре служило (для внутренней аудитории) референтом конструирования значимости стройки [См. 3]. Год первого полета человека в космос тоже

Опираясь на материалы печатных и интернет-СМИ, архивные документы, а также данные интервью, фото-мэппинга и ментальных карт, полученные в ходе реализации двух исследовательских проектов в 2010–2014 гг.³, проследим эти смыслы и идентификации с момента закладки города в 1957 г.

От великой стройки к безвестному моногороду — такова судьба очень многих начинаний советской эпохи.

Качканар строился в 1950–60-е

2. Разделение, конечно, условно. Известность и значимость могут рассматриваться в темпоральном ключе, а жизнестойкость и перспектива — через масштабы, но для целей нашего предварительного анализа ограничимся указанным в схеме отнесением.

3. «Динамика практик и стратегий жизнеобеспечения населения моногородов» (РФФИ-«Урал» 10-06-96021, 2010–2012), совместно с М.Н.Вандышевым, Е.В.Прякиковой, второй проект — См. прим. 1.

созвучен качканарскому календарю — именно тогда планировался пуск первой очереди комбината. В действительности он состоялся в 1963 г., а в 1961 г. на вершине горы качканарцы установили памятную стелу с ракетой в честь Гагарина. Соотнесение с кампанией по поднятию целины вылилось в довольно устойчивое выражение — «железная целина Качканара», в начале 60-х оно мелькало и в местной [21; 10] и в центральной печати. «Растет город, растет комбинат, подымается железная целина Качканара», — писал, к примеру, корреспондент «Огонька» [8].

Сегодня, однако, ни с космосом, ни с целиной никто Качканар не связывает. Каковы же черты его актуального портрета? Наиболее ярко манифестируемая особенность — это **молодость**; до сих пор Качканар с гордостью именуется городом юности. На сегодня еще только один населенный пункт сохранил за собой этот почетный статус — Комсомольск-на-Амуре. В отличие от дальневосточного собрата, уральскому поселению пришлось ждать городского статуса до 1968 г., одиннадцать лет; финансирование же по поселковым нормативам и застройка без архитектурного надзора серьезно сдерживали развитие [См., напр.: 20, с. 86].

Проанализировав обстановку в Качканаре в это самое время, в 1969–1970 гг., Л. Н. Коган разработал социологическую концепцию молодого города⁴. В отличие от новых городов, которые выросли из старых поселений, Качканар относится к тем, что были возведены: а) «на пустом месте», б) методом ударной молодежной стройки. Поэтому, заключает Лев Наумович, подобные Качканару поселения не просто молодые в смысле недавно построенных, но и молодежные — по преобладающему составу населения. Из молодежности вытекают другие особенности, важнейшая из которых — это высокая мобильность, текучесть населения, приводящая к проблеме «закрепления кадров и создания постоянного оседлого, стабильного контингента горожан» [12, с. 22].

Как показывает анализ архивных документов первых лет строительства, Качканар с самого начала испытывал серьезные кадровые проблемы [3]. И проистекали они, разумеется, не из возраста работников, а как и по всей стране, из негодных социально-экономических условий, помноженных на природно-климатические (энцефалитные клещи и гнус летом, морозы зимой). Люди массово приезжали на стройку, привлеченные возможностью трудоустройства, получения жилья и, не в последнюю очередь, участия в большом и славном деле, но так же массово и уезжали. Нехватку рабочей силы восполняли разными способами, от комсомольских мобилизаций, до обычных оргнаборов. На волне масштабных сокращений в вооруженных силах только в 1962 г. Свердловский совнархоз предписывал принять на Качканар 1200 демобилизованных солдат⁵. Попытка в конце 60-х утолить кадровый голод за счет условно-освобожденных и условно-осужденных⁶ обернулась ростом общей напряженности и преступности, в какой-то момент пришлось даже ввести в город взвод солдат-срочников из подразделений МВД. По воспоминаниям начальника качканарской милиции Р. П. Лебедева, из 3000 «условников» около трети усилиями органов правопорядка вскоре были возвращены в места заключения [15, с. 33–34].

В контексте столь суровых проблем создания, по Когану, постоянного населения, развитый в Качканаре культ первостроителей предстает уже не только долгом памяти в рамках мифа основания, но и способом символически «закрепить» в данном месте людей (См. рис. 2).

Рис. 2. «Слава первостроителям Качканара!» — лозунг на городской площади в 2013 г., в год 50-летия пуска комбината (материалы исследовательского фото-мэппинга).

4. Исследование сектора социологии духовной жизни советского общества Института экономики Уральского научного центра АН СССР [12].

5. Постановление Свердловского СНХ № 19 2.02.62 г. «О мерах по усилению строительства Качканарского Горнообогатительного комбината» [5, л. 30].

6. Указ Верховного Совета СССР «Об условном освобождении вставших на путь исправления осужденных с направлением на стройки народного хозяйства» от 20.03.64.

Другой характеристикой положения жителей молодого моногорода стал гендерный перекос. На строительстве находилось дело и мужчинам, и женщинам, а вот в самом ГОКе специфика производства обеспечивает преимущественно мужскую занятость. Не случайно в современном в гимне комбината воспеваются именно «сильные мужики — настоящие горняки»⁷, как если бы женщин в Качканаре вообще не было. В 1976 г. для устранения структурной безработицы и диверсификации экономики города здесь открывается филиал Свердловского завода электроавтоматики (радиозавод) «Форманта».

Еще в 1961 г. местная газета, разворот которой сделали студенты, обрисовала облик Качканара спустя 10 лет:

«Асфальтированные улицы, зеленые скверы, в которых «для интереса» сохранены кедры... идем мы по улице, а нас догоняет троллейбус «подстанция — проспект Студентов». Берем билеты и едем. Мимо стадиона, кондитерской фабрики, здания горисполкома, здания управления ГОКа, вдоль бульвара — бывшей лежневки...» [37].

Троллейбус действительно пойдет по Качканару в 1972 г., т. е. через 11 лет, и просуществует до 1985. В конце 70-х появится и свой пищепром — только не кондитерская, а птицефабрика (спустя двадцать лет, в конце 90-х—начале нулевых, и радиозавод, и пищепром бесславно канут в Лету).

Троллейбус, новые предприятия — все это служило не только развитию экономики, но и давало качканарцам ощущение драйва, включающего то, что Л. Коган назвал особо динамичным ритмом жизни молодежного города [12, с. 22]. Радиозавод, помимо оборонки выпускавший электромузыкальные инструменты, телевизоры и даже, по сообщениям наших информантов, компьютеры, воплощал научно-технический прогресс, поддерживая представление о молодежном как о чем-то передовом. Он же выступал и драйвером известности:

«Вообще у нас очень известный был радиозавод» (Ж51).

«Настолько было современное это предприятие, просто оно гремело повсюду! То есть там одна молодежь работала только, возраст до 30 допустим, до 40, все кипело просто это предприятие, 5 тысяч работающих, это вообще было» (М59).

В эпоху перестройки важной приметой времени становится ориентация на производство товаров народного потребления. Они приносят «радость другим людям, особенно молодежи» — так написал про продукцию «Форманты» корреспондент местной газеты:

«Недавно я за тридевять земель отсюда, аж в Карелии, слышал эстрадный ансамбль, который наяривал на качканарских электромузыкальных инструментах» [6].

В 1989 г., как о диковинке, в городе заговорили об отделе маркетинга, тоже на «Форманте» — это была инновация уже рыночной, ориентированной на потребителя экономики. По мысли автора корреспонденции, пробуя новое, передовое, Качканар подтверждает свое звание города юности [31]. Наукоемкое производство нуждалось, по словам директора по маркетингу «Форманты», в притоке молодых специалистов, поэтому своей задачей новая служба считала «рекламировать не продукцию (ее берут и так), а марку нашего предприятия, наш город». При этом заводской маркетолог обозначил болевую точку и социальной политики, и маркетинга подобных территорий, актуальную и поныне, это проблема «маленького города — периферию часто связывают с крушением всех надежд и мечтаний» [31]. Для того, чтобы победить такие представления и продвигать свою марку, Качканарский радиозавод запустил перспективный проект — музыкальные фестивали «Форманта» [26; 13].

Здесь мы снова должны вернуться к исследованию конца 60-х, по результатам которого наряду с молодежностью и мобильностью Л. Н. Коган сформулировал и третью характеристику молодого города — особый образ жизни, важную роль в котором играет внесемейное общение, завязанное на привитие любви к городу через постоянное «внедрение новых традиций» [12, с. 22]⁸. Хотя формули-

7. Эта песня сопровождала танец-флешмоб на площади у качканарского Дворца культуры на праздновании 60-летия ГОКа, исполняемый, кстати, преимущественно девушками [См.: 23, 5.20–7.20.]. Мы обращались к данному сюжету также [42].

8. Ученый выделил еще одну черту — одномоментность строительства города, ведущую к неравномерности

ровка отдает духом представлений времен социализма о социальной пластичности, основная идея вполне созвучна современным рекомендациям по продвижению территорий.

А тогда говорилось о необходимости «собственного герба, значков, песен о городе и его людях, традиционного праздника-карнавала, скажем, «Дня основания города», «Дня пуска завода» и т.п.» [12, с. 23]. В сегодняшнем Качканаре все это есть, от геральдики до празднования дня города и пуска комбината, по круглым датам весьма широкого. Например, 50-летие ГОКа в день металлурга в июне в 2013 г. было ознаменовано концертом Н. Баскова на городском стадионе, а в сентябре этой же круглой дате посвятили торжественное открытие нового фонтана у городского ДК [23; 42].

Как многие начинания перестройки, возникший в конце 80-х фестиваль «Форманта» поначалу представлял собой смесь советской закваски с новыми наполнителями. В 1987 г., в год XX съезда ВЛКСМ и 30-летия города юности Свердловский обком комсомола постановил провести финальный концерт областного телеконкурса «Юность комсомольская моя» именно в Качканаре [18]. Решение неординарное, поскольку предыдущие 15 фестивалей завершались в областном центре, тем не менее, в духе времени: в 1984 г. в другом монопоселении Свердловской области Заречном впервые прошел городской карнавал, посвященный 20-летию градообразующей Белоярской атомной электростанции и приуроченный ко Дню советской молодежи. В 1986 г. официально начал работу Свердловский рок-клуб.

А в Качканаре в 1988 г. снова проходит телевизионный фестиваль молодых исполнителей советской песни, уже как Уральский, а не областной, и под названием «Форманта-88». Спонсором выступил радиозавод, учредивший такие серьезные призы из выпускаемой им продукции, как электронно-ударный синтезатор «Роктон» и др. На региональный праздник приглашены коллективы «Клуба группы Стаса Намина» [19; 26]. Год от года фестиваль набирал обороты, о «Форманте-91» [30; 22] рассказал (пока еще) общесоюзный молодежный журнал «Смена» [13; 16]. В 1992 г. выходит пластинка с «наиболее интересными именами» этих фестивалей — С. Крылов, О. Кормухина, С. Лазарева, О. Газманов, «Фристайл», «Кар-Мэн» и др. [32]. Проводимый теперь уже совместно с ГОКом фестиваль собирал в небольшом уральском городе коллективы со всей страны [11, с. 34]. Комсомольская риторика сошла на нет, однако и сам фестиваль, в отличие от зареченского карнавала, ушел со сцены вслед за радиозаводом.

В рассказах информантов этот потерянный элемент качканарского кода жизни сплетен из нитей и узелков разного масштаба: личного, семейного, городского и общенационального.

У тридцатилетнего качканарца с музыкальным праздником связаны детские воспоминания: *«У нас же здесь была «Форманта» ... папа у меня их привозил, с [аэропорта] Кольцово или откуда там ... Я в автобусе там с Газмановым сидел, там на барабанах его стучал. У нас дома есть плакат с росписями их всех»* (М30).

Участница исследования постарше от своих семейных эпизодов выходит на обобщение о городе в целом: *«Все у нас, кто в то время был, певцы, певицы ... все у нас тут были. ... У нас очень много приезжало здесь. ... у нас вообще ... музыкальный город был»* (Ж51).

Чтобы понять, насколько передовыми представлялись такие большие празднества, нужно учесть, во-первых, насколько удален Качканар от крупных центров (от свердловского аэропорта Кольцово, например, около пяти часов езды) и, во-вторых, вспомнить, какой популярностью пользовалась и что означала в годы перестройки новая музыка. Казалось, город оторвался от своих рудных залежей и — говоря об известности и значимости Качканара применительно к 80-м — становится интересен своей прогрессивностью.

Взлет и исчезновение Форманты, предприятия и фестиваля, на наш взгляд, выражают самую суть молодежной темы в ее динамике. Первый виток молодежности был замешан на героике и романтике первых лет и исчерпал свой мобилизационный заряд к концу 60-х, когда жизнь города вошла в штатный режим, что и зафиксировало проведенное тогда исследование [12]. Второй виток связан с развитием разнообразной современной городской среды, его передовые начинания эффективно питали молодежную семантику. С истощением их потенциала молодежная тема снова зашла

промышленного развития в ущерб соцкультбытовому, но ее обсуждение выходит за рамки данной статьи.

в тупик, точнее, теперь она обращена не в настоящее и будущее, а исключительно в прошлое: Качканар называют «городом юности» из уважения к былым заслугам молодых строителей. Демографическую же компоненту молодёжности можно охарактеризовать в духе пессимистического сценария, который качканарская школьница считает весьма вероятным для своего города в ближайшие лет 15:

«превратится в какую-то деревню, где там будут коров выращивать (смеется) ... Большинство уедет ... Молодежи вообще не будет» (Ж17).

В условиях сжимания небольших городов по всему миру и депопуляции многих российских территорий такое пророчество не кажется невероятным, но все-таки, почему же все должны уехать? Ответ прост — «сроят», или «выкопают» гору, как сказал еще один наш юный собеседник (М15) в том же групповом интервью.

Город на горе: спорная территория

Значимость горы Качканар выражает уже тот факт, что город взял себе ее имя. Будучи исходным смыслообразующим элементом, теперь гора стала камнем преткновения. Помимо ГОКа, на нее претендуют буддийский монастырь и горнолыжный курорт, да и качканарцы, как и гости города, желали бы любоваться горой и путешествовать по ней. Рассмотрим кратко все эти позиции.

ГОК последовательно разыгрывает индустриальную партию. Он создавался для разработки Гусевогорского, а вскоре и собственно Качканарского месторождения. Предусмотренные планом «2-й комбинат» и «Качканарский карьер», совсем рядом с отметкой 872,2 горы Качканар, присутствуют на изображении в подарочном фотоальбоме, приуроченном к пуску первой очереди комбината в 1963 г. (рис. 3).

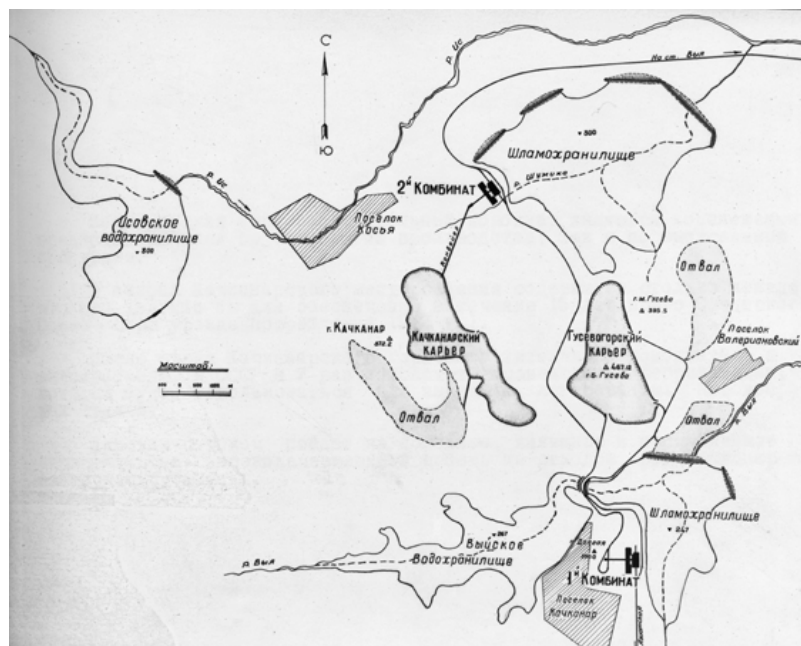

Рис. 3. Качканарский горнообогатительный комбинат 1957–1963 гг.

Институт «Уралгипроруда» [36, л. 8].

затопление водо- и шламохранилищами и, как видно на рис.3, намного превосходящие размеры жилой территории.

На стороне предприятия в то время было государство, права которого перешли к последующим компаниям-владельцам не только юридически. Комбинат и поныне освящают героика и романтика первых лет, сплавливая его с городом и судьбами многих людей. Славная история, похоже, рационализирует порочный круг: если ГОК создан для разработки горы, то предназначение горы и состоит в том, чтобы служить ГОКу. И хотя деятельность градообразующего предприятия все меньше выглядит добычей богатств в интересах народа и все больше — в интересах владельца и вопреки желаниям разных сообществ, включается казуистический довод: город живет за счет комбината, а

9. Более пространные, но не менее восторженные высказывания о строительстве второго ГОКа встречаются и в наши дни [9].

чтобы он работал, нужно разрабатывать гору. Дальше того дня, когда гора исчезнет, эта логика не идет, что ничуть не лишает ее силы в моногородской системе координат.

При всей своей мощи индустриальная повестка испытывает ряд вызовов. Пожалуй, в наибольшей степени альтернативную интерпретацию горы представляет **буддийский монастырь**. Единственный на Урале, как он себя позиционирует, «Шад Тчуп Линг» обосновался на вершине Качканара в 1995 г. Баталии вокруг него продолжают индустриальную тему и в поисках аргументов вызывают опять же к истории. Противники считают создание монастыря противозаконным захватом территории, принадлежащей ГОКу, «идейным» обоснованием служит тезис о чуждости буддизма Уралу:

«Они пришли не от всевышнего или откуда, они пришли насильственным путем. ... Буддизм не может произрасти на пустом месте. ... Кто-то извне прикинул какую-то, начали там что-то создавать. Откуда он возник-то? История Качканара ... за тысячелетия такого не было, корня не было, и вдруг возник буддизм в Качканаре» (М59).

Сторонники выдвигают ровно противоположную версию прошлого: «Не модным иноземным поветрием это [создание буддийского монастыря] вызвано, а древней традицией малых народов Урала» [33, с. 21]. Обратим внимание, как сильно через противопоставление 'свое / чужое' в обоих случаях актуализируется локальная идентичность и какой легитимирующей силой она обладает. Имеющее корни свое наделяется правом дальше произрастать, а вот привнесенное иноземной модой, насильственным путем извне обречено на неприятие.

И сами буддисты, и посещавшие город «московские эксперты по брендингу» считают «Шад Тчуп Линг» единственной, не считая самой горы, достопримечательностью Качканара. При развитии туристической инфраструктуры монастырь мог бы приносить весомый вклад в городской бюджет [1; 35], способствуя тем самым диверсификации местной экономики. Вопрос в том, насколько реальными разным заинтересованным сторонам видятся экономические возможности туристического журавля в сравнении с ГОКовской синицей¹⁰. Тем временем, многие местные туристические маршруты уже привычно включают посещение буддийской обители, путешественники с удовольствием фотографируют живописные виды [См., напр.: 27, с. 6; 17, с. 13].

С монастырем или без, **туризм** представляет собой еще одно актуальное «прочтение» горы [См.: 2]. Однодневные и с ночевой походы на гору распространены среди местных жителей и привлекают приезжих. Школьники ходят организованно классом, горожане отправляются с маленькими детьми и в компании с друзьями.

По правилам производства и потребления туристического пространства гора оснащается различными знаками, дополнительно формирующими примечательные места. «Вся гора Качканар имеет памятные именные скалы, названные в честь великих людей и событий связанных с ними», — поясняет П. Таскаев в «Уральском следопыте». Говорится и об истории их появления — с 1979 г. энтузиаст Иван Соболев установил на скалах 10 плит-барельефов, не считая различных указателей [27, с. 4].

На примере этих плит хорошо видно, как в контексте туристических практик происходит оспаривание возможности оставлять свой след, определение границы между приемлемым и неприемлемым [39, р. 660]: «нашлись люди, — продолжает уральский путешественник, — которые по-иному оценили эти памятники природы, и в 2000-ом году практически все барельефы были целенаправленно уничтожены вандалами» [27, с. 4]. Столкновение интересов актуализирует политику пространства, которая в данном случае проявилась в борьбе за присвоение и закрепление названий [См.: 41]. Граждане, которых Таскаев счел вандалами, возможно, считают, что освободили гору, действительно по-иному оценивая ее «памятники природы»? Впрочем, названия остались и информанты с энтузиазмом рассказывают о примечательных местах:

10. Многолетняя тяжба в связи с намерениями комбината приступить к разработке собственно Качканарского месторождения, т. е. горы, в конце 2015 – начале 2016 гг. вошла в активную фазу, но эта часть сюжета выходит за рамки нашего обсуждения.

«там такая гора есть — танцплощадка. На нее забираешься, плоская такая. Это когда в поход мы ходили с классом, там идешь, первая остановка Танцплощадка. Вторая — гора Аллы Пугачевой, так называемая, а потом на Высоцкого, а потом уже на вершину и на Верблюда с другой стороны на западном карьере выходили» (М30).

О том, насколько плотно к туристическим практикам подступает деятельность комбината, дает представление описанный «Уральским следопытом» велопоход 2010 г. Путешественники из Нижнего Тагила совсем не помышляли об индустриальном туризме, однако разбив лагерь у подножия Качканара, они оказались в непосредственной близости от круглосуточно работающего Западного карьера и весь вечер «слушали доносящиеся звуки работы экскаваторов, загружающих рудную массу в электровозы» [28, с. 29].

Помимо ГОКа, монастыря и туристов, на гору претендовал **горнолыжный курорт**. Амбициозный план его создания выдвигался со второй половины 2000-х, в т.ч. во время мэрской избирательной кампании 2009 г. В 2013 г., однако, в новом генплане города курорта уже не оказалось [14]. Проект был свернут по той же причине, по какой вынуждают переехать монастырь — тот и другой попадают в зону интересов комбината.

В отличие от монастыря, курорт ушел из актуальной повестки (только студенты-выходцы из Качканара то тут, то там — в УрФУ и ЕАСИ — предлагают учебные проекты продвижения города через развитие горнолыжки). Робкие признаки оживления данной темы следует связывать, видимо, с приближением нового витка выборов. Снова озвучивается роль горнолыжного курорта как конкурента комбинату, способного избавить город от монопрофильной зависимости, «создав альтернативу работе на Качканарском ГОКе и спровоцировав развитие туризма» [4]. На данный момент, однако, даже старая горнолыжная трасса не работает. Горожане, может, и хотели бы курорт, но считают этот проект кто утопическим, кто маргинальным, в действительности не составляющим альтернативу комбинату: «если ГОК — ... это большое предприятие, то тут [курорт] все равно не сравнится с ГОКом» (Ж17).

Наконец, и вне культовых и туристических интерпретаций, гора служит объектом любования: «Я ее со всех точек люблю, но больше всего с улицы Свердлова, когда там спуск есть ... там пруд, знаете, осенью, золотая осень, красные, желтые листья отражаются в пруд. Ой, вообще красота!» (Ж59). Восприятие красоты входит в противоречие с устоявшейся сугубо индустриальной трактовкой горы, что заставляет информантку в ходе оживленного группового интервью протестовать против монополии производственного присвоения:

«гора, нельзя ее все время вот куда-то в производство затопить и... А зачем, ведь правда красивая ... она украшает город, вообще, красивая. Я, я против тоже. Нельзя ее бомбить» (Ж59).

Сама гора в качестве non-human актора организует пространство, выступая точкой сборки ландшафта. Кроме прогулок, маршруты которых строятся так, чтобы включить знаменитый вид, сказанное относится и к архитектурно-планировочным решениям, среди которых самое заметное — «трилистники Торопова». Эти три двенадцатитажки необычной формы были вписаны в ландшафт так, чтобы служить градостроительной антитезой горе [7] и наряду с ней стали визитной карточкой города.

Заокеанская тезка Качканара, тоже Железная гора Миномайни между штатами Висконсин и Мичиган с XIX в. предоставляла свои недра для добычи руды. В середине XX в. последняя шахта закрылась, однако, не по причине того, что в ней кончилось железо. Его добыча перестала быть рентабельной, даже с учетом того, что неподалеку набирал обороты крупный потребитель стали — автомобильное производство в Детройте. С тех пор Миномайни полностью переориентировалось на индустриальный туризм, из шахтеров там только «Большой Джон» — 40-футовая фигура, встречающая посетителей [38]. Подробно разбирая этот сюжет в работе, ставшей уже классической, У. Фройденбург, С. Фрикель и Р. Грамлиг доказывают неразделимость социального, технологического и биофизического компонентов в определении смысла «природных» ресурсов и их ценности в каждый момент времени [40, р. 387]. История Качканара также дает богатый материал для просле-

живания различных практик «чтения природы» [2]; при всей их динамике, однако, сегодня трудно представить победу туристического и тем более экологического сценариев.

Заключение

На фоне больше похожих на призраки ударных советскихстроек, вроде БАМовских поселков или Игарки, Качканар выглядит вполне благополучно. Градообразующее производство там не оставилось, официально это монопоселение с рисками ухудшения социально-экономического положения [24].

Масштабы значимости и известности в количественном отношении схлопнулись, в качественном — здесь взаимодействуют весьма разновеликие игроки, которых мы рассмотрели через их практики означивания горы. В отличие от американской Миномайни, про железную гору Качканар можно было бы сказать, что происходит борьба по-прежнему индустриального и постиндустриального начал, олицетворяемых соответственно ГОКом и монастырем, а ранее также горно-лыжным туризмом. Однако эти силы, помимо того, что не сопоставимы по весовым категориям (ГОК намного мощнее), сражаются на весьма непростом поле.

Градообразующее предприятие по определению излучает высокую степень патернализма. При том, что люди, конечно, понимают, кому фактически принадлежит комбинат, молодость Качканара (в 2017 г. он будет встречать свое 60-летие, в 2018 г. — 55 лет с момента пуска комбината) способствует поддержанию гордости за *свой* город и *свой* завод, до сих пор это работало на жизнестойкость. Моногородская матрица, помноженная на героико-романтическую причастность, создает странный микс приверженности и отчуждения. Вкупе с неразвитой гражданской компетентностью, включая практически отсутствующий экологический активизм, все это приводит к состоянию **недраматизации**. В отличие от дедраматизации, выражающей спад внимания к проблеме после ее активного муссирования в общественном поле [34], недраматизация означает отсутствие такого внимания или его критический недостаток. Героизация и романтизация, которыми питалась семантика города юности, сегодня лишены драйва: необходим переключатель, способный задать нетупиковую перспективу в современное ценностное поле.

Библиография

1. Березин А. В. Открытое письмо Председателю Правительства РФ В.В. Путину 30.01.12 // Буддийская община «Шад Тчуп Линг». URL: <http://www.shad-tchup-ling.ru/otkrytoe-pismo-predsdatelu-pravitelstva-putinu.html>
2. Веселкова Н., Вандышев М., Прямикова Е. Дискурс природы в молодых городах // Социологическое обозрение. 2016. Т. 15. № 1. — С. 112–133.
3. Веселкова Н., Вандышев М., Прямикова Е. Город юности Качканар — детище XX съезда // После Сталина. Реформы 1950-х годов в контексте советской и постсоветской истории: Материалы VIII международной конференции. Екатеринбург, 15-17 октября 2015 г. М.: РОССПЭН, в печати.
4. Глава областного Минспорта Леонид Рапопорт вспомнил о предвыборном обещании Набоких // Качканарский четверг. 20.03.16. URL: <http://www.kchetverg.ru/2016/03/30/glava-oblastnogo-minsporta-leonid-rapoport-vspomnil-o-predvybornom-obeshhanii-nabokix/>
5. Государственный Архив Свердловской Области. Ф. 2636р. Оп. 1. Д. 161.
6. Грачев И. Качканар — город юности // Качканарский рабочий. 27.05.89. № 63. С. 4.
7. Грачев И. Трилистник Торопова, или О том, как прояснилось лицо юного уральского города // Уральский следопыт. 1981. № 10.
8. Григорьев А. У Качканар горы // Огонек. 24.09.61. № 39. — С. 14-15.
9. Денисов В. Качканар — достояние России // Наш современник. 2010. N 6. — С. 248–259.
10. За подъем железной целины. Из выступления председателя Свердловского совнархоза т. Степанова // На стройке Качканара. 4.04.61. № 12. — С. 3.
11. Качканарский горно-обогатительный комбинат на Среднем Урале / сост. А. Фадеичев, Н. Вилесов. — [Б. м.: б. и.], 1991. — 34 с.

12. Коган Л. Н. Культура молодого социалистического города как объект социального изучения и планирования // Культура молодого социалистического города : на материалах г. Качканара : [сборник статей] / АН СССР, Урал. науч. центр ; [отв. ред. Л. Н. Коган, В. Л. Барсук]. — Свердловск : [б. и.], 1972. — С. 14–28.
13. Кто заказывает музыку. Интервью С. Литвинова с директором «Форманты» С. Новосельцевым // Смена. 1991. № 11. — С. 190–193.
14. Кузнецова Н. Никаких лыж! Горнолыжный курорт исчез из генплана Качканара из-за горных разработок 28.06.13. // Накануне.ru URL: <http://www.nakanune.ru/news/2013/6/28/22313752/>.
15. Лебедев Р.П. Не запятнать честь мундира... Екатеринбург: АКВА-ПРЕСС, 2005. — 88 с.
16. Леонидов В. Фейерверк над Качканаром // Смена. 1991. № 11. — С. 187–189.
17. Лобанова И. Ориентирование по компасу в районе горы Качканар // Уральский следопыт. 2012. № 1. — С. 10–15.
18. Максимова Н. До свиданья, до новых встреч! // Качканарский рабочий. 23.05.87. № 61. — С. 2.
19. Максимова Н. Уральский фестиваль. Встречай гостей, город юности! // Качканарский рабочий. 23.06.88. № 75. — С. 4.
20. Миллер В. Сквозь романтическую дымку // Качканар. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. — С. 86–93.
21. Михайлов В., рабкор. Покорители железной целины // Вперед, к коммунизму! 19.01.62. № 8. — С. 2.
22. Назад в прошлое. Форманта-1991 (видео) // Качканарский четверг. 29.01.13. URL: <http://www.kchetverg.ru/2013/01/29/nazad-v-proshloe-formanta-1991-video/>
23. Открытие фонтана у ДК Качканара. 2013. URL: http://www.youtube.com/watch?v=UqMbxOuQ6sk&feature=player_embedded
24. Постановление правительства РФ от 29.07.14. №709, с изменениями и дополнениями 2015 г. «О критериях отнесения муниципальных образований к моногородам и о категориях моногородов в зависимости от рисков ухудшения их социально-экономического положения» // Правительство РФ. URL: <http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm>
25. Сметанин В. Высота Качканара. // Смена. 1962. № 16 (846). — С. 10–11.
26. Сюркаев Ю. Добро пожаловать, фестиваль! // Качканарский рабочий. 2.07.88. № 79. — С. 2.
27. Таскаев П. Путешествие по Качканару // Уральский следопыт. 2009. № 10. — С. 2–7.
28. Таскаев П. Велопоход Колпаки — Качканар // Уральский следопыт. 2010. № 11. — С. 27–31.
29. Титовец М. «Качканарец — деятельная натура» // Качканарский четверг. 3.06.11. URL: <http://www.kchetverg.ru/2011/06/03/kachkanarec-deyatelnaya-natura/>
30. Фестиваль «Форманта», 1991. Из архивов Качканарского ЦДК. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=hM4WCBBM2dA>
31. Филиппов В. Глаза и уши завода // Качканарский рабочий. 4.07.89. № 79. — С. 3.
32. Форманта. Лучшее из поп-музыки. // Русская музыка. 23.05.11. URL: http://smsend-rock.blogspot.ru/2011/05/blog-post_23.html
33. Хазов А., Суворова Т. Уральский буддизм // Уральский следопыт. 2002. № 7. — С. 21–23.
34. Хилгартнер С., Боск Ч. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен // Социальная реальность. Журнал социологических наблюдений и сообщений. 2008. № 2. — С. 73–94.
35. Ходырева Е. КГОК, буддисты и туристы. Кому достанется гора Качканар? // Качканарский четверг. 24.01.12. URL: <http://www.kchetverg.ru/2012/01/24/kgok-buddisty-i-turisty-komu-dostanetsya-gora-kachkanar-video/>
36. Центр Документации Общественных Организаций Свердловской Области. Ф. 221. Оп. 3. Д. 733а.
37. Широкова Н. Жить таежному городу! // На стройке Качканара. 29.08.61. № 40. — С. 2.
38. Big John — the Worlds Largest Miner!! // URL: <http://ironmountainironmine.wix.com/ironmine>
39. Brown K. M. Leave only footprints? How traces of movement shape the appropriation of space // Cultural Geographies. 2015. No. 22. — P. 659–687.
40. Freudenburg W. R., Frickel, S., and Gramling R. Beyond the Nature / Society Divide: Learning to Think about a Mountain // Sociological Forum. 1995. Vol. 10, No. 3. — P. 361–392.
41. Rose-Redwood R., Alderman, D., and Azaryahu, M. Geographies of Toponymic Inscription: New Directions in Critical Place-Name Studies // Progress in Human Geography. 2010. Vol. 34. No. 4. — P. 453–470.
42. Vandyshev M, Veselkova N., and Pryamikova E. Creative Potential of The Young Ural Town: The Case of Kachkanar // Proceedings: The idea of creative city/The urban policy debate (Cracow 17-18 October 2013). Kocani (Republic of Macedonia): European Scientific Institute, ESI, 2014. — P. 166–177.

References

1. Berezin A. V. Otkrytoe pis'mo Predsedatelyu Pravitel'stva RF V.V. Putinu 30.01.12 // Buddijskaya obshchina «SHad Tchup Ling». URL: <http://www.shad-tchup-ling.ru/otkrytoe-pismo-predsedatelju-pravitelstva-putinu.html>
2. Veselkova N., Vandysh M., Pryamikova E. Diskurs prirody v molodyh gorodah // Sociologicheskoe obozrenie. 2016. T. 15. № 1. — S. 112–133.
3. Veselkova N., Vandysh M., Pryamikova E. Gorod yunosti Kachkanar — detishche HKH s"ezda // Posle Stalina. Reformy 1950-h godov v kontekste sovetsoj i postsovetsoj istorii: Materialy VIII mezhdunarodnoj konferencii. Ekaterinburg, 15–17 oktyabrya 2015 g. M.: ROSSPEHN, v pechati.
4. Glava oblastnogo Minsporta Leonid Rapoport vspomnil o predvybornom obeshchanii Nabokih // Kachkanarskij chetverg. 20.03.16. URL: <http://www.kchetverg.ru/2016/03/30/glava-oblastnogo-minsporta-leonid-rapoport-vspomnil-o-predvybornom-obeshhanii-nabokix/>
5. Gosudarstvennyj Arhiv Sverdlovskoj Oblasti. F. 2636r. Op. 1. D. 161.
6. Grachev I. Kachkanar — gorod yunosti // Kachkanarskij rabochij. 27.05.89. № 63. S. 4.
7. Grachev I. Trilistnik Toropova, ili O tom, kak proyasnilos' lico yunogo ural'skogo goroda // Ural'skij sledopyt. 1981. № 10.
8. Grigor'ev A. U Kachkanar gory // Ogonek. 24.09.61. № 39. — S. 14–15.
9. Denisov V. Kachkanar — dostoyanie Rossii // Nash sovremennik. 2010. N 6. — S. 248–259.
10. Za pod'em zheleznoj celiny. Iz vystupleniya predsedatelya Sverdlovskogo sovnarhoza t. Stepanova // Na strojke Kachkanara. 4.04.61. № 12. — S. 3.
11. Kachkanarskij gorno-obogatitel'nyj kombinat na Srednem Urale / sost. A. Fadeichev, N. Vilesov. — [B. m.: b. i.], 1991. — 34 s.
12. Kogan L. N. Kul'tura molodogo socialisticheskogo goroda kak ob'ekt social'nogo izucheniya i planirovaniya // Kul'tura molodogo socialisticheskogo goroda : na materialah g. Kachkanara : [sbornik statej] / AN SSSR, Ural. nauch. centr ; [otv. red. L. N. Kogan, V. L. Barsuk]. — Sverdlovsk : [b. i.], 1972. — S. 14–28.
13. Kto zakazyvaet muzyku. Interv'yu S. Litvinova s direktorom «Formanty» S. Novosel'cevyj // Smena. 1991. № 11. — S. 190–193.
14. Kuznecova N. Nikakih lyzh! Gornolyzhnyj kurort ischez iz genplana Kachkanara iz-za gornyh razrabotok 28.06.13. // Nakanune.ru URL: <http://www.nakanune.ru/news/2013/6/28/22313752/>.
15. Lebedev R.P. Ne zapyatnat' chest' mundira... Ekaterinburg: AKVA-PRESS, 2005. — 88 s.
16. Leonidov V. Fejerverk nad Kachkanarom // Smena. 1991. № 11. — S. 187–189.
17. Lobanova I. Orientirovanie po kompasu v rajone gory Kachkanar // Ural'skij sledopyt. 2012. № 1. — S. 10–15.
18. Maksimova N. Do svidan'ya, do novyh vstrech! // Kachkanarskij rabochij. 23.05.87. № 61. — S. 2.
19. Maksimova N. Ural'skij festival'. Vstrechaj gostej, gorod yunosti! // Kachkanarskij rabochij. 23.06.88. № 75. — S. 4.
20. Miller V. Skvoz' romanticheskuyu dymku // Kachkanar. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 1999. — S. 86–93.
21. Mihajlov V., rabkor. Pokoriteli zheleznoj celiny // Vpered, k kommunizmu! 19.01.62. № 8. — S. 2.
22. Nazad v proshloe. Formanta-1991 (video) // Kachkanarskij chetverg. 29.01.13. URL: <http://www.kchetverg.ru/2013/01/29/nazad-v-proshloe-formanta-1991-video/>
23. Otkrytie fontana u DK Kachkanara. 2013. URL: http://www.youtube.com/watch?v=UqMbxOuQ6sk&feature=player_embedded
24. Postanovlenie pravitel'stva RF ot 29.07.14. №709, s izmeneniyami i dopolneniyami 2015 g. «O kriteriyah otneseniya municipal'nyh obrazovanij k monogorodam i o kategoriyah monogorodov v zavisimosti ot riskov uhudsheniya ih social'no-ehkonomicheskogo polozheniya» // Pravitel'stvo RF. URL: <http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm>
25. Smetanin V. Vysota Kachkanara. // Smena. 1962. № 16 (846). — S. 10–11.
26. Syurkaev YU. Dobro pozhalovat', festival'! // Kachkanarskij rabochij. 2.07.88. № 79. — S. 2.
27. Taskaev P. Puteshestvie po Kachkanaru // Ural'skij sledopyt. 2009. № 10. — S. 2–7.
28. Taskaev P. Velopohod Kolpaki — Kachkanar // Ural'skij sledopyt. 2010. № 11. — S. 27–31.
29. Titovec M. «Kachkanarec — deyatelnaya natura» // Kachkanarskij chetverg. 3.06.11. URL: <http://www.kchetverg.ru/2011/06/03/kachkanarec-deyatelnaya-natura/>
30. Festival' «Formanta», 1991. Iz arhivov Kachkanarskogo CDK. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=hM4WCBBM2dA>
31. Filippov V. Glaza i ushi zavoda // Kachkanarskij rabochij. 4.07.89. № 79. — S. 3.

32. Formanta. Luchshee iz pop-muzyki. // Russkaya muzyka. 23.05.11.URL: http://smssend-rock.blogspot.ru/2011/05/blog-post_23.html
33. Hazov A., Suvorova T. Ural'skij buddizm // Ural'skij sledopyt. 2002. № 7. — S. 21–23.
34. Hilgartner S., Bosk CH. Rost i upadok social'nyh problem: koncepciya publicnyh aren // Social'naya real'nost'. Zhurnal sociologicheskikh nablyudenij i soobshchenij. 2008. № 2. — S. 73–94.
35. Hodyreva E. KGOK, buddisty i turisty. Komu dostanetsya gora Kachkanar? // Kachkanarskij chetverg. 24.01.12. URL: <http://www.kchetverg.ru/2012/01/24/kgok-buddisty-i-turisty-komu-dostanetsya-gora-kachkanar-video/>
36. Centr Dokumentacii Obshchestvennyh Organizacij Sverdlovskoj Oblasti. F. 221. Op. 3. D. 733a.
37. SHirokova N. ZHit' taezhnomu gorodu! // Na strojke Kachkanara. 29.08.61. № 40. — S. 2.
38. Big John — the Worlds Largest Miner!! // URL: <http://ironmountainironmine.wix.com/ironmine>
39. Brown K. M. Leave only footprints? How traces of movement shape the appropriation of space // Cultural Geographies. 2015. No. 22. — P. 659–687.
40. Freudenburg W. R., Frickel, S., and Gramling R. Beyond the Nature / Society Divide: Learning to Think about a Mountain // Sociological Forum. 1995. Vol. 10, No. 3. — P. 361–392.
41. Rose-Redwood R., Alderman, D., and Azaryahu, M. Geographies of Toponymic Inscription: New Directions in Critical Place-Name Studies // Progress in Human Geography. 2010. Vol. 34. No. 4. — P. 453–470.
42. Vandyshev M, Veselkova N., and Pryamikova E. Creative Potential of The Young Ural Town: The Case of Kachkanar // Proceedings: The idea of creative city/The urban policy debate (Cracow 17-18 October 2013). Kocani (Republic of Macedonia): European Scientific Institute, ESI, 2014. — P. 166–177.

Город с областной судьбой. Эссеистика

А. Е. Левинтов

Левинтов Александр Евгеньевич (Москва, Россия) — кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник Академии Народного Хозяйства и Государственной Службы при Президенте РФ; Email: alevintov@redshift.com

СУДЬБЫ БЫВШИХ

В отечественных учебниках географии принято ограничиваться такими градообразующими факторами, как промышленность, транспорт, торговля, курортные ресурсы, оборона, высшее (университетское) образование и наука, культурные и духовные ценности.

В известной степени это действительно так, однако, по моему мнению, важнейшим фактором является административный. Россия никогда не была страной в строгом смысле этого понятия. Россия — это государство. А потому административный, чиновничий, властный фактор во все времена был определяющим. Статус города во многом определяет и его судьбу, и людность, и благоустройство, и размеры хинтерланда, и насыщенность социокультурной инфраструктуры, и архитектурный облик.

Поражение города в статусе почти всегда трагедия. Особенно, если теряется областной или губернский статус: здесь достаточно вспомнить «Город Градов» А. Платонова:

На краю базарной площади стоят еще несколько домов казенного вечного образца — там тоже необходимые губернии учреждения.

Есть в Градове жилища и поприличней хат. Крыты они железом, на дворе имеют нужники, а с уличной стороны палисадники. У иных есть и садики, где растут вишня и яблоня. Вишня идет в настойку, а яблоко в мочку.

Живут в таких домах служащие люди и хлебные скупщики.

В летние вечера город наполняется плавающим колокольным звоном и трубным дымом поставленных самоваров.

Народ в городе существовал без спешки и не беспокоился о якобы лучшей жизни. Служил с усердием, держа порядок в губернии, но ярости в труде не знал. Торговали по малости, без риска, но прочно сбывая хлеб насущный.

Героев город не имел, безропотно и единогласно принимая резолюции по мировым вопросам.

А может, и были в Градове герои, только их перевела точная законность и надлежащие мероприятия.

Отсюда пошло то, что сколько ни давали денег этой ветхой, растрепанной бандитами и заросшей лопухами губернии, ничего замечательного не выходило.

В Москве руководители губернии говорили правительству, что хотя нельзя сказать точно, на что истрачены пять миллионов, отпущенные в прошлом году на сельское хозяйство, но толк от этих миллионов должен быть: все-таки деньги истрачены в Градовской губернии, а не в чужом месте и как-нибудь скажутся.

— Может, пройдет десять годов, — говорил председатель Градовского губисполкома, — а у нас рожь начнет расти с оглоблю, а картошка в колесо. Вот тогда и видно будет, куда ушло пять миллионов рублей! ...

По уму, надо было бы процитировать все тридцать страниц этой повести и тем закрыть тему, но хочется и от себя добавить.

Градов — типичный город, потерявший статус областного (губернского) центра. Прототипом его был, кажется, город Балашов, ныне райцентр Саратовской области. К его типологическим побратимам относятся (начиная с административно-территориальных реформ Екатерины II, реали-

зованных в 1785 году, и заканчивая нашими днями), города, перечисленные в приведённой ниже таблице [См.: 4; 5]¹:

Таблица 1. Инвентаризация бывших («разжалованных») губернских и областных центров России (в современных границах)

Город	Область\губерния	Срок существования
Александровск-Сахалинский	Сахалинская	1909–1947
Арзамас	Арзамасская	1954–1957
Балашов	Балашовская	1954–1957
Бердск (Колывань)	Колыванская	1783–1796
Бугульма	Бугульминская	1952–1953
Буйнакск (Темир-Хан-Шура)	Дагестанская	1866–1920
Великие Луки	Великолукская	1944–1957
Великий Устюг	Северо-Двинская	1918–1929
Выборг	Выборгская\Финляндская\Выборгская	1744–1940
Георгиевск	Терская (Кавказская)	1802–1822, 1860–1921
Глазов	Вотская АО	1921
Дербент	Дербентская, Дагестанская	1846–1866
Каменск-Шахтинский	Каменская	1954–1957
Марксштадт (бывш. Баронск, бывш. Екатеринштадт)	Трудовая коммуна немцев Поволжья	1918–1923
Николаевск-на-Амуре	Приморская Нижнеамурская	1858–1880 1934–1966
Новороссийск	Черноморская	1896–1920
Новочеркасск	Область войска Донского	1870–1920
Рыбинск	Рыбинская	1921–23
Стерлитамак	Стерлитамакская	1952–1953
Тобольск	Тобольская	1796–1920
Уссурийск (бывш. Никольск-Уссурийск)	Уссурийская	1934–1943
Череповец	Череповецкая	1918–1927
Чистополь	Чистопольская	1952–1953
Энгельс (бывш. Покровск)	АССР Немцев Поволжья	1923–1941

Следует признать, что России–РСФСР–РФ повезло много больше всех остальных национальных частей: здесь господствовала платформенная административно-территориальная неотектоника. Финляндия, Польша и все союзные республики оказались в Огненном Кольце территориальных преобразований, переименований и потрясучек.

Основной, если не единственной причиной этой многовековой лихорадки является, по нашему мнению, то, что многообъектное государство с точки зрения властного суперцентрализованного управления им неэффективно. Любой чиновник, от городской управы и волости (сельсовета) до президента может управлять только таким числом объектов, сколько может уместиться на одной странице статистической сводки, рапорта, приказа или распоряжения. Всё, что выходит за пределы одной страницы, уже недоступно для административного мозга физиологически. Отсюда — экономические районы, совнархозы, союзные республики, федеральные округа и другие укрупнённые единицы изобретательного государственного ума. И это выходит за рамки рассматриваемого исторического периода: при Алексее Михайловиче было 20 губерний, при его сыне Петре I — 17. Современные Тулеев и Жириновский призывают сократить число объектов до четвертушки листа А4. Точно также, в формате А4, мыслят губернаторы и другие, совсем уж мелкие начальники, вплоть до микроскопического масштаба.

1. Енисейск был центром Енисейской провинции в 1724–1796 годах, т.е. не имел статуса губернского

Других разумных объяснений этому нет, как нет и разумных объяснений российской, особенно, советской экономики, несмотря на всевозможные теории размещения и прежде всего теорию территориально-производственных комплексов (ТПК) и энерго-производственных циклов Н.Н. Колосовского: всё это прихоти эфемерных мотивов и целей людей случайных, но очень облечённых властью. Весьма, например, анекдотично такое размещение: «в городе Пензе в послевоенные годы были построены и введены в эксплуатацию крупные заводы пятнадцати машиностроительных министерств, в том числе тех девяти полусекретных министерств, которые входили в военно-промышленный комплекс. Бытовало объяснение, что начало такой концентрации крупных машиностроительных заводов в одном городе-немиллионере положил один из самых авторитетных машиностроительных министров — Паршин, у которого в Пензе жила тёща» [3]. Столь же анекдотична и история города Иваново: «Немалую роль в решении вопросов размещения нового промышленного строительства играл авторитет местной партийной организации, место её руководителей в советской истории и иерархии. Пример — город Иваново — родина первого Совета, где уже в 20-е годы строились новые цеха предприятий текстильной промышленности, а в 30-е годы появились цирк и трамвай. С привлечением ведущих архитекторов страны велось крупное жилищное строительство. Как только местный лидер — старый большевик Бубнов попал в немилость к Сталину и был расстрелян, темпы развития города замедлились. Однако ещё в 60-годы Иваново снабжалось лучше Ярославля, что местные жители объясняли мне тем, что ярославцы — мятежники (вспоминали 1918 год). Вместе с тем Центр не дал развернуться конкуренту Иваново — текстильной базе в Узбекистане, ссылаясь на достаточно второстепенные причины, например, нежелание узбекских женщин работать в ночную смену» [3].

Областной виток судьбы этих городов невелик — в среднем всего 15 лет, если исключить старожилов — Тобольск, Выборг и Николаевск-на-Амуре. В судьбе разжалованных городов есть некоторая, точно подмеченная А. Платоновым, жалкая карикатурность, трагифарс. Они как бы говорят: «Это я сейчас — такса, а раньше я был ротвейлером».

Аргументом в пользу особой значимости административного фактора может служить сравнение двух расположенных поблизости друг от друга городов, имеющих схожую историю, географическое положение и предысторию соперничества:

Таблица 2. Сравнительная динамика численности населения Липецка и Ельца (тыс. чел.)

города	1913	1939	1959	2015
Елец	52	51	78	106
Липецк	25	67	156	510

Елец за столетие вырос вдвое, Липецк — в 20 раз. В 1954 году в острой конкурентной борьбе за право называться областным центром победил Липецк — именно после этого во втором полувековом периоде он решительно обогнал своего извечного соперника.

К моему великому стыду и сожалению, я был лишь в 8 из 27 «разжалованных». Практически во всех них уже забыли о былом величии своего места, и помнят о том лишь малочисленные и малозубые старожилы, держащие в своих усталых персональных компьютерах на плечах, помимо этого, цены на водку и хлеб тех далеких и прежних времён.

Справедливости ради, надо сказать, что ещё больше «бывших» среди райцентров и уездных городов, а уж посёлков, сельсоветов и сельских поселений сегодня, кажется, существенно меньше, чем было ещё совсем недавно. Есть среди «разжалованных» и те, кто уже покоится на кладбище городов либо готовится к этой печальной участи [1].

Потеря областного статуса в советское время означает трагическую потерю права на хотя бы один театр в городе, облдрамфилармонию, пед и мед, облпроект и какую-нибудь науку. Иногда города лишали областного статуса именно с этой целью — с целью убийства культуры, науки и образования (так было, например, с Измаильской, Молодечненской, Барановичской, Пинской областями, областными центрами в Прибалтике, Закавказье и Средней Азии.

Как демонстрирует современная ситуация, города, даже крупные города вполне могут жить без промышленности, но они не могут существовать без торговли, культуры и образования.

Библиография

1. Левинтов А.Е. — Городское кладбище. <https://sites.google.com/a/zhitenev.net/alevintov/2010/02> февраль
2. Платонов Андрей — Город Градов. http://modernlib.ru/books/platonov_andrey_platonovich/gorod_gradov/read
3. Советская экономика (рукопись коллективной монографии) / А.Е. Левинтов, А.И. Чистобаев и др. — М., 2012.
4. Тархов С. А. Изменение административно-территориального деления России за последние 300 лет (новая версия, полный вариант) // География. 2001. № 15. — С. 21-28.
5. Тархов С. А. Сосуществование старых и новых административно-территориальных единиц в 1917—1923 гг. http://geo.1september.ru/view_article.php?id=200102102 <http://geo.1september.ru/2001/21/1.htm> http://geo.1september.ru/view_article.php?id=200102801

А.А. Петренко-Лысак

Петренко-Лысак Алла Александровна (Киев, Украина) — кандидат социологических наук, доцент кафедры отраслевой социологии факультета социологии, Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко; Email: alla_pl@ukr.net

ГОРОД И ПУСТОТА: КИЕВ КАК СТОЛИЦА И ОБЛАСТНОЙ ЦЕНТР

В статье рассматривается город Киев, как город со столичной судьбой, который одновременно является столицей страны и главным городом одноименной области. Основой анализа Киева служит концепция «ценности пустоты», предложенная Л. Салминым. Соответственно, Киев рассматривается как город-пустота, в котором ярко выражена идея городской площади (майдана) — как пустого свободного пространства с возможностью ее использования в разнообразных целях: от ярмарок до протестных собраний, от места встреч до транзитной территории.

Ключевые слова: город, пустота, столица, центр, площадь, майдан, свобода.

A. Petrenko-Lysak

Petrenko-Lysak Alla (Kyiv, Ukraine) — Associate Professor at the Branch (Sectoral) Sociology Department, Faculty of Sociology of Taras Shevchenko National University of Kyiv; Email: alla_pl@ukr.net

CITY AND VOID: KYIV AS A CAPITAL AND A REGIONAL CENTER

The Kyiv city is analysed in this article. We describe Kyiv as a capital city, the main city in the country. But Kyiv is also the main town of the homonymous province — Kyiv region. The concept of the "value of void", proposed by L. Salmin, is the basis of our analysis. Accordingly, Kiev is considered as a city of void, in which the idea of a city square (Maidan) is pronounced — as an empty space which can be used for various purposes: from fairs to protest meetings, from the meeting place to the transit area.

Keywords: city, void, capital, center, plaza, square, freedom.

Киев — город областного и столичного значения, он одновременно является центром области и главным городом страны. Киев — это социальное пространство сложного сожительства ценностно противопоставленных сообществ касательно его столичного статуса: одних он тяготит, других он манит. Тягость столичности проявляет себя прежде всего в том, что власть в рамках этого сообщества не считается священной, она воспринимается либо либерально-демократично как структура нанятых менеджеров, либо анархично — обузой, которой город тяготится, но и сбросить не может в силу объективных причин ее наличия в социальной системе. Столичный статус го́ж как правило тем, кто ценит столицу прежде всего как локус и концентрацию политического, экономического и символического капиталов, заполучив которые, уверены сторонники защиты и сохранения столичности, Киевом обретается шанс благостного почивания.

За свою тысячелетнюю историю Киев был столицей полян, Киевской Руси, Киевского княжества, Украинской Народной Республики, Украинской Народной Республики Советов, Украинской державы, Украинской Советской Социалистической Республики, и уже с 1991 года — современной независимой Украины. Был перерыв с 1919 года по 1934, когда столичность избавила от себя Киев, отправившись в Харьков (этот город до сих пор пульсирует фантомной болью утраты столичного статуса). Большевики начала XX века длительное время не могли закрепиться в Киеве, столице «буржуазной» Украинской Народной Республики, они не имели в нем поддержки и называли его мещанским, а вот пролетарский Харьков подходил им больше. Но так случилось, что 24 июня 1934

года по решению лично И.В. Сталина состоялось перенесение столицы Украины из Харькова обратно в Киев.

Чтобы обеспечить правительство, центральные партийные и государственные организации необходимыми помещениями нужно было провести масштабную реконструкцию города. После шумного в то время индустриального Харькова Киев показался прибывшим чиновникам тихим провинциальным городом. Руководство республики сделало все должное, чтобы достойно отметить день переезда правительственных чиновников в новую-старую столицу. Подготовка к этому дню велась предварительно и очень разносторонне. В день переезда были предусмотрены и осуществлены разнообразные праздничные мероприятия: парад частей Киевского военного гарнизона и колонн физкультурников перед правительственными трибунами во время встречи ЦК КП(б) и правительства Украины.

Статус столицы внес в архитектуру Киева строгость и торжественность. «Город ста церквей» и уютных дворики не потерял тишины тенистых парков и таинственности особняков, однако приобрел пафосную значительность столичного града. Киевская архитектура обрела монументальные здания Министерства иностранных дел, Верховной Рады, Кабинета министров, Главпочтамта, Дома торговли, а главная улица Крещатик — коридор стильных для того времени «сталинок».

Целью нашей статьи является анализ и характеристика города Киева как города со столичной судьбой, города, который одновременно является столицей страны и главным городом одноименной области.

Чтобы понять Киев в статусе столицы и регионального (областного) центра, мы решили взять не определение столицы и центра как формообразующих принципов, а обратились к концепции «ценности пустоты», предложенной Л. Салминым. Потому пустоты, что именно это понятие возникло в наших размышлениях вокруг проблемы формирования стратегии города Киева. К примеру, в числе проблем, стоящих перед городом и поиска способов их разрешения, поднимался вопрос его столичности. Среди представленных решений предлагалось перенесение из города или его столичности, или его областной центральности за пределы города, но либо в рамки его агломерации (столичный новострой), либо в иной подходящий для этого город Киевской области¹ или страны².

Попыток описать образ Киева было достаточно, даже для того, чтобы спорить, какие из них отображают этот город в чувствах и ощущениях, присущих его наблюдателю (как внутреннему, так и внешнему). Мы не ставим себе задачи сравнить их и обозначить их признаки. Нам представляется интересным увидеть Киев с нового ракурса — концепта и бытийности пустоты.

Киев — город-Агора, город-Форум или город-Майдан. Это город публичных, общих, общественных мест, которые наполнены пустотой. *Genius loci* киевской пустоты — это пустота публичного перекрестка. Это пространство для договоренностей, условностей, выступлений и показов, демонстраций и призывов, манифестаций и шествий. Киев — это более пространство потенциала, чем результат реализаций. Ценность киевской пустоты в ее смысле. Л. Салмин под «ценностью пустоты» подразумевает ценность пространства, в котором пустота есть зрительно и телесно пронизываемые воздушные объемы, образующиеся границами плотной архитектурной материи (стенами домов, твердыми очертаниями фасадов, их каменными изломами и т.п.). Вот именно эти воздушные объемы (пустоты) имеют определённые формы, наполненные смыслами. Именно типология этих «форм пустоты», по мнению Л. Салмина, и есть транслисторическая основа формирования урбанистического пространства.

За многие столетия городских трансформаций немало старых домов Киева исчезли, уступив место новым. Плотное тело города менялось в разное время с разной скоростью, но формы

1. Предлагался город Ирпень в 28 километрах от Киева, но против выступали депутаты других городов области, также претендующих на статус областной столицы (Вишневое, Вышгород, Белая Церковь)

2. Предлагался город Канев Черкасской области; кроме того в дискуссиях фигурировали и другие города, в свое время бывшие столицами отдельных частей Украины: Львов (столица части Галицко-Волинского княжества и ЗУНР), Холм (столица князя-короля Данила Галицкого), Чигирин, Батурин, Глухов (козацкие столицы), Харьков (УССР), Немиров (резиденция Юрия Хмельницкого), Винница (временная столица УНР), Каменец-Подольский (временная столица УНР), Ужгород и Хуст (столицы Карпатской Украины).

пространств, то есть те самые урбанистические пустоты, воздушные объемы, являющиеся более устойчивыми, продолжили существовать. И именно их характеристики, по мнению Л. Салмина, в первую очередь и определяют идентичность города. «За века истории развития городского ландшафта практики архитектуры как бы вытачивают особенную, оригинальную форму пространства, десятилетиями вырисовывают контуры и силуэты и, в конечном итоге, выписывают форму города как любовно узнаваемый иероглиф» [3]. Киев — город-Площадь, куда сходится разношерстный люд, самоорганизуется, самоопределяется и ... расходится по тем местам, где есть шанс реализовать полученный в городе потенциал. Парадокс Киева — Молчаливая (но не молчащая) Агора. Киев как город — тих, малозвучен; но киевская пустота, внешне молчаливая, внутренне — звонкая, она звенит, иногда гудит множеством внутренних голосов. Но не суетится.

Парным явлением Пустоте есть Суета — множество со слабым смыслом, некая бестолковая наполненность, движение, течение, но неспешное. Неспешная суета — яркий признак Киева. Киев — город, но не сити, такой себе «камерный гигант», non-city. Среди прочих впечатлений приезжих о Киеве фигурирует его оценка как несуетного, умиротворяющего, спокойного города. Внешне, вроде все крутится, стремительно движется, но в сравнении с ощущением скорости в мировых столицах, киевская скорость нетороплива, суета спокойна и умеренна. Киевляне торопятся не спеша.

Творческая фантазия, по мнению Л. Салмина, способна ментально осваивать пустоту и превращать её в обитаемое человеческое пространство. Пустота всегда есть пространство возможного, пространство желаемого. Привлекает Киевская Пустота не только тем, что в ней нет установленных правил, а тем, что может вырасти в процессе заполнения этой пустоты. Пустота порождает вопросы. Пустота — это зона неопределенности. Пустота множится мыслительными традициями, она фрагментарна, недосистемна. Киевская Пустота — это состояние переживания вопроса «почему?», который невозможно решить в рамках определенной картины мира. Возникает потребность в договоренностях, дискуссиях. Но Киев — город индивидуалистов. Хотя они и способны объединяться в случае угрозы, в особенности такой, которая грозит ущемлением права на индивидуализм. Киевская Пустота двойственна: она с одной стороны противостоит целостности, будучи «не-целостностью», но именно через нее порождается целостность Киева.

Первый Генеральный план развития Киева как новой столицы разработали в 1936 году. Этот документ предусматривал перестройку главных улиц и площадей, ликвидацию старых зданий, рациональное размещение предприятий и жилых домов, а также приведение в порядок городских окраин и создание удобных транспортных развязок. Перед градостроителями поставили новую задачу: создать правительственный центр и главную площадь. Стоит отметить, что до этого в Киеве никогда не было однозначно главной площади. Их всегда было несколько и каждая выполняла свою функцию, не претендуя на другие. Сегодня только в т.наз. центральной зоне города более пяти (особо и субъективно можно выделить Софиевскую, Майдан Независимости, Почтовую, Конtrakтовую, Михайловскую). Ныне в Киеве 114 пространств именуемых площадями (из них 54 имеют названия, а 60 до сих пор безымянны). Вот мы и позволили себе обозначить Киев как город-Площадь или город-Майдан.

Потенциал Площади в том, что на ней всегда есть перспектива возникновения события, происшествия, шествия. Пространство Киева — это пространство потенциальных событий. Л. Салмин заметил, что пространство живо лишь тем, что в нём когда-нибудь может произойти нечто, в человеческом смысле, важное, либо это важное уже произошло. Обещание, ожидание и память — вот главное, что сходится в пустоте, делая её осмысленным пространством. Именно в этом заключается дидактическая, воспитательная функция пустоты. Киев — место, куда стекаются и откуда растекаются ресурсы, люди, идеи, потенциал. Город формирует, расширяет, но мало из того использует, он просто дарит свою Пустоту как Источник, Начало. В этот город не возвращаются гении и таланты, они им взращиваются и теряются, но продолжая нести в себе его потенциал. Киев достойно и горделиво провинциален. Роль провинции среди прочего определяют как источник многообразия, донора центров. Именно в этом смысле Киев — город-донор.

Л. Салмин убежден, что «архитектура и градостроительство начинаются не с теории композиции или проблем стиля, не с вопросов тектоники или строительного сопромата — они начинаются с <...> умения оживлять пустоту, осваивать её воображением, вливая в неё образы, значения и смыслы» [3]. Киев — это смыслы вечного поиска Мудрости и Покоя. Когда возникал Киев, согласно легенде³, основан он тремя братьями — Кием, Щеком, Хоривом и сестрой Лыбедь, назван в честь старшего, который, что интересно, был перевозчиком, сущность чего и привнес в ество этого места. Может, совершенно не случайно *genius loci* Киева и стала его миссия перекрестка, места множества путей и возвращений, обретений и обменов.

Пустое пространство — это пространство свободное, в нем может произойти все то, что будет в него привнесено. Ж.-П. Сартр [4] считал, что пустота есть базовая и единственная реальность человека. Пустота и связанные с ней переживания детерминированы и неизбежны для всех без исключения людей, но это не переживания экзистенциального вакуума, который ситуативен и возникает лишь в определенных условиях и в отношении конкретного человека. Согласно Сартру, люди свободны лишь в выборе средств и способов заполнения имеющейся пустоты, но избавиться от нее они не в силах, равно как и не виновны в ее появлении, поскольку пустота есть основа бытия, а люди оказываются заброшенными некими силами в эту пустоту. Иначе говоря, пустота — это единственная данность, неподвластная человеческой воле. Вот и киевлянин — это человек свободный, прежде всего в своем отношении к любой жизненной ситуации. Согласно Сартру, сама по себе человеческая жизнь не имеет никакой ценности, и наделить ее каким-либо смыслом может лишь сам человек, совершая или не совершая те или иные действия. Вот и киевское пространство — это сфера множества смыслов, но не договорившихся между собой. Потому и нарекли мы Киев Молчаливой Агорой.

Е. Николаева в исследовательской попытке изучить и определить город предложила использовать понятие «фрактал» — как структуру, состоящую из частей, которые в некотором смысле подобны целому [1, с. 92; 2]. Если попытаться увидеть Киев через призму фрактала, то он, будучи городом с древней историей, предстает как фрактальный перекресток времен (свою не только столичность или центральность, но и провинциальность, он пропустил через свое пространство в различные исторические эпохи). Современный Киев — город-Майдан, город-Агора — предстает фракталом пересечений многообразия украинских регионов (от Львова до Харькова, от Чернигова до Одессы, от Сум до Черновцов, от Луцка до Запорожья и Днепра, от Тернополя до Луганска и Донецка, от Ужгорода до Херсона и Николаева). Но, является ли Киев фракталом, воплощающем в себе страну в целом? — вопрос, ответить на который хочется условно отрицательно. Нет, Киев не матрица Вся Украина. Он равносителен/равнозначен в своей самости немалому числу других городов Украины, также региональных центров. Это не магнит, притягивающий к себе; это не воронка, втягивающая в себя. Киев — площадь, майдан, лишь созывающий к себе. Но когда вопрос решен, — майдан расходится, и каждая его составляющая возвращается в свой локус бытия, в свой дом, в место, откуда прибыла.

Конечно, мы не говорим о пустоте в прямом смысле физического пространства. В Киеве, как и в любом многонаселенном городе, свободные места очень скоро привлекают к себе и заполняются объектами. Киев, с его немалым количеством площадей, страдает от нехватки обустроенных общественных пространств. Таких публичных мест, какие можно было бы описать категориями «стильно» и «концептуально», «комфортно» и «уютно» в Киеве немного, но за идею их формирования идут не единичные идейные и бои за воплощение (активистов, инициаторов с властью, или с местными сообществами). И уже есть победы, есть реализованные проекты. Но в рамках данного размышления, мы говорим о Пустоте как о некоей ментальной категории, как о концептуальной матрице, как о феномене сознания, как о социопространственной материи. «Природа не терпит пустоты», гласит известное изречение Аристотеля, — но относительно Киева мы его переформулируем так: «Киев терпит пустоту». Он ею живится. Киев живет пустотой: то наполняясь (и никогда через край), то, ощутив чрезмерную наполненность, пропускает сквозь брешь времен эти излишки накопления. Это освобождение и есть киевская свобода.

3. <http://traditions.org.ua/usna-narodna-tvorchist/lehendy/1432-try-braty-zasnovnyky-kyieva-legenda>

В заключение подведем итог нашей попытке рассмотреть город Киев как столицу, как город с внешними признаками главного города области и страны. Формально Киеву присущи указанные статусы, но роль его не ограничивается сугубо диктатом его позиции как центра. Удерживая столичные маркеры (правительственные сооружения, армию чиновников, инфраструктуру связей), киевский *genius loci* проявляет во всей сложности свой характер места с невероятно простой на первый взгляд, но достаточно сложной для неискушенного в киевской философии, моделью мироздания. Эта модель — модель Пустоты, с ее осями свободы (,) выбора (,) направлений. Судьба столицы отражена в архитектурном облике города, в его транспортной сети, в инфраструктуре коммуникаций, в многотысячных людских потоках. Но судьба Киева — это не только столица; это город, упорно сопротивляющийся укоренению в себе центробежной силы. Несмотря на официальный статус, Киев «дышит» свободой пустоты: это город-площадь, где собираются вольные граждане, чтобы решить волнующий их вопрос и тем самым заполнить свою экзистенциальную пустоту. Киев — это город, где майдан определяющая сущность — пустое свободное пространство с возможностью его использования в разнообразных целях: от ярмарок до протестных собраний, от места встреч до транзитной территории, временного пристанища на пути следования.

Библиография

1. Николаева Е. Н. Города как фрактальные перекрестки мира // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. — 2012. № 3. — С. 92-106.
2. Николаева Е. Н. Фракталы городской культуры. — СПб.: Страта, 2014. — 264 с.
3. Салмин Л. «Архитектура и градостроительство начинаются с детского умения оживлять пустоту». Интервью журналу «Berlogos». URL: <http://www.berlogos.ru/interview/leonid-salmin-arhitektura-i-gradostroitelstvo-nachinayutsya-s-detskogo-umeniya-ozhivlyat-pustotu/>.
4. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии / Пер. с фр., предисл., примеч. В.И. Колядко. — М.: Республика, 2000. — 639 с.

References

1. Nikolaeva E. N. Goroda kak fraktal'nye perekrestki mira // Labyrinth. Journal of Philosophy and Social Sciences. — 2012. № 3. — S. 92-106.
2. Nikolaeva E. N. Fraktaly gorodskoi kul'tury. — SPb.: Strata, 2014. — 264 s.
3. Salmin L. «Arkhitectura i gradostroitel'stvo nachinaiutsia s detskogo umeniia ozhivliat' pustotu». Interv'iu zhurnalu «Berlogos». URL: <http://www.berlogos.ru/interview/leonid-salmin-arhitektura-i-gradostroitelstvo-nachinayutsya-s-detskogo-umeniya-ozhivlyat-pustotu/>.
4. Sartre J.-P. Bytie i nichto: opyt fenomenologicheskoi ontologii / Per. s fr., predisl., primech. V.I. Koliadko. — M.: Respublika, 2000. — 639 s.

Кафедра

М. В. Строганов

Строганов Михаил Викторович (Москва, Россия) — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и славянского искусствознания Московского государственного университета дизайна и технологии (Институт славянской культуры); Email: mistro@rambler.ru.

РАФИНИРОВАННОЕ И ПРОСТОНАРОДНОЕ: РИЛЬКЕ И АНДРЕАС-САЛОМЕ В ГОСТЯХ У ДРОЖЖИНА

Увлечение Р. М. Рильке русской культурой рассмотрено в статье как одна из наиболее ярких реакций эпохи модернизма на кризис европейской цивилизации («Закат Европы») и авторского искусства как одной из ее форм. Совершившаяся на дальней дистанции идеализация малоизвестной культуры выражалась в культе вещей, характерном для массовой культуры, и в мифологизации реальных лиц (в частности, С. Д. Дрождина). Личное знакомство демифологизировало вещи и лица, что осложняло восприятие иностранной культуры. Важную роль в этом процессе играли лица-посредники, каковой в случае с Рильке была Л. Андреас-Саломе.

Ключевые слова: С. Д. Дрождин, Р. М. Рильке, Л. Андреас-Саломе, модернизм, русофильство, примитивизм, мифологизация.

M.V. Stroganov

Mikhail Viktorovich Stroganov (Moscow, Russia) — Doctor of Philological Sciences, Professor, Professor at the Department of General and Slavonic Art of Moscow State University of Design and Technology (Institute of Slavonic Culture); Email: mistro@rambler.ru.

REFINED AND FOLKSY: RILKE AND ANDREAS-SALOMÉ MEETING DROZHZHIN

The author considers R.M. Rilke's interest in Russian culture as one of the most dramatic reactions of the Modernism epoch to the crisis of European civilization ("The Decline of the West") and indie art as one of its forms. The distant idealization of a little-known culture expressed itself in the cult of things, typical for mass culture, and in the mythicization of real persons (particularly, of S.D. Drozhzhin). Personal knowledge demythicized things and persons thus complicating the understanding of a foreign culture. Mediators were very important in this process, and in the case of Rilke this role belonged to Lou Andreas-Salomé.

Keywords: S.D. Drozhzhin, R.M. Rilke, L. Andreas-Salomé, modernism, Russophilism, primitivism, mythicization.

Имя Райнера Мария Рильке известно в Германии всем, кто имеет образование и так или иначе связан с культурой. Имя Спиридона Дмитриевича Дрождина в настоящее время практически неизвестно в России даже тем, кто имеет образование и связан с культурой. Оба поэта были современниками, но интерес к ним очевидно разный. Сопоставление Рильке с русскими поэтами Борисом Пастернаком и Мариной Цветаевой кажется вполне естественным: все три поэта отличались интеллектуализмом, их творчество вписывалось в модернистские пути развития литературы. Дрождин же был выходцем из крестьянской среды, и творчество его лежало за пределами интеллектуальной литературы модернизма.

Между тем Рильке почему-то решил еще накануне своей второй поездки в Россию, что он должен непременно встретиться с Дрождиным. Все, кто писал об этой встрече, пытались объяснить неожиданное сближение «поэта от сохи» и эстета-интеллектуала Рильке. Я не буду пересказывать

все интерпретации этого сближения, приведу лишь две альтернативные версии. Одну мы находим в журнале «Новое литературное обозрение»: «Можно только удивляться наивности немецкого поэта, с восторгом внимающего глубокомысленным откровениям стихотворца-крестьянина Спиридона Дрожжина, который настойчиво внушал своему сублильному и чересчур цивилизованному собеседнику азы своей простой сельскохозяйственной поэзии, устроенной по законам сельских ритмов и допустимой только в свободное от основной работы время» [10, с. 425]. А вот другая интерпретация: «Рильке часами беседовал с Дрожжиным о Боге, они бродили по болотам, по берегам Волги...» [9]. Один автор язвит, другой впадает в ложный пафос, но оба сочиняют. Мы еще увидим, что Дрожжин не «внушал», тем более «настойчиво», «своему сублильному и чересчур цивилизованному собеседнику азы своей простой сельскохозяйственной поэзии, устроенной по законам сельских ритмов и допустимой только в свободное от основной работы время». Мы еще увидим, что Рильке не мог «часами беседовать с Дрожжиным о Боге» и что вряд ли «они бродили по болотам, по берегам Волги». Но нам уже и сейчас ясно, что обе эти подмены вызваны тем, что авторы не смогли найти (и едва ли искали) рациональное объяснение такого влечения Рильке к Дрожжину. Поэтому наша задача состоит именно в том, чтобы удовлетворительно объяснить это неожиданное влечение. При этом мы должны учитывать, что инициатива сближения шла не от Дрожжина, но от Рильке, это было фактически не обоюдное сближение, а движение Рильке к Дрожжину.

Чтобы понять, чем Дрожжин так привлек Рильке, нужно заново прочитать очерк Дрожжина о Рильке [8]¹ и письма самого Рильке, в которых он говорит о Дрожжине, а также дневник немецкой писательницы Лу Андреас-Саломе, которая была спутницей Рильке в его русских путешествиях. Наибольший вклад в разработку этой темы внес К. М. Азадовский [1; 2; 13], за которым мы во многом идем и от которого мы отталкиваемся. Все авторы рассматривали проблему в историко-литературном или историко-искусствоведческом дискурсе, не обращая внимания на дискурс антропологический, или, как я сам предпочитаю говорить, человековедческий. В рамках антропологического дискурса литературное произведение осознается не как функция литературного направления, но как функция отдельного поэта определенного возраста, гендера, национальности. Приведем близкий пример. В рамках антропологического дискурса «Часослов» Рильке — это книга не импрессионизма и философской символики, но это книга молодого мужчины интеллектуальной западной цивилизации рубежа XIX–XX вв., который пытался найти новые пути искусства и жизни в простой и простодушной культуре, именно — в народно-крестьянской России. Вместе с тем эту книгу молодого мужчины (и так далее) можно поставить в ряд с другими типологически сходными явлениями. И мы специально взяли то противопоставление становящейся культуры и устоявшейся цивилизации, которое было разработано младшим современником Рильке — О. Шпенглером в «Закате Европы», потому что типологически Шпенглер и Рильке — это однородные явления.

Исходя из наших антропологических принципов, мы учитываем в первую очередь, что Дрожжин (1848 г. р.) был старше Рильке (1875 г. р.) на 27 лет, между ними лежало целое поколение. Точно так же между годом рождения Рильке, с одной стороны, и годами рождений Пастернака (1890) и Цветаевой (1892), с другой стороны, прошло тоже немало лет. Дрожжин был неизбежно старшим (учителем) по отношению к Рильке, как, напротив того, в отношениях с Цветаевой и Пастернаком учителем, метром был Рильке. И всё же между возрастной разницей в 15–17 лет и возрастной разницей в 27 лет отличие есть: первая допускает между людьми отношения старшего и младшего брата, а вторая — только отцовско-сыновьи отношения. Между старшими и младшими детьми одних родителей может возникнуть ревность, но она исходит из представлений о равенстве и ведет к соревновательности равных. В отношениях детей к родителям представления о равенстве нет, но желание стать как они оборачивается стремлением занять то единственное место, которым они владеют сей-

1. Сокращенный вариант: [6]; немецкий перевод: [22]. В библиотеке Дрожжина была книга Рильке «Mir zur Feier» (К торжеству моему, 1899), с надписью на авантитуле: «С. Д. Дрожжину к новому году 1901. На добрую память и сердечно Р. М. Рильке. Шмаргендорф–Берлин. Декабрь 1900». Кроме того, в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ф. 101) хранится переданная туда самим Дрожжиным «большая рукопись в переплете стихотворений, написанных с 1889 по 1916 г. с воспоминаниями о германском поэте Райнер Рильке, посетившим меня в 1900 году» — так писал сам Дрожжин в своем дневнике [7, с. 287].

час (ситуация выравнивается, когда дети сами становятся родителями). А в отношении родителей к детям господствует любовь. В нашем же случае эта типовая ситуация осложняется индивидуальной ситуацией в семье Дрожжиных. Оба их сына умерли во младенчестве, были живы дочери. И вдруг появляется молодой немец, который в рот глядит, который всем твоим восторгается и переводит тебя на немецкий язык. Как тут было не впасть в родительскую сентиментальность? (Старческой ее не назовешь, так как Дрожжин совсем еще не был стар).

Но эти отношения Рильке и Дрожжина были существенно осложнены еще и тем, что в них очень важную роль играло третье лицо, именно — женщина. Мы уже назвали имя Лу Андреас-Саломе и теперь должны объяснить, почему ее материалы так важны для нашей темы. Она родилась в Петербурге, мать ее была немкой, а отец — генералом франко-немецкого происхождения на русской службе, поэтому в России она была наследницей чина и пенсионера своего отца и называлась ее превосходительство Луиза Густавовна фон Саломе. Отец Саломе относился к той категории немцев на русской службе, которых звали *русский немец* [11, с. 531], что означает 'обрусевший немец' («Русский немец белокурый»). Такое название противоположно названию *немец русский*, которое имеет значение 'онемечившийся русский' («Царь наш — немец русский») [15, с. 256]. Эти понятия использовал А. И. Герцен в статье «Русские немцы и немецкие русские» (1859) [5, с. 148–189], обличая тех, кто видел в России не родину, а место наживы. Однако были и другие русские немцы, которые относились к России не как чуждой земле, которую надо воевать, а совершенно родственно, кровно. По крови и культуре они оставались чистыми немцами, но России служили искренне. Хотя ничего русского в Лу Саломе не было, но Россию она именовала своей родиной, а Фридрих Ницше называл ее «гениальной русской».

Саломе не объявляла себя сторонницей феминизма, но как личность развивалась именно в этом направлении. Возможно, с целью добиться личностной независимости она долгое время отвергала сексуальные отношения и строила совместную жизнь с влюбленными в нее мужчинами без секса: Пауль Ре, Фридрих Ницше, Фридрих Карл Андреас (муж), Райнер Мария Рильке. К этому же типу относится и ее более позднее общение с Зигмундом Фрейдом, который, впрочем, и сам не притяжал на физическую близость. Когда романы Саломе приобретали сексуальный характер (тоже с не рядовыми мужчинами: Георг Ледебур, Франк Ведекинд), они становились очень короткими и интеллектуально непродуктивными.

Саломе как писательница, начиная с первого романа «В борьбе за Бога» (1885), писала о формировании женской личности: раннее взросление, подростковый период и превращение девочки в девушку и женщину [3]. Все произведения Саломе имеют автобиографический характер, при этом тема России соединяется в них с темой богоборчества и богоискательства. Хотя Саломе была немецкой писательницей и писала для немецкого (западноевропейского) читателя, но она нарочито манифестировала свою причастность ко всему, что происходило в России. Прямо или опосредованно Россия присутствует почти во всех ее книгах: в повестях «Руфь», «Феничка», «Родинка», в сборниках рассказов «Дети человеческие», «Переходный возраст» и «Час без Бога», в романе «Ма».

И вот с этой немецкой писательницей, откровенно репрезентировавшей свою русскость, Рильке познакомился в 1897 г. Ранний Рильке, как и многие его современники, тяжело переживал кризис европейской цивилизации («Закат Европы») и авторского искусства как одной из ее форм. Кризис европейской цивилизации — это общее ощущение его современников. Художественные поиски Рильке родственны творческим поискам Гогена, кубистов и примитивистов. Сам Рильке писал: «Мы утратили наивность. Но мы должны вернуть себя к примитивности, чтобы оказаться наравне с теми, кто носил ее в своем сердце» [13, с. 21].² До встречи с Саломе Рильке искал идеал простой жизни в Италии, которая отставала в экономическом развитии и была еще вполне патриархальной страной. Но Саломе, которой было почти 36 лет и которая привыкла и хотела играть ведущую роль,

2. Ср.: «Wir sind nicht mehr Naive; aber wir müssen uns befehlen, primitiv zu werden, damit wir bei jenen beginnen können, die es von Herzen waren» [27, с. 71]. Благодарю сотрудника Славянского семинара Фрайбургского университета им. Альберта-Людвига Константина Раппа, который не только проверил немецкие оригиналы текстов и отредактировал все переводы на русский язык, но и подсказал некоторые неизвестные мне материалы.

переориентировала 22-хлетнего поэта на Россию. Именно по ее инициативе в 1899 и 1900 гг. они посетили эту страну. Первую поездку они совершили втроем, вместе с Андреасом, второй раз они ездили вдвоем, без Андреаса, но именно вскоре после второй поездки Саломе оставила влюбленного в нее поэта.

Попав под влияние Саломе, Рильке непременно должен был заинтересоваться тем, что она писала о России и русских. В статье «Лев Толстой, наш современник» Саломе видит в отказе Толстого от литературного творчества две тенденции: «стремление к народному идеалу и примитивной жизни народа» и «европейски рафинированную образованность русских поэтов» [13, с. 23].³ Русский народ является идеалом примитивного народа потому, что, в отличие от народов цивилизованного Запада, он сохранил живую связь с Богом. Но христианство чуждо русскому народу, выработавшему «собственные, исконно русские идеалы». Поэтоу Толстой и не является христианином (см. об этом: [13, с. 23—24]). Уничтожение и даже внешнее умаление в молитве оборачивается необычайным возвышением человека: «Перед маленькой часовней *Иверской* в Москве: коленапреклоненные в ней выше стоящих, и те, что кладут поклоны, выпрямляются до гигантской высоты; так бывает только в России» [13, с. 155];⁴ «Там, где поклоны не ритуал или культ, а лишь выражение могущества и кротости одновременно» [13, с. 155].⁵

Именно под влиянием Саломе Рильке назвал в заметке «Русское искусство» (1901) Россию «страной будущего», а русский народ — «народом-художником»: «Если говорить о народах как о людях, постигаемых в процессе их становления, то можно сказать: этот народ будет солдатом, тот — купцом, третий — ученым; русский же народ будет художником, и отсюда следует, что лучшие из его творческих умов чувствуют себя призванными быть его воспитателями» [13, с. 608];⁶ «Мы имеем здесь дело с доджоттовским народом, весь опыт которого религиозен и настолько глубок, что позволяет нам в потемневших византийских иконах постичь красоту, какой никогда не было в этих ремесленных копиях, выполненных греческими монахами с Афона. В рамках этих картин осуществляется — смирением людей, молящихся перед ними, — то, что в высшем смысле можно сказать способному чувствовать о любом произведении искусства: оно всего лишь возможность, пространство, в котором созерцатель должен воссоздать уже ранее созданное художником. Глядя в темноту икон, народ заселяет их бесчисленными богоматерями, и творческая его жажда вновь и вновь оживляет пустые овалы нежными ликами» [13, с. 608].⁷

Задумав в 1898 г. поездку в Россию, Саломе и Рильке хотели посетить Льва Толстого. Саломе вспоминала, что «его образ был для нас в известном смысле воротами в Россию: ведь если Досто-

3. Cp.: «Was Puschkin da tat, wenn er des Abends andächtig still saß und den schlichten Geschichten der Wärterin seiner Kindheit lauschte, um glücklich über ihnen alles zu vergessen, was ‚Europas übertünchte Höflichkeit‘ ihn gelehrt hatte, — genau dasselbe hat seit ihm die ganze russische Dichtung getan, indem ihre Vertreter von der westeuropäischen Kulturhöhe, zu der sie erzogen waren und auf der sie größtenteils lebten, mit allen Träumen und aller Sehnsucht ihrer Poesie niederstiegen zum russischen Volk. Je größer gerade in Russland der Abstand zwischen einem noch fast ganz unkultivierten, ungeheuer breiten Volkstum und den verhältnismäßig Wenigen der Hochgebildeten und in raffinierter Geisteskultur Lebenden, desto bedeutungsvoller ist diese Tatsache» [19, с. 1147]. Перевод К. М. Азадовского («стремление к славянофильскому идеалу и примитивной жизни народа» и «рафинированная утонченность современной души») неточен.

4. Cp.: «Vor der kleinen Kapelle der Иверская in Moskau: dort sind die Knieenden größer als die, welche stehen, und die sich verneigen, richten sich riesig auf: so ist es in Rußland» [28, с. 102].

5. Cp.: «Irgendwo, wo Sich-Verneigen nicht Gottesdienst ist und nicht Cultus... sondern eine Gebärde der Macht und der Milde zugleich» [28, с. 103].

6. Cp.: «Wenn man von Völkern wie von Menschen spricht, die in der Entwicklung begriffen sind, so kann man sagen: dieses Volk will Soldat werden, ein anderes Kaufmann, ein drittes Gelehrter; nun, das russische Volk will Künstler werden, und daher kommt es, daß gerade die Besten von seinen Schaffenden sich zu seinen Erziehern berufen fühlen» [25, с. 495].

7. Cp.: «Wir haben es hier mit einem vorgiottesken olke zu tun, dessen alle Erlebnisse religiöser Natur sind und so stark, daß sie uns in verdunkelten byzantinischen Bildern eine Schönheit erkennen lassen, welche diese handwerksmäßigen Kopien griechischer Mönche vom Athos niemals besaßen. Was im höchsten Sinne von jedem Kunstwerke gilt, dem Fühlenden gegenüber: daß es nur eine Möglichkeit ist, der Raum, in welchem der Schauende wiederschaffen muß, was der Künstler zuerst geschaffen hat, das erfüllt sich im Rahmen dieser Bilder durch die Frömmigkeit derjenigen, die davor beten. Unzählige Madonnen schaut das Volk in die hohlen Ikone hinein, und seine schöpferische Sehnsucht belebt beständig mit milden Gesichtern die leeren Ovale» [25, с. 495–496].

евский уже раньше открыл Райнеру глубины человеческой души в русских людях, всё же именно Толстой оказался для нас воплощением русского человека как такового — благодаря той проникновенной поэтической мощи, которая свойственна всем его произведениям» [1, с. 290]⁸.

Во время первого путешествия в Россию с 25 апреля по середину июня 1899 г. Саломе, Рильке и Андреас побывали в Москве, где посетили Л. Н. Толстого в Хамовниках, но основное время провели в Петербурге у родственников Саломе. Нестоличной России они в этот раз не видели. С осени 1899 г. до второй поездки в Россию Рильке живет в окружении вывезенных из России реликвий: ларцы, кресты, иконы, носит «синюю русскую рубашку с красным узором». Рильке помогал Саломе готовить обед, «особенно если ожидалось одно из его любимых блюд: русская каша в горшочке или же борщ» [13, с. 45]⁹. Он хотел создать «благочестивый русский уголок» (письмо Е. М. Ворониной от 17 сентября 1899 г.) [13, с. 165]¹⁰, своеобразную «келью», которую он спроектировал в стихотворениях «Часослова» (ср.: 13, с. 44). Но эта тяга к вещному миру граничила с самым обычным китчем, а «святыне» реликвии оборачивались пошлыми сувенирами. Сам Рильке называл свои реликвии предметами поклонения, а «образами и названиями» (ср.: 13, с. 35). Но если икона в доме не является предметом поклонения, если она не образ Бога, то совершенно очевидно, что она превращается в предмет китча, «образ и название».

Рильке видит в России то, что хочет увидеть: смиренную и набожную восточную страну, не похожую на «бездуховный» Запад. Так, Рильке пишет из Петербурга: «Я уже три недели в России. Я слышал пасхальные колокола в Москве, а теперь переживаю начало весны в блеске березовых рощ и плеске широкой Невы. Испытываешь необычное ощущение, находясь ежедневно среди этого народа, который полон смирения и набожности, и я глубоко радуюсь этому новому опыту» (письмо Фр. фон Ревентлов от 20 мая 1899 г.) [13, с. 32]¹¹. Рильке не видит и не хочет видеть социальное неравенство русского общества, униженность и бесправие социальных низов, их культурную отсталость. Нищету и невежество русского народа он оценивает как знак духовной «избранности» русских. Поэтому эпитет *темный* становится у него положительным атрибутом иррационально, «душой» постигаемого русского Бога, а эпитет *светлый* — отрицательным признаком умопостигаемого, рационального Бога Запада (см. об этом: [1]). Бог Запада уже пришел однажды на землю и — умер; русский Бог еще только должен прийти. Впрочем, этот русский Бог не имеет отношения к православию как конфессии, он просто элемент поэтического мира Рильке.

Рильке называет русского Бога, который должен явить себя миру коллективным усилием «народа-художника», — зреющим, становящимся: «Трудно выразить, сколько молодости в этой стране и сколько будущего» (письмо к Гуго Салюсу от 7 мая 1899 г.) [13, с. 33]¹². И еще: «Уже пять недель, как я нахожусь в России, словно на родине моих самых неуловимых желаний и неясных мыслей. И уже в Москве я сразу заметил: вот она, страна незавершенного Бога, где из каждого людского жеста струится, как бесконечная благодать, теплота Его созревания» (письмо к Э. Фактору от 3 июня 1899 г.) [1, с. 294–295; 14, с. 34]¹³.

8. Ср.: «Obgleich wir nicht zuallererst Tula und Tolstoj aufsuchten, bildete doch seine Gestalt gewissermaßen das Eingangstor zu Rußland für uns. Denn wenn's auch bereits früher Dostojewskij gewesen war, der Rainer die Tiefen menschlicher Seele an Russen erschlossen, so wurde es doch Tolstoj, der ihm gleichsam den Russen als solchen verkörperte — infolge der Gewalt seiner dichterischen Eindringlichkeit in allen Schilderungen» [18, с. 117].

9. Ср.: «...in seinem blauen Russenhemd mit rotem Achselanschluß <...> In der kleinen Wohnung, wo die Küche den einzigen wohnzimmerlichen Raum außer meines Mannes Bibliothek darstellte, assistierte Rainer mir nicht selten beim Kochen, insbesondere wenn es sein Leibgericht, russische Topfgrütze, oder auch Borschtsch gab...» [18, с. 116].

10. Ср.: «fromme russische Ecke» [28, с. 110].

11. Ср.: «Ich bin seit drei Wochen in Rußland, habe die Osterglocken in Moskau gehört und empfinde den ersten Frühling aus dem Blinken der Birkenhaine und dem Rauschen der breiten Nawa. Es ist ein tägliches seltsames Erleben unter diesem Volke voll Ehrfurcht und Frömmigkeit, und ich freue mich tief dieser neuen Erfahrung» [23, 15].

12. Ср.: «Man kann es schwer sagen, wie neu dieses Land ist, wie zukünftig» [23, с. 12].

13. Ср.: «Ich bin seit fünf Wochen in Russland und wie in der Heimat meiner leisesten Wünsche und meiner dunkelsten Gedanken. In Moskau merkte ich es zuerst: Dieses ist das Land des unvollendeten Gottes, und aus allen Gebärden des Volkes strömt die Wärme seines Werdens wie ein unendlicher Segen aus» [28, с. 24].

Рильке умиляется Россией, как это обычно делают иностранцы до тех пор, пока не увидят угрозы с Востока, от русского медведя. Россия для Рильке — это «последний укромнейший уголок в сердце Господа, все его прекраснейшие сокровища — там» (письмо к Е. М. Ворониной от 9 июня 1899 г.) [13, с. 146]¹⁴. Гоген искал этический и эстетический идеал, отличный от усложненного Запада, на Таити, Ван Гог — в искусстве Китая и Японии; Пикассо с той же целью изучал Африку. Деятели культуры, родившимся в славянской Праге, не надо было ехать или умственно отправляться так далеко. Этический и эстетический идеалы они обретали не на расстоянии, а в непосредственной близости: Альфонс Муха нашел простоту жизни в «праславянской» женщине; Рильке (под влиянием Саломе) — в России.

Второе путешествие в Россию отличалось от первого по времени, так как было гораздо более длительным. Оно отличалось и по содержанию, так как путешественники посетили не только столичную, но и провинциальную (причем очень разную) Россию. В начале мая 1900 г. Рильке и Саломе приехали в Москву. Вместе с Л. О. и Б. Л. Пастернаками они проехали через Ясную Поляну, о чем Б. Пастернак написал в «Охранной грамоте». Потом их путь лежал через Тулу, Киев, Кременчуг, Полтаву, Харьков, Воронеж, Козлов (Мичуринск) — по преимуществу, железная дорога. Потом по Волге через Саратов, Самару, Симбирск, Казань, Нижний Новгород, Ярославль, через село Кресто-Богородское Ярославской губернии (ныне в черте города Ярославля) они вернулись в Москву. Спустя полторы недели Рильке и Саломе посетили Низовку и Новинки. Оттуда они отправились в Новгород Великий и Петербург. В конце июля Саломе поехала к родственникам в Финляндию, а Рильке ждал ее в Петербурге. Покинули они Россию 22 августа.

Нас естественно интересуют Низовка и Новинки. Саломе и Рильке совершили только два литературных паломничества: к Л. Толстому и к С. Дрожжину, и оба эти посещения предусматривались при составлении маршрута путешествия. С конца декабря 1899-го по февраль 1900 г. Рильке и Саломе часто встречаются с Софьей Николаевной Шиль (1863–1928), писательницей и преподавательницей московских Пречистенских курсов (для народа), поскольку она помогала им в занятиях русским языком и литературой. В письме к Шиль от 2 июня 1900 г. Рильке сообщает свои суждения о России, о Толстом (см.: [13, с. 234–239]). Весной 1900 г. С. Н. Шиль дарит Рильке стихотворные сборники Дрожжина, и Рильке сразу почувствовал интерес к его стихам и биографии. Крестьянин, живет в глухой деревне, пашет землю, пишет стихи — всё это полностью соответствовало представлениям Рильке о русском человеке. В письме к Шиль от 10 апреля 1900 г. Рильке писал: «Я рад, что Дрожжин знает о моем приезде. В воскресном номере „Прагер Тагеблатт“ будут напечатаны в моем переводе два его стихотворения, которые я Вам недавно посылал. К Дрожжину мы заедем, вероятно, позднее, в июне месяце, на обратном пути; ведь в это время в деревне особенно хорошо. Не думайте, что есть хоть одна деревня в России, которая могла бы, как бы жалка она ни была, изменить мой взгляд на Россию и мое чувство к ней. Мне кажется: количество грязи одинаково повсюду, и если она не на виду, — как в нашей культуре, — то, значит, она проникла в область духовной жизни, что еще хуже!» [13, с. 211]¹⁵. Рильке опубликовал переводы двух стихотворений Дрожжина «Прими меня, сторонushка родная... / So nimm mich auf, du gute Heimatgend...» и «В родной деревне / Im Heimatdorf» и под общим заголовком «В родной деревне» в немецкой газете «Prager Tageblatt» (Прага, апрель 1900; см.: [28, с. 432]).

Человек, для которого русский язык не является родным, достаточно легко воспринимает стихи Дрожжина, поскольку автологический язык их более понятен для иностранца, чем образный

14. Ср.: «Es ist die letzte, heimlichste Stube im Herzen Gottes. Seine schönsten Schätze sind darin. Und sie liegen nicht verstaubt und müßig herum — sie sind alle in Gebrauch jener tiefen Frömmigkeit, aus welcher heraus Wunder und Werke kamen seit Anbeginn» [28, с. 98].

15. Ср.: «Es freut mich, daß C. Дрожжин schon von mir weiß. Die beiden übersetzten Gedichte, welche ich Ihnen neulich geschickt habe, werden in der Osterfestnummer das „Prager Tagblatt“ gedruckt. Zu Дрожжин werden wir wohl erst spät, im Juni etwa, auf der Rückreise kommen; in dieser Zeit ist es ja aber auch schöner auf dem Dorfe. Denken Sie nicht, daß es ein russisches Dorf gibt, elend genug, um meine Meinung und Empfindung zu Rußland umzustürzen; ich denke mir: überall ist dasselbe Quantum Schmutz, und wo man es (wie in unserer Kultur) nicht mehr sieht, da hat es sich eben auf das geistige Gebiet zurückgezogen — um so schlimmer!» [28, с. 147–148].

строй интеллектуальных поэтов. И это обязательно нужно учитывать, чтобы не придавать тому увлечению, которое пережил Рильке стихами Дрожжина, излишнего интеллектуального значения. Рильке учил русский язык. Учат всегда на простом. Профессор университета Фрайбурга им. Альберта-Людвига Элизабет Шорэ¹⁶ в личной беседе со мной сказала о стихах Дрожжина, что они очень хороши, и в ответ на мое удивление заметила: разумеется, для не русского читателя. Профессор Э. Шорэ абсолютно права. Немецкий поэт не мог понять ни Пушкина, ни Тютчева, ни тем более Пастернака и Цветаеву в той мере, в какой он мог понять Дрожжина. Именно Дрожжин открыл для Рильке мир русского словесного творчества. В руки Рильке попал поэт, которого он сам, оказываясь, мог читать. Легко представить то удовлетворение, которое пережил Рильке, когда, ознакомившись со стихами Дрожжина, он понял, что достаточно владеет русским языком: читает — и понимает! Это удовлетворение естественным образом переносилось на самого автора стихов, который становится милым и близким.

Но увлечение Рильке стихами Дрожжина свершается на фоне его увлечения фольклором и этнографией России вообще. В стихах Дрожжина Рильке увидел «движение танцующих групп и дрожь балалайки» и связал поэзию Дрожжина с «временем былин и песен» (письма Рильке к Шиль от 23 февраля и 5 марта 1900 г.) [13, с. 182, 193]. В 1900 г. по поводу книги Ницше «Рождение трагедии из духа музыки» Рильке писал: «Разве не дионисийская стихия движет русским хороводом? В то время как сидящие своим пением воскрешают, тяжело и весомо, былинные образы, врывается, сметающая любые преграды, вал песен, который влечет и поглощает кружащихся в кольце хоровода» [13, с. 47–48]¹⁷. Трактовка русского хоровода как обряда-оргии, таинства, в котором человек общается со своим Богом, была оригинальной, но в целом Рильке (а также и Саломе) идет вслед за Ницше.

Путешествуя в 1900 г. по России, Рильке и Саломе постепенно впадают в экстатическое состояние. Уже в селе Кресто-Богородское они находят свой идеал «естественной жизни». Рильке писал матери 6 июля 1900 г.: «Я провел три дня в маленькой избе, живя как крестьянин среди крестьян. Я спал без постели и делил с хозяевами скудную пищу, для которой они лишь изредка находили время в часы своей тяжелой работы. Погода стояла хорошая, что придавало примитивному образу жизни особую прелесть, а материальная скудость вполне отвечала моим незначительным запросам» [13, с. 61]¹⁸. Саломе подробно описывает хозяйку деревенского дома, у которой они жили несколько дней. Общение с этой деревенской женщиной окончательно утвердило Рильке и Саломе в том, что русский человек, в отличие от западных людей, не утратил теплоты человеческих отношений. Всё, что ни говорила эта крестьянка, наполняло Саломе умилением и радостью: «Я не устаю слушать ее рассказы» [13, с. 264]¹⁹. Русская баба, всегда отличавшаяся добротой к гостям, видимо, давно уже почувствовала, что больше всего волнует ее гостей. Поэтому, прощаясь с ними, она произнесла фразу, которая стала для обоих драгоценным подарком: «Ты тоже простой народ» [13, с. 265]²⁰. Хозяйка не льстила своим немецким гостям, не лицемерила. Но если им так хотелось числиться «простым народом», то почему бы не сказать им приятное?

И вот на фоне этого совершенно экстатического состояния, получив от «простого народа» диплом на звание «простого народа», Рильке и Саломе в этом качестве и приехали 5 июля в деревню Низовку, где жил Дрожжин. Рильке в дневнике записал: «На Волге, на этом спокойно катящемся море быть дни и ночи, много дней и ночей. Широкий-широкий поток, высокий-высокий лес на

16. Статья написана на основе доклада, который был прочитан мною во Фрайбургском университете им. Альберта-Людвига по любезному предложению профессора Э. Шорэ в декабре 2015 г. Ей и ее коллегам, участвовавшим в обсуждении этой работы, я приношу свою искреннюю благодарность.

17. Ср.: «Sollte das dionysische Element nicht in dem Chorowod der Russen noch das bewegende sein? Während die Sänge der Sitzenden — Gestalten aus den Bylinen schwer und körperhaft hinstellen, brechen alle Grenzen ein vor dem Ansturm jener flutenden Lieder, die die Ringe der Reigenden treiben und verschlingen» [26, с. 1175].

18. Ср.: «In einer kleinen Hütte, Bauer unter Bauern, habe ich 3 Tage gelebt, ohne Bett geschlafen und die kargen Mahlzeiten geteilt, die meine Wirte in ihre schwere Arbeitszeit da und dort einschoben. Da das Wetter gut war, hatte das primitive Wohnen viele Schönheit und die Kargheit des materiellen Lebens entsprach meinen geringen Ansprüchen» [21, с. 6].

19. Ср.: «Ich konnte nicht müde werden, sie reden zu hören» [20, с. 86].

20. Ср.: «...Du auch bist das einfache Volk» [20, с. 88]. Ср.: [14, с. 61].

одном берегу, и низкая луговая равнина на другом, и большие города там не выше хижин или шалашей. <...> Я словно воочию видел сотворение мира; смысл всего — в немногих словах, мера вещей — в руках Создателя» [13, с. 499]²¹. Это чистой воды миф: назвать Волгу в Низовке морем до постройки Иваньковского водохранилища было невозможно: река была покрыта мелями и островами, которые сильно мешали пароходству, почему и было создано это водохранилище. Даже слова: «большие города там не выше хижин или шалашей» — едва ли похожи на правду, так как Дрожжин приехал из Москвы и по дороге до станции Завидово не проехал ни одного города. Москва же и даже Тверь были, как известно, «выше хижин или шалашей».

И как Волга, так и Дрожжин в восприятии Рильке становится мифом. Но к этой мифологизации подталкивал, как можно думать, и сам Дрожжин, который так вспоминал о немецких гостях: «Дорогой я обратился к Луизе Густавовне с вопросом: „Как нравится вам моя родина?“ — „Так у вас здесь хорошо, — отвечала она, — что, если бы возможно было, я навсегда осталась бы жить в вашей деревне“» [8, с. 31]. Саломе не льстила Дрожжину, она отвечала ему так же, как ей — крестьянка в Кресто-Богородском. Если уж Дрожжину так хотелось услышать добрые слова о своей родине, то почему бы не сделать ему приятное?

В Низовке Рильке и Саломе познакомились с семьей Дрожжина, слушали его стихи, гуляли, любовались волжским пейзажем: «...затем я повел их в мой садик, и отсюда мы пошли пахотными и засеянными полями на Волгу, где долго они стояли и любовались открывшейся со всех сторон картиной моей родины. Возвращаясь, мы нарвали в залидном лугу по букету полевых цветов <...> по дороге Райнер Осипович попросил меня показать ему, на чем растет клюква. Тогда привел я их к болоту и указал на куст с этим растением; осмотрев его, Рильке сорвал несколько веток и вложил их в свою памятную книжку» [8, с. 31]. Русское болото и русская клюква всегда вызывают интерес иностранцев. Саломе пишет: «Мы пошли с Дрожжиным в лес, местами заболоченный, непроходимые болота, с гигантскими деревьями, где в начале зимы буйствовал страшный ураган. Среди множества ягод мы нашли орхидеи и клюкву — я впервые в жизни видела, как она растет» [13, с. 278]²². Примечательно различие показаний хозяина и его гостя. Для Дрожжина соседнее болото — обычное и небольшое, а оно и не могло быть большим рядом с деревней и вблизи главного в стране шоссе из Москвы в Петербург: «Тогда привел я их к болоту и указал на куст с этим растением». Для Саломе то же самое болото кажется страшным: «Мы пошли... в лес, местами заболоченный, непроходимые болота с гигантскими деревьями, где в начале зимы буйствовал страшный ураган». Развесистой клюквы, правда, не будет. Но Саломе и Рильке всё время идут по самому краюшку китча.

В повседневной жизни крестьян Низовки Саломе отмечает ряд новых для нее бытовых деталей: «То соседствуешь с животными в хлеву, занимающем по крайней мере половину избы, то лежишь на сене, то идешь по равнине с ее широкими полями, лугами, заросшими высокой травой, дремучими лесами и берегом Волги, которая здесь сужается и течет неслышно» [13, с. 277]²³. (Вот, кстати, тебе и море!) Читаешь эти воспоминания, и кажется, что Рильке и Саломе прожили в Низовке месяц, или полмесяца, или хотя бы неделю. Но на самом деле они были в Низовке очень небольшой срок. Они приехали в Низовку 5 (18) июля в два часа дня; провели в ней целиком 6 (19) и 7 (20) июля, во второй половине 8 (21) июля отправились в гости в Новинки, где с радостью приняли приглашение заноче-

21. Ср.: «Auf der Wolga, diesem ruhig rollenden Meer, Tage zu sein und Nächte, viele Tage und viele Nächte; ein breit — breiter Strom, hoher, hoher Wald an dem einen Ufer, an der anderen Seite tiefes Heide-land, darin auch große Städte nur wie Hütten und Zelte stehen. Man lernt alle Dimensionen um sich herum. Man erfährt: Land ist groß, Wasser ist etwas Großes, und groß vor allem ist der Himmel. Was ich bisher sah, war nur ein Bild von Land und Fluß und Welt. Hier aber ist alles selbst. — Mir ist, als hätte ich der Schöpfung zugesehen; wenige Worte für alles Sein, die Dinge in den Maßen Gottvaters...» [23, с. 42–43].

22. Ср.: «In den Wald gingen wir mit Дрож.<жин> am 2ten Tag, wo das Wetter herrlich wurde; er ist sumpfig stellenweise, „непроходимые болота“, — mit riesigem Baumwuchs, in welchem Anfang des Winters ein furchtbarer Orkan gewüthet hat. Wir fanden neben, vielen [!] Beeren, Orchideen und клюква (Kljukwa, Moosbeere), die ich zum ersten Mal im Leben wachsen sah. Sie hat ein der Myrthe ähnliches Laub» [20, с. 107–108].

23. Ср.: «Man ist in der изба (Isba), Nachbar den Thieren im Stall, der ihre Mitte gewissermaßen einnimmt, man liegt im Heu, oder durchstreift die Ebene mit ihren weiten Feldern, hochhalmigen Wiesen, den großen Wäldern und dem Strand an der schmal und still gewordenen Wolga» [20, с. 106].

вать. На следующее утро 9 (22) июля немецкие гости фотографировались в Новинках, и не раньше чем к обеду вернулись в Низовку (а возможно, и позднее, поскольку совершенно неизвестно, чем была занята эта часть дня). А 10 (23) июля они уже уехали (то ли из Низовки, то ли из Новинки) в Завидово на железную дорогу. То есть в самой Низовке Рильке и Саломе были три дня с небольшим.

Менее восторженная, чем Рильке, Саломе была поэтому более наблюдательна, хотя и не уступала ему по части мифотворчества. Она восхищенно пишет о «глубокой тишине», которой окружена жизнь русской деревни, о «несказанном достоинстве» русских крестьян: «Как трогательны и обаятельны эти люди в своей простоте и силе» [13, с. 277]²⁴. Но главная их добродетель — это покорность: «...тяжелая жизнь выливается в какое-то молитвенное смирение» [13, с. 279]²⁵. Саломе видит в личности Дрожжина единство труда и поэзии: «Крестьянский быт жителя русской деревни можно изучать в избе этого поэта, который сам — крестьянин» [13, с. 277]²⁶.

Читая эти строки о Дрожжине, мне всё время хочется напомнить стихи Маяковского из поэмы «Хорошо!»: я думаю, что Маяковский метил именно в Дрожжина, когда писал:

За городом —
поле.
В полях
деревеньки.
В деревнях —
крестьяне.
Бороды
веники.
Сидят
папаши.
Каждый
хитр.
Землю попашет,
Попишет
стихи [12, с. 328].

С детства оторванный от дома и крестьянского труда, Дрожжин очень хотел вернуться и несколько раз возвращался в Низовку, но каждый раз вынужден был вновь уезжать на заработки. Он смог вернуться и поселиться в Низовке только тогда, когда получил постоянную императорскую пенсию за свое литературное творчество — ежегодные сто рублей. Стихи вернули его к крестьянской жизни. Дрожжин репрезентировал себя как поэта-крестьянина и издавал книги, на обложках которых так себя и называл. Но крестьянским трудом он фактически не занимался: сначала не получалось, а потом стихи стали кормить лучше, чем соха. Это не плохо и не хорошо. Это факт, который необходимо учитывать, чтобы не впасть ни в ложную сентиментальность, ни в ложное осуждение. Дрожжин, конечно, никого не обманывал. Но он не только жил, но сознательно моделировал определенный образ, создавал образ своей жизни в сознании читателей.

Вернемся, однако, к нашим героям. Взгляды Рильке полностью совпадали с взглядами Саломе (ср.: [13, с. 63]). Вот что он писал Софье Шиль 20 июля: «Дорогая и уважаемая София Николаевна, мы уже заранее радовались Вашему письму, которое должно было ожидать нас здесь у Спиридона Дим<итриевича>. <...>

Сейчас мы находимся в деревне Низовка у любезного Спиридона Дим<итриевича> и, наслаждаясь его щедрым гостеприимством, чувствуем себя превосходно. <...> За эти дни мы сделали боль-

24. Ср.: «Reizend und rührend sind diese Menschen in ihrer Schlichtheit und Kraft» [20, с. 106].

25. Ср.: «...das schwere Leben klingt sich aus in einer hymnenhaften Ergebung» [20, с. 109]. Ср.: [14, с. 63].

26. Ср.: «Das Bauernleben des russischen Dörfers lernt man kennen in der изба (Isba) dieses Poeten der selbst nur ein Bauer ist» [20, с. 106].

шой шаг к сердцу России, в биение которого уже давно вслушиваемся, предчувствуя в его ритме те самые доли, которые необходимы и для нашей жизни» [13, с. 274]²⁷.

Поначалу Рильке и Саломе считали, что нашли в Дрожжине заветный образ народа-художника. Но за три с небольшим дня выяснилось, что истинными носителями и гораздо более убедительными примерами гармонии и простоты жизни были жена и мать Дрожжина. О жене поэта Марии Афанасьевне (1855–1920) Саломе пишет: «...жизнь мужика, воспетая в его песнях, звучит совсем иначе в ее устах, когда она просто рассказывает о том, что пришлось пережить. Он до сих пор радуется цветам или сенокосу, потому что возбуждается аппетит, — она же работает от зари до зари, ничего не может есть от усталости, во время работы утоляет жажду болотной водой и страдает от позывов рвоты, потому что ее дыхательные пути забиты пылинками сухого сена» [13, с. 277]²⁸. А потом о матери поэта Аграфене Васильевне Дрожжиной (1828?–1912): «Мы навестили его мать, семидесятилетнюю крестьянку, которой на вид — лет пятьдесят пять; рот полон зубов, волосы светлые, не поседевшие, щеки в морщинках; когда смотришь на нее со спины, кажется, что это молодая женщина, идущая упругой походкой. Она всё произносит с какой-то патетической нежностью и почти на библейский лад» [13, с. 277]²⁹.

На фоне матери и особенно жены поэт-крестьянин Дрожжин становится просто поэтом и ореол вокруг его чела меркнет. Вроде бы всё понятно: приехали гости, и кто-то должен ими заниматься. А поскольку приехали писатели, то и занимается ими писатель. Но пора стоит летняя, надо сено косить и стоговать. Мария Афанасьевна идет на работу, а Спиридон Дмитриевич с гостями собирает букеты полевых цветов. Вернувшись с поля, Мария Афанасьевна готовит гостям и мужу жаркое из грибов. Дрожжин, конечно, не сидел на шее у своей жены и работал как все крестьяне. Но взгляд Саломе сдвигается с простоты крестьянства на приукрашенную поэзию. И отношение к Дрожжину поневоле становится более трезвым.

Это было первая ступень разочарования. Вторая ступень была достигнута 8 июля, когда Дрожжин познакомил своих гостей с владельцем соседней усадьбы Новинки Николаем Алексеевичем Толстым. Рильке писал матери 25 июля 1900 г., что семья Толстых «является исконно русской, очень консервативной и глубоко религиозной, так что все события в этой семье связаны с какими-нибудь чудесами, таинственными молитвами и тихим их осуществлением» [13, с. 63]³⁰. Было ли так на самом деле — для нас сейчас не важно. Главное, что все эти черты соответствовали представлениям Рильке и Саломе о русской жизни и потому приводили их в восторг (ср.: [13, с. 63]). И вполне естественно, что после знакомства с Толстыми Дрожжин еще больше теряет свое очарование. А когда Толстые пригласили Саломе и Рильке переночевать в их доме, немецкие гости, которым уже, видимо, надоело «соседствовать с животными в хлеву», с радостью приняли это предложение. И Рильке писал: «Дрожжин привез меня к помещикам той же губернии, которые встретили меня столь

27. Цитируется перевод из: [5, с. 233–234]. Ср.: «Liebe verehrte Sofia Nikolajewna, wir haben uns schon sehr einem Brief von Ihnen entgegengefreut, der uns hier bei Spiridon Dim. erwarten würde. <...>

Jetzt sind wir bei dem lieben Spiridon Dim. im Dorfe Nisofka und fühlen uns in seiner großen Gastfreundschaft sehr wohl. Wie dankbar sind wir Ihnen für diese Vermittlung! Mit diesen Tagen tun wir einen großen Schritt auf das Herz Russlands zu, nach dessen Schlägen wir schon lange hinhorchten im Gefühl, daß dort die richtigen Taktmaße sind auch für unser Leben» [23, с. 36–37].

28. Ср.: «...nicht ganz so singt das Leben des мужик (*Mushik, Bauer*) in seinen Liedern, wie es von ihren Lippen in schlichter Wiedergabe des Erlebten sich anhört. Er hat noch Freude an den Blumen, — am Heuen, weil es Appetit weckt, — sie arbeitet von Nacht bis in die Nacht, ißt in ihrer Uebermüdung nicht mehr, trinkt im rasenden Durst bei der Arbeit Moorwasser, und leidet an Brechreiz wenn die Stäubchen des trockenen Heus ihr die Luftröhre füllen» [20, с. 106].

29. Ср.: «Wir haben seine Mutter besucht, eine 70jährige Bäuerin, die aussieht wie 55; den Mund voller Zähne, das Haar ungebleicht blond, die Wangen voll Grübchen; wenn man sie von rückwärts sieht, denkt man ein junges Weib elastischen Schrittes schreiten zu sehn. Gerade wie die Makarowa spricht sie alles in einer Art von pathetischer Zärtlichkeit und fast biblisch» [20, с. 107].

30. Ср.: «Was die Annehmlichkeit dieses Aufenthaltes so wertvoll machte, war, daß dieser Zweig der Tolstois, echt russisch, sehr konservativ und so tiefgläubig ist, daß alle Ereignisse der Familie mit irgendwelchen Wundern, geheimnisvollen Gebeten und ihren leisen Erfüllungen verknüpft sind; Und vier Tage lang hat mir Natalia Alexejewna Tolstoi (die Mutter) von den seltsamen Zusammenhängen in ihrem Leben und im Leben ihrer Vorfahren erzählt» [21, с. 9].

ласково, что уже вечером я переселился из избы в хоромы, где с благодарностью наслаждался всеми удобствами прекрасного дома и пышного парка» [13, 285]³¹. Это сказано эгоистично, но так искренне и непосредственно, что сердиться на Рильке не приходит в голову. Ну, на самом деле надоело ему соседствовать с коровами в хлеву. И привычному крестьянину-то надоест, а тут не привыкший к такой жизни европеец. Так закончилась история опрощения Рильке и Саломе: побыли «простым народом» два дня, и хватит.

То небольшое время, которые Рильке и Саломе провели в доме Толстых (как мы уже видели, вечер 8-го, первая половина 9-го и потом некоторое время 10-го июля) формирует у Саломе новую иерархию ценностей: «...знакомство с этим восхитительным типом русской помещицкой жизни означало, что наше путешествие неожиданно поднялось на новую ступень. Сам Дрожжин как-то поблек в связи с этим. Что удивительно: в самом начале, как только мы приехали, он показался нам идеалом крестьянина и могучей личностью, соединяющей в себе поэзию и правду повседневной жизни; затем, с появлением его жены, всё немного изменилось, окрасившись впечатлением трогательности и несамостоятельности; но это повредило лишь восприятию его стихов: они показались нам теперь не полноценным выражением русской деревенской жизни, а лишь поэтическим ее толкованием. Этот легкий оттенок поэтического отступления от истины, звучавший поначалу приятно и тонко, сделался почти резким и неприятным, почти смешным при соприкосновении поэта-крестьянина с глубоко образованными, своеобразными Толстыми, таящими в себе огромную цельность. Дрожжин неуверен в себе, приходит в восторг, когда над ним подшучивают, а порой прямо-таки тщеславен и ограничен, так что невозможно глядеть на этого человека, которого всё же искренне считаешь, без почти болезненного чувства. То, что здесь выше его, это не просто богатство и образование, а прежде всего подлинное превосходство людей, развившихся в полную силу» [13, с. 280]³².

Саломе совершенно справедливо оценивает ситуацию. Хотя Дрожжин «вернулся в деревню и способен искренне и глубоко ей радоваться, всё же внутренне расстался с деревней в той мере, в какой вознамерился сделать из себя поэта и даже мыслителя (стать исключением)» [13, с. 280]³³. Разумеется, что крестьянин, ставший поэтом и зарабатывающий на жизнь поэтическим трудом, перестал быть крестьянином. Однако Дрожжин хотел выглядеть крестьянином и поэтому проигрывал на фоне реальной крестьянки Марии Афанасьевны.

Но посмотрим на ситуацию глазами Дрожжина. Видимо, он был действительно тщеславен, однако ему было чем гордиться. В прямом смысле самоучка, он сумел обеспечить себя и свою семью литературным трудом, а читательский успех его стихов среди современников был исключительно велик. При его жизни его именем называли библиотеку. Он общался с самыми известными литераторами. Ему дарили книги с дарственными надписями. И он простодушно тщеславился. Но

31. Ср.: «Dann brachte Droshin mich zum Gutsherrn seiner Gegend und dort fand ich so liebe sympathische Aufnahme, daß ich für den Rest der Tage aus der Hütte ins Schloß übersiedelte, wo ich alle Bequemlichkeiten des schönen Hauses und alle Freuden des reichen Parks dankbar genoss» [21, с. 9].

32. Ср.: «War es schon eine Ueberraschung, zum Schluß der Reise in Дрож.<жин>. Dorf so viel und so Reiches geschenkt zu erhalten, so erschien dieser Einblick in einen köstlichen Typus russischen Gutslebens als eine unerwartete Steigerung der ganzen Reise. Дрож.<жин> selbst verlor etwas dadurch. Es war ganz merkwürdig: im allerersten Anfang bei ihm, kam er uns als der Idealbauer und als machtvolle Persönlichkeit vor, die Dichtung und Wahrheit des Alltagslebens in sich vereint; dann, mit dem Hervortreten der Frau, wandelte sich das ein wenig in's Rührende und Unselbstständige um, aber noch that es nur seinen Poesien Abbruch: sie erschienen nicht mehr als Totalausdruck sondern als poetische Umfärbung des russ.[ischen] Bauerndaseins. Dieser leise Ton der poetischen Abweichung vom Wahren, der nur erst lieblich und fein spielend zwischenklang, wird bei der Berührung des Bauern-Poeten mit den feingebildeten, originellen, riesig in sich einheitlichen Tolstoi's fast schrill, unangenehm, fast lächerlich. Дрож.<жин> ist unsicher, läßt sich voll Entzücken necken, wird manchmal beinah eitel und albern. Und dabei kann man es an diesem Menschen, den man herzlich verehrt, nicht ertragen ohne geradezu ein Weh zu fühlen. Was da über ihn triumphirt, ist nicht Reichthum und Bildung allein, sondern vor allem die thatsächliche Ueberlegenheit von Menschen, die sich stark ausgewachsen haben» [20, с. 111].

33. Ср.: «...trotz seiner Rückkehr in's Dorf, trotz seiner aufrichtigen, tiefen Freudigkeit am Dorf, [verließ Дрож.<жин> das Dorf innerlich dennoch insofern <...>, als er sich zum Poeten und sogar zum Denker zu machen, (zu einer Ausnahme zu machen,) bestrebt war» [20, с. 111–112].

ведь можно сказать, что он гордился тем, как в его лице простой крестьянин стал знаменитостью. И эту социальную гордость переоценить невозможно.

В бытовых ситуациях Дрожжин проигрывал неоднократно. Вот его собственное свидетельство: «На другой день, едва только взошло солнышко, когда пастух в поле прогнал стадо и я еще спал, они уже встали и, напившись приготовленного женой парного молока, отправились босиком на прибрежное луговое поле и там всё утро бродили по росистой траве, находя это, как они мне объясняли потом, очень полезным для здоровья...

На третий день я решился встать раньше их, чтобы вместе с ними идти на прогулку; только, не веруя в целебность для себя босого хождения по росе, надел высокие сапоги» [8, с. 31]. Надел сапоги — эта деталь низводила образ Дрожжина в глазах немецких гостей с высокого пьедестала. Но на этот высокий пьедестал они поставили его сами. А если мы учтем, что полезное в молодом возрасте хождение босыми ногами по росе для людей зрелого возраста и старше может оказаться весьма опасным, то ничего снижающего в этих сапогах мы не увидим. А кроме того, сам Дрожжин на пьедестал не лез, поэтому несправедливо заставлять его отвечать за духовные искания европейской интеллигенции рубежа XIX–XX вв.

Саломе высказалась о русских людях афористично, каламбурно и элегантно: «...редкостное в них буднично, а будничное — редкостно» [13, с. 279]³⁴. Это вполне отвечало поэтике модернизма. Первую часть афоризма истолковать достаточно легко. То, что было редкостным в глазах цивилизованных немцев (сосуществовать с домашним скотом в хлеву, «, занимающем по крайней мере половину избы», и так далее), для русских крестьян было будничным. Но что значит вторая часть афоризма, перевертыш «будничное — редкостно»? В какой мере это красное словцо отвечало реальному положению дел? Честно сказать, мы не знаем, как и растолковать его. За первую часть афоризма Дрожжин полностью отвечал. Но он, разумеется, не был и не должен был быть в ответе за вторую часть.

Проницательная Саломе замечает и постоянные подшучивания Толстых над простодушным и малообразованным Дрожжиным, которые часто переходили меру приличия. Известно, что вследствие одной неуместной шутки Дрожжин с 1905 вплоть до 1917 г. прервал свои отношения с Толстыми (см.: [16, с. 213; 4, с. 78]). И эти подшучивания симпатии у нас не вызывают, хотя судьба семейства Толстых после 1917 г. ужасает.

Мы начали с определения своего критического отношения к историко-литературному (историко-культурному) подходу к проблеме Дрожжин — Рильке. Сейчас следует подчеркнуть, что, решая эту проблему, необходимо полностью отказаться от эстетических оценок, иначе невольно впадешь в те ошибочные толкования, которые уже прозвучали из уст вполне серьезных исследователей вопроса. В. Кривулин писал: «...несколько стихотворений, написанных Рильке по-русски, почти пародийно воссоздают предметный и идеологический антураж, присущий поэзии Дрожжина, этого принципиального „поэта от сохи“, чье место в истории литературы ныне определяется отнюдь не эстетическими достоинствами его текстов, но лишь тем, что ему посчастливилось переписываться со Львом Толстым и встречаться с Рильке» [10, с. 425]. К. М. Азадовский исходил из той же посылки, назвав Дрожжина поэтом, «несоизмеримым по своему значению с Тютчевым» [1, с. 301]. Я вовсе не намерен защищать эстетические достоинства стихов Дрожжина. Я просто указываю на то, что нападать на эстетическое несовершенство стихов Дрожжина можно только с позиций самой что ни на есть архаической эстетики. Разве эстетические представления всех веков и народов едины? Разве то, что нравится традиционным племенам Амазонии или Австралии, должно непременно нравиться и нам? Разве кто-то сейчас читает гомеровский эпос с тем искренним увлечением, с каким его читали хотя бы в XVIII или хотя бы в XIX в.?

Но это только половина ответа. Когда В. Кривулин называет Дрожжина «принципиальным „поэтом от сохи“», данные слова свидетельствуют о полном непонимании реальной жизненной ситуации этого поэта. Ведь Дрожжин не выбирал позицию «поэта от сохи», поскольку другой позиции у него не было. Но если он не выбирал саму эту позицию, то выбирал форму ее репрезентации, и

34. Ср.: «In Rußland's Menschen ist wahrlich das Seltene alltäglich und das Alltägliche selten» [20, с. 109].

его жизненный (или жизнотворческий) проект — создание образа поэта-крестьянина — удался ему настолько, что он стал самым популярным и почитаемым поэтом из народа среди современников. И то же самое мы скажем о соизмеримости или несоизмеримости Дрожжина с Тютчевым. Как и почему возник в этом сопоставлении Тютчев, а не Кольцов и не Суриков? И зачем возник Тютчев, а не Лермонтов и не Фет? Да и можно ли (и нужно ли) вообще так соизмерять? Почему-то никому не приходит в голову соизмерять таким образом Тютчева и Федора Глинку, Тютчева и Случевского, Тютчева и Пушкина (Александра). Как Тютчев один такой на всю русскую литературу, так же точно и Дрожжин — один такой, и другого нет и не будет никогда. Кстати сказать, можно равным образом удивляться (почему-то никто не удивляется), что Рильке из всех русских художников особенно увлекся Виктором Васнецов. С современной точки зрения и три богатыря, и сестрица Аленушка, и витязь на распутье — всё это псевдорусский китч. Но зато этот китч легко усваивался великодержавным шовинизмом и европейской тягой к экзотике.

Короче говоря, не важно, сопоставим или не сопоставим Дрожжин с тем или иным Тютчевым. Важно то, что в творчестве Рильке он сыграл огромную историко-культурную роль. Мы уже приводили совершенно справедливое мнение профессора Э. Шорэ о том, что стихи Дрожжина очень хороши для не русского читателя. Поэтому здесь только повторим: именно Дрожжин открыл для Рильке мир русского словесного творчества.

Итак, хотя изначальным мотивом посещения Низовки для Саломе и Рильке было знакомство со знаменитым русским поэтом Дрожжиным, но наиболее сильное впечатление на них произвел сам мир Низовки. До посещения Низовки Рильке представлял себе Дрожжина иначе, чем после знакомства с миром, который взрастил и сформировал его как крестьянского поэта и питал его народные песни. Но сама по себе Низовка без Дрожжина не стала бы предметом внимания и целью паломничества Рильке и Саломе.

Изначальный интерес Рильке к Дрожжину был связан с его представлениями о русском народе (в принципе, о каждом архаическом народе) как о творце. В статье «Русское искусство» (1900) Рильке писал, что русский Гомер «умер совсем недавно» [См.: 13, с. 608]. Россия, по Рильке, всё еще переживает золотой век детства, поэтому подлинными поэтами ее являются неграмотные певцы. И таким подлинным поэтом был Дрожжин, хотя Рильке не учитывал (в какой-то степени сознательно), что профессиональный характер творчества Дрожжина нарушал чистоту подлинности.

Интерес Рильке к «природному», «примитивному» человеку лежал в русле общих исканий модернистского искусства рубежа XIX–XX вв. Выбор именно России в качестве модели этого «природного», «примитивного» человека зависел во многом от влияния Андреас-Саломе. Но мессианская трактовка России принадлежала, видимо, самому Рильке, что и неудивительно для уроженца Праги, где так сильно проявил себя еврейский элемент и где собирались Славянские съезды (1848, 1867, 1868). Представление Рильке о богоизбранности, мессианизме России являлось обратной стороной того мессианизма, который был свойствен самой русской культуре. Эти настроения были совершенно чужды Л. Толстому и Дрожжину, с которыми встречался Рильке. Таким образом, свой мессианизм Рильке заимствовал не у них. Но едва ли он знал о мессианизме А. С. Хомякова, Н. Я. Данилевского, Ф. М. Достоевского, Ф. И. Тютчева, В. С. Соловьева [17]. И весь вопрос в том, чтобы найти истоки мессианизма Рильке: «Россия была реальностью и вместе с тем глубокой повседневной уверенностью, что эта реальность — нечто далекое, бесконечно медленно приближающееся к тем, у кого есть терпение. <...> Люди, полные дали, неясности и надежности: люди созревающие. И надо всем этим — никогда не выявляющий себя до конца, вечно меняющий свой облик, нарастающий Бог» (письмо к Эллен Кей от 14 февраля 1904 г.) [13, с. 50]³⁵.

35. Ср.: «Russland war die Wirklichkeit und zugleich die tiefe, tägliche Einsicht, dass die Wirklichkeit etwas Fernes, unendlich langsam zu denen Kommendes ist, die Geduld haben. Russland, das Land, wo die Menschen einsame Menschen sind, jeder mit einer Welt in sich, jeder voll Dunkelheit wie ein Berg, jeder tief in seiner Demuth, ohne Furcht, sich zu erniedrigen, und deshalb fromm. Menschen voll Ferne, Ungewissheit und Hoffnung: Werdende. Und über allem ein nie festgestellter, ewig sich wandelnder, wachsender Gott» [24, с. 52].

Если не оттенить этот мессианизм полукомической встречей Рильке с Дрожжиным, то встреча Рильке с Россией станет выспренней и сусальной. Это особенно волнует сейчас, когда готовится большая выставка о Рильке в России. В ожидании этой выставки я и дописывал статью.

Библиография

1. Азадовский К. М. Страна-сказка: Райнер Мария Рильке в поисках «русской души» // К истории идей на Западе: «Русская идея». — СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, Издательский дом «Петрополис», 2010. — С. 281—316.
2. Азадовский К. М. Рильке и Россия: Статьи и публикации. — М.: Новое литературное обозрение, 2011. — 432 с.
3. Андреас-Саломе Л. Прожитое и пережитое: Воспоминания о некоторых событиях моей жизни. Родинка: Воспоминания о России / Перевод с немецкого и предисловие Владимира Седельника. — М.: Прогресс-Традиция, 2002. — 448 с.
4. Бойников А. М. Поэзия Спиридона Дрожжина: Монография. — Тверь: Тверской гос. ун-т, 2005. — 228 с.
5. Герцен А. И. Собрание сочинений: В 30 т. — М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 14. — 701 с.
6. Дрожжин С. Д. Жизнь поэта-крестьянина (1848—1914 гг.), описанная им самим, и избранные стихотворения. — М., 1915. — С. 98—103.
7. Дрожжин С. Д. Собрание сочинений: В 3 т. / Общая редакция М. В. Строганова. — Тверь: СФК-офис, 2015. Т. 3. — 432 с.
8. Дрожжин С. Д. Современный германский поэт Райнер Рильке (Из записок и воспоминаний) // Путь. 1913. № 12. — С. 30—35.
9. Иванов Г. В. Райнер Мария Рильке // Иванов Г. В., Калужная Л. С. 100 великих писателей. — М.: Вече, 2005; <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/articles-avstriya/ivanov-rajner-mariya-rilke.htm>.
10. Кривулин Виктор. [Рец.:] Rilke R. M. Die Russischen Reisen / Gedichte und Fotografien von Sabine Prilop und Ursula Braunbauer und Doris Lenz/ Köln, 1999 // Новое литературное обозрение. 1999. № 4 (38). — С. 424—426.
11. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: В 4 т. — М.: Художественная литература, 1964. Т. 1. — 695 с.
12. Маяковский В. В. Полное собрание сочинений в 13 т. — М.: Художественная литература, 1958. Т. 8. — 328 с.
13. Рильке и Россия: Письма. Дневники. Воспоминания. Стихи / изд. подгот. К. Азадовский. — СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2003. — 654 с. : ил., 1 л. портр.
14. Рильке Р. Письма в Россию. Публикация, вступительная статья, перевод и примечания К. Азадовского // Вопросы литературы. 1975. № 9. С. 214—242.
15. Рылеев К. Ф. Полное собрание стихотворений. — Л.: Советский писатель, 1971. — 480 с.
16. Толстой С. Н. Собрание сочинений: В 5 т. — М.: Международная программа образования, 1998. Т. 1. — 576 с.
17. Трубецкой Е. Н. Старый и новый национальный мессианизм // Русская мысль. 1912. № 3.
18. Andreas-Salomé Lou. Lebensrückblick: Grundrisse einiger Lebenserinnerungen. Aus dem Nachlaß herausgegeben von Ernst Pfeiffer. Frankfurt a. — М., 1968. — 332 S.
19. Andreas-Salomé Lou. Leo Tolstoi, unser Zeitgenosse // Neue deutsche Rundschau. 1898. Heft 11. — S. 1145—1155.
20. Andreas-Salomé Lou. „Russland mit Rainer“: Tagebuch der Reise mit Rainer Maria Rilke im Jahre 1900. Hrsg. von Stéphane Michaud. — Marbach: Dt. Schillergesellschaft, 1999. — 158 S.
21. Brutzer Sophie. Rilkes rußische Reisen. Königsberg: Univ., Diss., 1934. 113 S.
22. Das Inselfschiff. 1929.10 Jg. № 3. — S. 225—233.
23. Rilke R. M. Briefe und Tagebücher aus der Frühzeit, 1899 bis 1902 / Hrsg. von Ruth Sieber-Rilke und Carl Sieber. Leipzig: Insel-Verlag, 1931. — 431 S.
24. Rilke R. M. Briefwechsel: mit Briefen von und an Clara Rilke-Westhoff, Ellen Key / Hrsg. von Theodore Fiedler. — Frankfurt a. M.: Insel-Verlag, 1993. — 436 S.
25. Rilke R. M. Sämtliche Werke. Fünfter Band. — Frankfurt a. M.: Insel-Verlag, 1965. — 697 S.
26. Rilke R. M. Sämtliche Werke. Band VI. — Frankfurt a. M.: Insel-Verlag, 1966. — 1400 S.
27. Rilke R. M. Tagebücher aus der Frühzeit / Hrsg. von Ruth Sieber-Rilke. — Leipzig: Insel-Verlag, 1942. — 439 S.
28. Rilke und Russland: Briefe, Erinnerungen, Gedichte / Hrsg. K. M. Asadowski. 2 Aufl. — Berlin: Aufbau-Verlag, 1986. — S. 110.

References

1. Azadovskii K. M. Strana-skazka: Rainer Mariia Ril'ke v poiskakh «russkoi dushi» // K istorii idei na Zapade: «Russkaia ideia». — SPb.: Izd-vo Pushkinskogo Doma, Izdatel'skii dom «Petropolis», 2010. — S. 281—316.
2. Azadovskii K. M. Ril'ke i Rossiia: Stat'i i publikatsii. — M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. — 432 s.
3. Andreas-Salome L. Prozhitoe i perezhitoe: Vospominaniia o nekotorykh sobytiakh moei zhizni. Rodinka: Vospominaniia o Rossii / Perevod s nemetskogo i predislovie Vladimira Sedel'nika. — M.: Progress-Traditsiia, 2002. — 448 s.
4. Boinikov A. M. Poeziia Spiridona Drozhzhina: Monografiia. — Tver': Tverskoi gos. un-t, 2005. — 228 s.
5. Gertsen A. I. Sobranie sochinenii: V 30 t. — M.: Izd-vo AN SSSR, 1958. T. 14. — 701 s.
6. Drozhzhin S. D. Zhizn' poeta-krest'ianina (1848—1914 gg.), opisannaia im samim, i izbrannye stikhotvoreniia. — M., 1915. — S. 98—103.
7. Drozhzhin S. D. Sobranie sochinenii: V 3 t. / Obshchaia redaktsiia M. V. Stroganova. — Tver': SFK-ofis, 2015. T. 3. — 432 s.
8. Drozhzhin S. D. Sovremennyi germanskii poet Rainer Ril'ke (Iz zapisok i vospominanii) // Put'. 1913. № 12. — S. 30—35.
9. Ivanov G. V. Rainer Mariia Ril'ke // Ivanov G. V., Kaliuzhnaia L. S. 100 velikikh pisatelei. — M.: Veche, 2005; <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/articles-avstriya/ivanov-rajner-mariya-rilke.htm>.
10. Krivulin Viktor. [Rets.:] Rilke R. M. Die Russischen Reisen / Gedichte und Fotografien von Sabine Prilop und Ursula Braunbauer und Doris Lenz/ Koln, 1999 // Novoe literaturnoe obozrenie. 1999. № 4 (38). — S. 424—426.
11. Lermontov M. Iu. Sobranie sochinenii: V 4 t. — M.: Khudozhestvennaia literatura, 1964. T. 1. — 695 c.
12. Maiakovskii V. V. Polnoe sobranie sochinenii v 13 t. — M.: Khudozhestvennaia literatura, 1958. T. 8. — 328 s.
13. Rilke i Rossiia: Pis'ma. Dnevnik. Vospominaniia. Stikhi / izd. podgot. K. Azadovskii. — SPb.: Izdatel'stvo Ivana Limbakha, 2003. — 654 s. : il., 1 l. portr.
14. Rilke R. Pis'ma v Rossiiu. Publikatsiia, vstupitel'naia stat'ia, perevod i primechaniia K. Azadovskogo // Voprosy literatury. 1975. № 9. S. 214—242.
15. Ryleev K. F. Polnoe sobranie stikhotvorenii. — L.: Sovetskii pisatel', 1971. — 480 s.
16. Tolstoi S. N. Sobranie sochinenii: V 5 t. — M.: Mezhdunarodnaia programma obrazovaniia, 1998. T. 1. — 576 s.
17. Trubetskoi E. N. Staryi i novyi natsional'nyi messianizm // Russkaia mysl'. 1912. № 3.
18. Andreas-Salomé Lou. Lebensrückblick: Grundriss einiger Lebenserinnerungen. Aus dem Nachlaß herausgegeben von Ernst Pfeiffer. Frankfurt a. — M., 1968. — 332 S.
19. Andreas-Salomé Lou. Leo Tolstoi, unser Zeitgenosse // Neue deutsche Rundschau. 1898. Heft 11. — S. 1145—1155.
20. Andreas-Salomé Lou. „Russland mit Rainer“: Tagebuch der Reise mit Rainer Maria Rilke im Jahre 1900. Hrsg. von Stéphane Michaud. — Marbach: Dt. Schillergesellschaft, 1999. — 158 S.
21. Brutzer Sophie. Rilkes rußische Reisen. Königsberg: Univ., Diss., 1934. 113 S.
22. Das Inselfschiff. 1929.10 Jg. № 3. — S. 225—233.
23. Rilke R. M. Briefe und Tagebücher aus der Frühzeit, 1899 bis 1902 / Hrsg. von Ruth Sieber-Rilke und Carl Sieber. Leipzig: Insel-Verlag, 1931. — 431 S.
24. Rilke R. M. Briefwechsel: mit Briefen von und an Clara Rilke-Westhoff, Ellen Key / Hrsg. von Theodore Fiedler. — Frankfurt a. M.: Insel-Verlag, 1993. — 436 S.
25. Rilke R. M. Sämtliche Werke. Fünfter Band. — Frankfurt a. M.: Insel-Verlag, 1965. — 697 S.
26. Rilke R. M. Sämtliche Werke. Band VI. — Frankfurt a. M.: Insel-Verlag, 1966. — 1400 S.
27. Rilke R. M. Tagebücher aus der Frühzeit / Hrsg. von Ruth Sieber-Rilke. — Leipzig: Insel-Verlag, 1942. — 439 S.
28. Rilke und Russland: Briefe, Erinnerungen, Gedichte / Hrsg. K. M. Asadowski. 2 Aufl. — Berlin: Aufbau-Verlag, 1986. — S. 110.

Вход в «Лабиринт»

Д.О. Рябов

Рябов Дмитрий Олегович (Санкт-Петербург, Россия) — ассистент кафедры российской политики Санкт-Петербургского государственного университета; Email: dmriabov@gmail.com

ОБРАЗ РОССИИ В ПОЛИТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: СЛУЧАЙ «ЕВРООПТИМИСТОВ»

В статье анализируется образ России в политике идентичности политических элит, поддерживающих европейскую интеграцию. Автор полагает, что ведущей тенденцией является исключение России из «Европы», при этом негативный образ России является неизбежным дополнением создания европейскости. В статье выделены политические, культурные, этнические, конфессиональные, цивилизационные и исторические дискурсивные практики исключения России из Европы. Образ России, по мнению автора, в политике европейской идентичности, выполняет следующие функции: определение содержательных критериев европейскости, достижение позитивной коллективной самооценки, легитимация ЕС, поддержание социально-политического порядка в ЕС, легитимация отношений между странами ЕС.

Ключевые слова: политика идентичности, европейская идентичность, образ России, российско-европейские отношения, «еврооптимисты».

D. Riabov

Dmitrii Riabov (St. Petersburg, Russia) — Assistant Lecturer, Chair of Russian Politics at St. Petersburg State University; Email: dmriabov@gmail.com

IMAGE OF RUSSIA IN THE POLITICS OF EUROPEAN IDENTITY: CASE OF “EUROOPTIMISTS”

The article analyzes the image of Russia in the politics of identity of political elites that support European integration. The author believes that the leading trend is the exclusion of Russia from the "Europe", while the negative image of Russia is inevitable in establishing Europeanness. The article highlights the political, cultural, ethnic, religious, historical and civilization discourse practices of exclusion Russia from Europe. According to author, the image of Russia performs the following functions in the politics of European identity: defining criteria of Europeanness, achieving positive collective self-conception, legitimating of the EU, maintaining social and political order of the EU, the legitimating of the relations between the EU countries.

Keywords: politics of identity, European identity, image of Russia, European-Russian relations, “Eurooptimists”.

«Россия и Европа» — одна из важных проблем отечественной культуры, которая находится в центре внимания российской политической мысли на протяжении нескольких веков. Эта проблема стала особенно актуальной сейчас, когда отношения между Россией и Европейским Союзом переживают кризис, и образ России на Западе, и без того не слишком привлекательный, еще более ухудшился. Образ России в европейском культурном пространстве определяется многими факторами, в числе которых и внутренние для Европы причины. Еще в 1879 г. Н. Я. Данилевский писал: «...В настоящее время сознание о политическом целом, именуемом Европою ... является результатом сознания существования чего-то ей политически противоположного, а это противоположное, эта анти-Европа, и есть Россия...» [6]. Очевидно, и современный образ России в ЕС связан с европей-

ской политической идентичностью, с тем, какие акторы принимают участие в его создании, и какие формы они при этом используют.

Россия является европейской страной в силу своего географического положения, роли христианской культуры, этнической близости к славянским народам Центральной Европы. В XXI в. Россия принимает участие в важнейших событиях европейской жизни и состоит в европейских политических, общественных и культурных организациях: от Совета Европы и ОБСЕ, до УЕФА и конкурса «Евровидение». Однако сами географические представления являются социальным конструктом: человек упорядочивает, перерабатывает и создает свое изображение окружающего пространства, которое зависит от его взгляда на мир [42]. Следовательно, воображение географических границ, территории той или иной страны, ее принадлежности к определенному региону мира является реальным фактором политики, который необходимо учитывать. Так, еще Э. Саид продемонстрировал, что «Восток» определяется исходя из потребностей «Запада» [42]. Другим известным примером «воображаемой географии» стало «изобретение Восточной Европы» [5]. Как при помощи подобной «воображаемой географии» в современной политике европейской идентичности решается вопрос о принадлежности России Европе?

Разумеется, этот образ неоднороден; он варьируется в зависимости от многих факторов, одним из важнейших среди них является отношение политического актора к проблеме европейской интеграции и существованию ЕС в его нынешнем виде. Два течения современной политической жизни ЕС — «еврооптимисты» и «евроскептики» — формируют и два основных варианта образа России, существующих в политике европейской идентичности. В данной статье мы проанализируем образ России в политике идентичности «еврооптимистов» — то есть, тех представителей европейских политических элит, которые выступают за углубление и расширение европейской интеграции. Сначала мы уточним методологические основания исследования, определив значимые для него понятия. Далее рассмотрим дискурсивные практики исключения России из Европы в политике европейской идентичности, осуществляемой «еврооптимистами». Наконец, мы предложим объяснение причин существующего образа России, выделив функции, которые он выполняет в политике европейской идентичности ЕС.

Политика европейской идентичности: Методология исследования

Политика идентичности — сравнительно молодое понятие политической науки, появившееся в 1980-х гг., когда оно использовалось для характеристики борьбы меньшинств за свои права; политика идентичности определялась как деятельность по переопределению места группы внутри культурной системы (об истории термина см. в [5, с. 19–21]). В 1990-х гг. понятие политики идентичности использовалось для обозначения деятельности по отстаиванию своей самости этническими группами. В российской политической науке сегодня утверждается понимание политики идентичности как целенаправленной и мотивированной деятельности политических акторов по формированию, поддержанию и корректировке коллективной идентичности как микро-, так и макрополитических сообществ. (См. подробнее [1]. Приведем еще один вариант определения, рассматривающий политику идентичности как «деятельность политических элит по формированию как представлений о «мы-сообществе», так и чувства принадлежности к сообществу в рамках границ политического сообщества, будь то границы национального государства или региона» [51]). О.Ю. Малинова характеризует данное понятие в качестве видового по отношению к понятию символической политики, которая, с ее точки зрения, должна пониматься как «деятельность политических акторов, направленная на производство и продвижение/навязывание определенных способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих» [19]. Внимание акцентируется на том, что данная деятельность предполагает конкуренцию представлений, что требует изучения специфических механизмов, обуславливающих результаты такого взаимодействия: доминирование одних способов и маргинализацию других, а также трансформацию дискурсов под его влиянием [20, 21]. Обосновывая свое понимание символической политики, О.Ю. Малинова особо отмечает,

что та отличается от более привычного понятия идеологической борьбы тем, что она, во-первых, не обладает систематичностью, во-вторых, широко задействует не только идеи, но также образы и символы. Нам представляется важным учитывать отмеченные исследовательницей характеристики символической политики в таком ее частном случае, как политика идентичности. Действительно, конструирование идентичности фактически и означает символическую борьбу за производство и продвижение способов интерпретации «своих» и «чужих» в качестве доминирующих. Таким образом, политика европейской идентичности может быть определена как вид символической политики, состоящий в целенаправленной деятельности политических акторов стран ЕС по формированию, поддержанию и корректировке политической идентичности.

Под европейской политической идентичностью мы предлагаем понимать состояние групповой солидарности граждан ЕС, включающее коллективный (осознание и переживание политическим сообществом своей целостности и тождественности) и индивидуальный (осознание и переживание гражданами ЕС своей принадлежности к Европе) уровни. На наш взгляд, она существует как в сознании членов данного политического сообщества, так и интерсубъективно, в процессе политической коммуникации между ними, а также в объективированных формах — например, в политической символике.

В процессе конструктивистской и постструктуралистской критики эссенциалистского понимания коллективной идентичности было предложено рассматривать ее как феномен, для которого свойственны такие характеристики, как референтность, гетерогенность и контекстуальность [17]. Рассмотрим, как эти характеристики могут быть применены к анализу европейской политической идентичности.

Что касается референтности, то идентичность понимается как отношение между «своими» и «чужими». Политическая философия «другого» имеет насыщенную историю, включая в себя тексты самых разных мыслителей: от К. Маркса и Г. Зиммеля до М. Фуко и Ю. Кристевой. Роль «чужих» в коллективной идентичности обуславливает ключевое значение символической границы в идентификационных процессах и в политике идентичности. На роль символической границы в социальных и политических процессах внимание обратил Ф. Барт [55]. Для того чтобы дифференцирующие маркеры — «символические пограничники» — были эффективными, необходимо, чтобы они, во-первых, маркировали границу и были узнаваемыми; во-вторых, легитимировали ее, придавая ей видимость естественности и прочности; в-третьих, акцентировали различные черты двух сообществ и игнорировали сходные, ослабляя тем самым границы внутренние (См. подробнее о символических границах и символических пограничниках [39]). В дальнейшем подход Ф. Барта стал использоваться и в политологии. Очевидно, что проведение символических границ между политическими сообществами, связанное с процессами включения и исключения, является необходимым условием его создания и функционирования.

Следующая важнейшая характеристика коллективной идентичности — гетерогенность. Она означает, что идентичность является процессом конкуренции политических дискурсов, которые соревнуются между собой за определение того, кто и почему является «своим», а кто — «чужим». В результате эти дискурсы производят внутренние границы и иерархии: «свои» делятся на «более своих» и «менее своих», и, помимо внешних «чужих», появляются еще и внутренние. То есть, существуют различные степени принадлежности к «своим» или, другими словами, различные степени «прототипичности», соответствия некому эталону и отклонений от него [17]. Производя инаковость внешнюю, каждый идентификационный дискурс производит тем самым инаковость внутреннюю. Таким образом, определение «чужих» не только оказывает влияние на идентичность, но также воздействует на иерархию политических акторов; в связи с этим проведение символических границ между «своими» и «чужими» становится предметом внутриполитической борьбы; она ведется как за право проведения границ, так и за выбор самих маркеров, что подчеркнул еще Барт [55, с. 35; см. также 39].

Наконец, в качестве еще одной важной характеристики коллективной идентичности называют контекстуальность. Идентичность представляет собой, скорее, процесс, чем состояние (хотя,

разумеется, ее изменчивость имеет свои пределы). Это означает, что образы «своих» и «чужих», а также символические границы между ними, производимые политической идентичностью, зависят от контекста: как от временного, так и социального (восприятие «своих» зависит в том числе от того, кто именно выступает в роли «чужих»).

На основании свойств политической идентичности выделим важнейшие направления политики европейской идентичности, проводимой «еврооптимистами». Во-первых, это создание позитивной идентичности, то есть производство соответствующих образов «своих» как узнаваемого и привлекательного образа европейскости, а также чувства принадлежности к ЕС у его граждан. Во-вторых, это обеспечение внутреннего единства, солидарности, за счет ослабления внутренних символических границ и переформатирования коллективных идентичностей, которые могли бы составить конкуренцию европейской идентичности (прежде всего, национальных идентичностей). Вместе с тем, следует учитывать, что целью ЕС не является стирание внутренних границ и чрезмерное ослабление национальных идентичностей. В-третьих, это создание негативной идентичности, то есть конструирование релевантных образов «чужих», позволяющих формировать и поддерживать позитивный образ «своих», а также видимой, прочной и легитимной символической границы между «своими» и «чужими», равно как и нормы отношения к «чужим». В силу специфики природы ЕС его политическая идентичность является слабой, что определяет особую важность образа «другого» в политике идентичности. Среди значимых «других» ЕС исследователи называют США, ислам и Россию [56; 59; 64; 66].

Дискурсивные практики исключения России из Европы

Ведущей тенденцией репрезентаций России в политике европейской идентичности, проводимой «еврооптимистами», является исключение ее из Европы. Собственно, сами исторические условия возникновения ЕС способствовали этому: уже панъевропейский проект Р. Куденхове-Каллерги, появившийся в 1920-х гг., основывался на негативном образе России [15]. Создание ЕС в годы «холодной войны» также представляло собой ответ на вызов, связанный с усилением СССР в послевоенные годы¹. Наконец, расширение ЕС после распада СССР потребовало разрушения прежних символических границ ЕС и создания новых. Необходимо подчеркнуть, что для стран Центральной и Восточной Европы, ранее состоявших в Организации Варшавского Договора, вступление в ЕС трактовалось как возвращение в Европу². В исследовании И. Нойманна было впервые обращено внимание на то, что расширение ЕС, последовавшее после распада СССР, способствовало развитию идеи о том, что Россия не является европейской страной [65]. В связи с этим интерес представляет появление новых географических терминов, призванное способствовать дискурсивному вытеснению России из Европы. Так, еще в известном эссе 1983 г. «Трагедия Центральной Европы» М. Кундера, французско-чешский интеллектуал, сформулировал идею Центральной Европы как противопоставление России; он видел в Центральной Европе «восточный рубеж» Запада, а в России — его радикальное отрицание [16]. В последние годы в строительстве «Центральной Европы» стал востребованным термин профессора истории из Йельского университета Т. Снайдера «Bloodlands», появившийся в вышедшей в 2010 г. одноименной монографии; он позволил объединить территорию между гитлеровской Германией и сталинским СССР в одно целое, представив ее как «кровавые земли», как жертвы «кровавых режимов» [75]. В рецензии на его книгу В. Рижковский заметил, что в последние годы Центральная Европа «переизобретается» как заслон западной цивилизации от российской угрозы. «Центральная Европа» транслировала культурный миф о своей цивилизационной несовместимости с Россией. При этом в «Центральную Европу» включают Украину и Беларусь, тем

1. В связи с этим уместно вспомнить слова бельгийского политического деятеля, одного из основателей ЕС, П.-А. Спаака, который заявил: «Значительное число западных государственных деятелей окрестили 'отцами европейского единства'. Ни один из них не заслуживает этого титула — он принадлежит Сталину» (Цит. по: [27]).

2. Например, на официальном веб-сайте посольства Эстонской Республики в Москве дается такая характеристика присоединения к СССР в 1940 г.: «три Балтийских государства, безусловно, были принудительно сбиты с пути их исторического развития» [53].

самым отрывая их от России, маркируемой как не-Европа [32]. Таким образом, это понятие помогает новому размежеванию Европы, отвечающему нынешней стратегии ЕС.

Объясняя чуждость России Европе, акторы политики европейской идентичности акцентируют внимание на различных факторах: от географического и конфессионального до антропологического и этнического. Проанализируем те дискурсивные практики, маркирующие Россию как не-европейскую страну, которые заключаются в приписывании ей черт, отличных от европейских, а то и противоположных им.

Прежде всего, Россия позиционируется как не отвечающая европейским политическим ценностям. Можно выделить ряд аспектов обоснования ее не-европейскости при помощи политического дискурса.

Во-первых, в качестве неевропейской репрезентируется политическая система страны, которую представляют как не соответствующую канонам демократии: Россия — авторитарная страна, в которой власть сосредоточена в руках президента, нарушаются права и свободы граждан. Кроме того, в России отсутствует разделение властей, и более всего это проявляется в отсутствии независимой судебной власти. Россия также осуждается за ограничение свободы слова и преследование оппозиционных журналистов как со стороны СМИ, так и европейских межправительственных институтов: Европейского парламента и Совета Европы и неправительственных организаций: «Репортеры без границ», «Европейская федерация журналистов» и др. [Подр. см.: 36].

Во-вторых, России приписывается нарушение прав этнических меньшинств, северокавказских и финно-угорских, в связи с этим актуализируется такой маркер страны, идущий из европейского дискурса XIX века, как «тюрьма народов» [36]. Подобные обвинения звучат даже от лидеров государств-членов ЕС. Так, президент Эстонии, будучи с визитом в России, призвал российских финно-угорские народы РФ к самоопределению (Президент Эстонии призвал российских финно-угров к самоопределению).

В-третьих, пишется об агрессивной внешней политике и империалистических амбициях России по отношению к своим европейским соседям. Как агрессию, подрывающую фундаментальные принципы европейской цивилизации, определяли действия России во время российско-украинского кризиса большинство европейских институтов, в том числе Европарламент и ПАСЕ. Заявления об украинском кризисе как тесте для основополагающих ценностей Европы сделали председатели Европейского совета и Европейского Д. Туск и М. Шульц [76]. Одним из последних ярких примеров является вышедший в 2016 г. фильм Би-Би-Си, в котором Россия представлена инициатором Третьей мировой войны [77]. Представляет интерес появление и использование для характеристики принципов внешней политики России термина «Доктрина Путина», под которой понимают ограничение суверенитета соседних государств, в частности, Украины [12].

Далее, российское общество изображается как далекое от стандартов европейской культуры, идет ли речь о материальной культуре или о духовной. Что касается первой, то в СМИ многих стран ЕС можно встретить суждения о том, что условия быта в России таковы, что лишь Москва и Петербург могут быть отнесены к современным городам; вся прочая Россия по уровню жизни далеко от них отстает. Часто акцентируется такая черта уклада жизни, как пьянство [45], а также агрессивность, грубость в поведении [31], плохие манеры [34].

«Неевропейскость» обнаруживает себя и в отношении к ценностям современной европейской культуры. В частности, русским недостает толерантности, которая понимается как уважение прав меньшинств. Вопрос об отсутствии толерантности стал особенно актуальным в последние годы, что связано, прежде всего, с дискуссиями о гендерном порядке российского общества [37]. Гендерные вопросы и в прошлом часто выдвигались на первый план в обсуждении российско-европейских отношений как в России, так и на Западе [41]; теперь же репрезентации гендерного порядка становятся одними из самых значимых для оценки соответствия европейским ценностям. Российское общество объявляется патриархальным, где доминируют архаичные модели маскулинности и фемининности (так, объектом жесткой критики становится модель маскулинности, представителем которой западные эксперты и СМИ называют В. Путина) (напр., [49]). Отсутствие толерантности

проявляет себя в дискриминации представителей секс-меньшинств, осуществляемой и на уровне государственной политики (См. Закон о запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних), и на бытовом уровне, что обусловлено предрассудками россиян [37].

На страницах европейской прессы нередко появляется образ России как страны этнической и расовой нетерпимости, причем особенно часто в связи со спортивными соревнованиями; ставится даже вопрос о лишении России права на проведение чемпионата мира по футболу в 2018 г. [36].

Национализм, этатизм, великодержавность и неспособность отказаться от тоталитарного прошлого также являются распространенными и имеющими долгую историю характеристиками России и русских [3; 38].

Важными для понимания политики европейской идентичности, предполагающей дискурсивное вытеснение России из Европы, являются не только различия между Россией и ЕС, постулируемые европейскими экспертами и политиками, но и предлагаемые ими способы их объяснения. Одни способы предполагают акцентирование внимания на факторах, которые носят временный, ситуативный, характер и, следовательно, могут со временем перестать оказывать влияние. К их числу можно отнести ссылки на изоляцию страны от западного мира в советский период, специфику современной политической системы в стране или особенности личности российского президента. Однако наибольшую прочность символическим границам между ЕС и Россией придают объяснения, связанные с эссенциализацией различий; это обращение к вневременным факторам, которые призваны продемонстрировать сущностную чуждость России европейской цивилизации. При таком способе объяснения причины различий выглядят неустрашимыми, по крайней мере, в обозримом будущем. М. Малиа использовал термин «Eternal Russia», «вечная Россия», характеризуя позицию тех западных обозревателей, которые полагали, что Россия не способна меняться, что ее сущностные характеристики не исчезают, но лишь принимают другую форму [63]. Данные приемы сегодня занимают, скорее, маргинальное место в политике европейской идентичности, однако игнорировать их нельзя.

Прежде всего, используется этнический дискурс; в нем подчеркивается принадлежность народов России, включая русский, к неевропейским этническим сообществам. Этот дискурс отражают тенденцию ориентализации России и объясняет особенности русского менталитета влиянием монголо-татарского ига, а государственности — наследием Золотой Орды. В XIX в. получила распространение такая фраза, как «Поскребите русского, и вы обнаружите татарина» [63, с. 129]; подобные — по сути, расистские — маркеры сегодня также встречаются, хотя публикуются, преимущественно, в маргинальных СМИ³. В прошлом роль этнического маркера не-западности играла принадлежность к славянским этносам; сегодня такие способы исключения едва ли возможны потому, что многие страны с преимущественно славянским населением стали членами ЕС. Поэтому все более заметной становится тенденция, напротив, оторвать центрально- и восточноевропейские страны от России, маркируя ее как не-славянское сообщество. В наши дни эта идея в политике европейской идентичности используется особенно активно в связи с событиями на Украине⁴. Другой же модификацией использования этнического дискурса для разрушения связей России с восточноевропейскими соседями заключается в том, что этнические связи сами по себе объявляются иррелевантными современной политике [16]. Идея славянского мира становится предметом внимания сегодня, в частности, при объяснении украинского кризиса. М. Рябчук в статье «Эмансипация от восточнославянской уммы» пишет, что и для русских, и для украинцев конфликт на востоке Украины знаменует начало болезненного процесса эмансипации от домодернистского (pre-modern) воображаемого сообщества восточных славян, этот процесс, по его мнению, приведет к появлению современной гражданской национальной идентичности [72].

Еще одним типом эссенциализирующего дискурса является конфессиональный. Разделение христианства на западную и восточную ветви способствовали маркировке православной России

3. Например, в «Христианской Польше» [9].

4. Об аналогичных идеях в украинском национализме 2000-х гг. См., напр.: [26].

как не вполне европейской на протяжении всей истории российско-европейских взаимоотношений [61, с. 68–71; 38]. Более того, иногда русскому православию отказывали в праве считаться ветвью христианства; не случайно войны против получали статус крестовых походов — например, Ливонская война [66, с. 74]. Сегодня в европейской прессе можно встретить публикации, в которых выбор православного варианта христианства интерпретируется как фактор, определяющий авторитарную политическую систему России, сакрализацию светской власти, обожествление государства, отсутствие разделения светской и духовной власти [43].

Далее, используется цивилизационный дискурс, предполагающий выведение свойств России, ее внутренней и внешней политики, равно как и менталитета ее населения из сущностных характеристик российской цивилизации. Современные европейские СМИ могут указывать на тысячелетние русские традиции концентрации власти в одних руках, колониальной экспансии и собственности на людей, препятствующие демократизации Древней Руси, СССР, России.

Эссенциализирующим следует признать и исторический дискурс, в рамках которого доказывалось, что Россия всегда была чуждой европейским ценностям и, как правило, представляла для Европы угрозу. Особую функцию у сторонников исключения России из «Европы» выполняет новая интерпретация Второй мировой войны, занимающая важное место в политике европейской идентичности. Основные положения ревизии существовавшей долгие годы точки зрения можно сформулировать следующим образом: 1) Ответственность за развязывание войны наравне с Гитлером несет СССР; 2) Великая Отечественная была войной между тоталитарными СССР и Германией на территории ЦВЕ, народы которой, в соответствии с концепцией «кровавых земель», стали главными жертвами войны; 3) Результатом победы Советской Армии над нацистской Германией стало порабощение стран ЦВЕ и установление советского тоталитарного режима; 4) Советские солдаты вели себя как завоеватели, совершая насилие над мирными жителями; 5) «Советское» приравнивается к «русскому», в результате чего ответственность за все негативное, что связано с войной, возлагают на Россию; другие же этносы СССР объявляются, скорее, жертвой русских (Фомин 2010). В тех редких случаях, когда позитивный эффект действий Советской Армии отрицать сложно, делаются попытки утверждать, что это происходило благодаря действиям представителей нерусских народов СССР — например, польский министр иностранных дел Г. Схетына объявил, что Освенцим освобождали бойцы Украинского фронта, то есть, по его мнению, этнические украинцы и, следовательно, современная Россия не имеет к этому событию никакого отношения [30].

Ревизия знаний о Второй мировой войне как часть европейской политики памяти рассматривается в работах А.И. Миллера. Он отмечает, что накануне восточного расширения ЕС существовал консенсус по поводу Холокоста как ключевого события Второй мировой, ответственность за который в той или иной степени несет большинство государств ЕС. Страны «Новой» Европы, чьи национальные герои участвовали в Холокосте, изменили этот консенсус: ключевым понятием становится тоталитаризм (немецкий и советский), жертвами которого становятся жители стран ЦВЕ [23].

Кратко остановимся на основных этапах этого процесса, начало которому было положено в 2006 г. резолюцией ПАСЕ № 1481 призывающей к «осуждению преступлений тоталитарных коммунистических режимов» [71].

Следующий этап связан с подписанием в 2008 г. на конференции «Совесь Европы и коммунизм» европейскими политиками, историками и бывшими диссидентами Пражской декларации. В ней подчеркивается существенное сходство между коммунизмом и нацизмом, возлагается ответственность за преступления против человечности на коммунистическую идеологию и призывается создать Европейский институт памяти и совести, который стал бы общеевропейским мемориалом жертвам тоталитарных режимов [68].

Второго апреля 2009 г. Европейский Парламент принял резолюцию «Европейское сознание и тоталитаризм», призвавшую страны ЕС объявить 23 августа (день подписания «Пакта Молотова-Риббентропа») общеевропейским Днем памяти жертв тоталитарных и авторитарных режимов. В резолюции предписывается, как история Второй мировой войны должна восприниматься в контексте европейских ценностей. В частности европейская интеграция называется «реакцией на страда-

ния, причиненные двумя мировыми войнами и нацистской тиранией, которые привели к Холокосту и возникновению тоталитарных коммунистических и недемократических режимов» в странах ЦВЕ. Кроме того, резолюция призывает предпринимать усилия для «укрепления преподавания истории Европы, подчеркивания исторического достижения европейской интеграции и разительного контраста между трагическим прошлым и мирным, демократическим социальным порядком в современном Европейском Союзе». Рекомендуются также создать Платформу Европейской Памяти и Совести для поддержки национальных исследовательских организаций, специализирующихся на истории тоталитаризма и общеевропейский мемориал жертвам всех тоталитарных режимов. Заметим, что такая Платформа была создана в 2011 г. как институт, объединяющий организации посткоммунистических стран; это выступило важной формой политики идентичности ЕС [61].

Первого июля 2009 г. Парламентская ассамблея ОБСЕ приняла резолюцию «Воссоединение разделенной Европы: защита прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке», в которой поддерживалось инициатива Европейского парламента объявить 23 августа «общеевропейским днем памяти жертв сталинизма и нацизма во имя сохранения памяти о жертвах массовых депортаций и казней» [70].

Наконец, на международной конференции «Преступления коммунистических режимов», организованной правительством Чехии и Институтом по изучению тоталитарных режимов (25.02.2010) были принята Декларация о преступлениях коммунизма, в которой содержится призыв к осуждению коммунистических режимов [58].

Преподавание истории в школе является важной формой политики европейской идентичности, и отмеченные черты образа российской истории отражаются в учебниках истории стран ЕС [18; 22, с. 65–70]. Особую роль играет интерпретация Второй мировой войны, и основной тенденций является стремление вытеснить ее историю на периферию исторического сознания европейцев как разобщающую народы. Тем не менее, в национальных учебниках трактовка событий 1939–1945 гг. используется как средство национальной идентификации [44]. Польские учебники истории и учебники стран Балтии представляют историю своих стран как истории жертв тоталитарных режимов, причем сталинский режим предстает даже более опасным, чем нацистский [44, с. 27]. В политику исторической памяти включается и тема изнасилований немом советскими солдатами, которая широко обсуждается как в Германии, так и в других странах ЕС и нередко интерпретируется в рамках цивилизаторского дискурса, идущего от пропаганды Третьего Рейха: «борьбы западного цивилизованного общества с опасными варварами» [8].

Позиция стран ЕС по отношению к установке тех или иных памятников также является формой политики европейской идентичности. В последние годы заметным явлением стали уничтожение и осквернение советских памятников [24], что осуществляется именно в рамках борьбы с советским прошлым, как знак освобождения от советской оккупации. Неудивительно, что все страны ЕС в декабре 2009 г. консолидировано воздержались при голосовании в ООН за резолюцию, осуждающую прославление нацизма и осквернение памятников борцам с фашизмом [24]. Обсуждение необходимости сноса советских памятников встраивается в дискурс о европейскости и тех стран, которые пока только собираются вступить в ЕС и стремятся соответствовать европейским стандартам. Так, мэр Кишинева призвал снести памятник советскому солдату в Молдове, напрямую связав это с европейскими ценностями и возможностью вступления в ЕС: «Эстония демонтировала монумент 'Бронзовый солдат' из центра города, перенесла его на периферию, восстановив тем самым корректное положение вещей. Если Молдавия последует этому примеру, то через 10, 15, 20 или 25 лет мы будем гражданами Европы со всеми правами» [25].

Большую роль в политике идентичности играет учреждение музеев и организация музейных экспозиций. Осенью 2007 г. в Брюсселе был открыт Музей Европы, основная цель которого была заявлена как формирование европейской идентичности. Примечательно, что пространственные границы «Европы» совпадают с областью распространения латинского христианства, исключая, таким образом, историю России [54]. Кроме того, необходимо упомянуть и «музеи советской оккупации», созданные в странах Балтии, которые призваны показать, в том числе, противоестественность на-

хождения народов Балтии в составе СССР и подчеркнуть их принадлежность европейской цивилизации [См. 2, с. 185].

Символическая борьба за интерпретацию Великой Отечественной войны может служить иллюстрацией роли, которую в создании идентичности ЕС играют символы. Наиболее узнаваемый символ России на протяжении нескольких столетий — «русский медведь» (Об истории символа См. [33; 62]. Востребован он и сегодня при характеристике России, ее внутренней и внешней политики. Основная тенденция использования данного символа заключается в том, чтобы промаркировать Россию как отличное от Запада и как низшее. Медвежий символ широко эксплуатировался европейскими СМИ для освещения российско-грузинского военного конфликта в августе 2008 г. [73]; сегодня он тиражируется в освещении украинского кризиса.

Другой символ, занимающий важное место в восприятии России и значимый в политике европейской идентичности «еврооптимистов» — это «Владимир Путин», что определяется и влиятельностью российского президента в мировой политике, и узнаваемостью его в мире. Кроме того, необходимо учитывать, что в дискурсе международных отношений достаточно распространенной является практика персонификации страны в образе ее лидера [57, с. 238–41]. В целом, образ российского политика, особенно в последние годы, наделяется негативными чертами настолько, что многие пишут о демонизации Путина в западных медиа [См. 40]. Среди наиболее популярных приемов такой демонизации — сравнение Путина с авторитарными правителями России, включая Ивана Грозного, Петра Первого и И. Сталина [См., например, 50]. Некоторые идут еще дальше, проводя параллели между Путиным и Гитлером [11; 13; 52; 69]. Кроме того, Путина сравнивают с другими политическими лидерами, которых обвиняют в авторитарных наклонностях (в частности, Р. Эрдоганом, В. Орбаном). Любопытно, что одним из измерений этого сходства называют мачизм этих руководителей, понимаемый как вера в ценности, традиционно связываемые со стереотипной маскулинностью, в их превосходство над ценностями, отождествляемыми с женственностью. В контексте нашего исследования особенно важным выглядит то, что приписываемый Путину мачизм называют проявлением не только персональных особенностей, но и культурных, свойственных российскому обществу в целом [74, с. 23–35].

Функции образа России в политике европейской идентичности

Итак, в дискурсивных практиках исключения России из Европы фигурирует негативный образ России. Чтобы объяснить это, следует обратиться к функциям образа России в политике европейской идентичности «еврооптимистов».

Во-первых, при помощи образа России происходит определение содержательных критериев европейскости. Кроме того, образ России помогает в политике памяти, проводимой еврооптимистами, тем самым способствуя созданию особой европейской интерпретации истории.

Во-вторых, образ России способствует достижению позитивной коллективной самооценки. Образ России наделяется чертами, которые призваны подчеркнуть правильность, прогрессивность европейских ценностей, а принадлежность к ЕС представить как членство в своеобразном элитном клубе, имеющем превосходство над соседями во многих отношениях: экономическом, образовательном, культурном, нравственном, политическом и др. (Например, о роли негативного образа России в достижении позитивной коллективной идентичности поляков См.: [10].

В-третьих, использование образа России выступает способом легитимации ЕС (его создания, существования в нынешних границах, его восточной политики, включая и прием новых членов) и обоснования внешней политики по отношению к России. Так, он эксплуатируется в легитимации позиции ЕС по вопросу украинского кризиса.

В-четвертых, он становится элементом внутривнутриполитической борьбы в странах ЕС. Маркер неевропейскости России используется в политической мобилизации и борьбе с оппонентами, которые обвиняются в том, что они усиливают влияние России в Европе: либо по недомыслию, будучи «полезными идиотами Путина», либо выступая «платными агентами Кремля» (См., напр., материал о

голландских евроскептиках [47]. Особенно часто в ослаблении ЕС и «работе на Путина» обвиняется французский Национальный Фронт (Например, [4]. Так, французская журналистка видит цель России, стремящейся «вовлечь в свою орбиту европейские ультраправые, националистические и еврофобские партии, создающей 'новый Коминтерн'», в деморализации и расколе Европы, а также в том, чтобы европейские государства сами отказались от своих свобод, заложив тем самым основу путинской Евразии [46].

В-пятых, подобный образ России представляет собой фактор поддержания и корректировки социально-политического порядка в самих странах ЕС. При помощи этого образа проводится граница между нормой, то есть европейскостью, и девиацией. Он используется как составляющая часть негативной идентичности европейцев, воплощая в некотором смысле анти-идеал. Например, проявление интолерантности, авторитаризма или коррупции нередко маркируется как близость к евразийским ценностям, насаждаемым Россией. Нарцательным становится имя российского президента; оно используется для обозначения авторитаризма и интолерантности европейских политиков. Например, венгерский премьер-министр В. Орбан, которого обвиняют в авторитарных тенденциях и недостатке толерантности, называется в прессе «венгерский Путин» [67]. Маркировка авторитаризма, связанная с именем Путина, используется по отношению не только к политическим лидерам, но и явлениям политической жизни в целом. Это проявляет себя в появлении такого термина, используемого для описания политики, как «путинизация». Журналист немецкого «Шпигеля» использует данный термин (Putinisierung), характеризуя германскую политику в отношении мигрантов, вкладывая в это понятие отмену или ограничение основных прав, популистское паникерство, милитаризацию миграционного вопроса [7]. Еще более знаковым является использование этого термина высокопоставленными официальными лицами ЕС (например, М. Шульцем в отношении Польши [28].

Наконец, в-шестых, образ опасной России используется для легитимации отношений между странами ЕС. Можно выделить два аспекта портретирования России как угрозы для ЕС: первый связан с приписыванием Кремлю целенаправленных попыток расколоть ЕС как через поддержку отдельных политических сил, так и при помощи установления более тесных отношений с той или иной страной; второй — с тем, что Россия продвигает свой вариант ценностей, выступающих альтернативой ценностям европейским.

Под экспортом идей России подразумевают евроскептицизм политических партий, нарушающих общеевропейскую солидарность, что нашло отражение в распространении терминов «Правый интернационал», «Новый Коминтерн» и даже «Путининтерн» [36]. В контексте кризиса по размещению беженцев 2015–2016 гг. еврочиновники подвергли критике ряд стран, которые, по их мнению, ослабляют европейскую солидарность, тем самым усиливая позиции России. Например, в начале 2016 г. объектом подозрений, наряду с Венгрией В. Орбана, становится Польша в связи с принятием ею законов, которые руководящие органы ЕС посчитали недемократичными. Я. Аугштайн, один из владельцев немецкого «Шпигеля», критикуя обе страны, сравнивает их с «путинской Россией», по его словам, «авторитарной, узколобой, расистской» [14]. Россия тем самым выступает не просто как «другой» Европы, но как ее антипод: она пытается подменить подлинные европейские ценности ценностями ложными [4].

Заключение

Подводя итоги статьи, отметим, что ведущей тенденцией политики европейской идентичности, проводимой «еврооптимистами», является исключение России из «Европы». Это происходит в рамках политико-правового, социально-экономического и культурного дискурсов; помимо этого, используются этнический, конфессиональный, цивилизационный, исторический дискурсы, обосновывающие сущностную чуждость России европейской цивилизации. Особую функцию у сторонников исключения России из «Европы» выполняет новая интерпретация Второй мировой во-

йны, которая занимает важное место в политике европейской идентичности, особенно в последнее десятилетие.

Спектр акторов политики европейской идентичности широк: это национальные и общеевропейские государственные органы, политики, общественные деятели, масс-медиа и экспертное сообщество. Они используют различные формы политики идентичности: резолюции и декларации европейских политических институтов; заявления европейских политиков и чиновников; оценки представителей экспертного сообщества; использование символов и ритуалов; установление памятных дат; учреждение музеев; установка и снос памятников; издание учебников и др. Образ России выполняет в политике европейской идентичности еврооптимистов такие функции, как: определение символических границ Европы и критериев европейскости; достижение позитивной коллективной идентичности граждан ЕС; оправдание создания ЕС и его существования в нынешних границах, а также обоснование его внешней политики; легитимация власти и делегитимация ее оппонентов; поддержание и корректировка социально-политического порядка в странах ЕС; легитимация внутреннего устройства ЕС.

Таким образом, можно говорить о том, что негативный образ России является в каком-то смысле неизбежным дополнением создания европейскости в дискурсе «еврооптимистов». Вместе с тем необходимо отметить и другую тенденцию. В политике европейской идентичности евроскептиков преимущественно используется образ России как неотъемлемой части европейской цивилизации. Этот образ воплощает те ценности, которые рассматриваются ими в качестве основ европейской цивилизации (защита национального суверенитета; опора на христианство; сохранение традиционной семьи; ограничение иммиграции) и в пренебрежении которыми они обвиняют власти ЕС. Тем самым образ России включается в их проекты Европы, альтернативные ЕС, используется в его критике и является фактором размывания европейской идентичности и дезинтеграции ЕС [37].

Библиография

1. Ачкасов В.А. Политика идентичности мультиэтничных государств в контексте решения проблемы безопасности. — СПб: Изд-во СПбГУ, 2012. — 232 с.
2. Ачкасов В.А. Роль «исторической политики» в формировании российской идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2015. — № 2. — С. 181–192.
3. Баталов Э.Я., Журавлева В.Ю., Хозинская К.В. «Рычащий медведь» на «Диком Востоке»: образы современной России в работах американских авторов, 1992–2007 гг. — М.: РОССПЭН, 2009. — 380 с.
4. Валь дель А., Ламбер М. Европе и России не избежать войны? // Atlantico. 21.12.2015. Перевод на сайте ИноСМИ. — URL: <http://inosmi.ru/military/20151223/234890618.html> (доступно 30.06.2016).
5. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. — М: Новое литературное обозрение, 2003. — 560 с.
6. Данилевский Н.Я. Горе победителям! // Хронос. — URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_d/gore1.html (доступно 30.06.2016).
7. Диц Г. Путинизация германской политики // Der Spiegel. 14.10.2015. Перевод на сайте ИноСМИ. — URL: <http://inosmi.ru/world/20151014/230802093.html> (доступно 30.06.2016).
8. Дубина В.С. Болезненная тема Второй мировой войны: память о сексуальном насилии по обе стороны фронта // Вестник РГГУ. — 2011. — № 17. — С. 47–56.
9. Енджейчак М. Туранское обличье России // Polonia Christiana. 29.08.2014. Перевод на сайте ИноСМИ. — URL: <http://inosmi.ru/russia/20140829/222672560.html> (доступно 30.06.2016).
10. Зарицкий Т. Российский дискурс в Польше: образ России в конструировании польской идентичности // Россияне и поляки на рубеже столетий. Опыт сравнительного исследования социальных идентификаций (1998–2002 гг.) / Под ред. Е.Н. Даниловой, В.А. Ядова. — СПб: Изд-во РХГА, 2006. — С. 63–87. (доступно 30.06.2016).
11. Коллер Ф. Лех Валенса: «Мы должны помочь России встать на путь перемен, по которому прошли сами» // Le Temps. 09.12.2015. Перевод на сайте ИноСМИ. — URL: <http://inosmi.ru/politic/20151209/234734459.html> (доступно 30.06.2016).
12. Колуччи Л. Доктрина Путина в действии // The Weekly Standard. 28.09.2015. Перевод на сайте ИноСМИ. — URL: <http://inosmi.ru/russia/20150928/230498639.html> (доступно 30.06.2016).

13. Корчинский Т. Безжалостная доктрина Путина // *Nasz Dziennik*. 20.08.2014. — Перевод на сайте ИноСМИ. URL: <http://inosmi.ru/world/20140820/222500475-print.html> (доступно 30.06.2016).
14. Крылов А. Практически животная ненависть к славянам // *Взгляд*. 7.01.2016. — URL: <http://vz.ru/columns/2016/1/7/787506.html>.
15. Куденхове-Калерги Р. Пан-Европа. — М.: Вита Планетаре, 2006. — 120 с.
16. Кундера М. Трагедия Центральной Европы // *Новая Еўропа*. — URL: <http://n-europe.eu/content/?p=26> (доступно 30.06.2016).
17. Курнаева Н.А., Рябов О.В. «Гусары денег не берут»: Свои и Чужие в гендерном дискурсе коллективной идентичности // *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. — 2006. — № 518. — С. 239-246.
18. Лееув-Роорд вон дер Й. История России в зарубежных учебниках. Доклад, прочитанный на международном семинаре «Современные подходы в преподавании истории» (Россия, Псков, 15-17 апреля 1996 г.) // *Метаморфозы Истории*. — 1997. — № 1. — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-rossii-v-zarubezhnyh-uchebnikah> (доступно 30.06.2016).
19. Малинова О.Ю. Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России: символическая политика в трансформирующейся публичной сфере // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. — 2010. — № 1. — С. 5-29.
20. Малинова О.Ю. Политическое использование прошлого как инструмент символической политики: эволюция дискурса властвующей элиты в постсоветской России // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. — 2012. — Т. 8. — № 4. — С. 179-204.
21. Малинова О.Ю. Символическая политика: контуры проблемного поля // *Символическая политика. Вып 1. Конструирование представлений о прошлом как властный Ресурс* — М., 2012. — С. 17-53.
22. Мареш Т. Образ восточного соседа: История Руси, России и СССР в польских учебниках для средней школы (40-90-е гг. XX в.) // *Вестник РГГУ*. — 2008. — № 4. — С. 63-78.
23. Миллер А. Европейские войны памяти: кто взорвал консенсус истории и чем за это заплатит // *Новая Газета*. 3.06.2015. — URL: <http://www.novayagazeta.ru/politics/68655.html> (доступно 30.06.2016).
24. Мнишек И. Демонтаж истории: Осквернение памятников поддерживается на государственном уровне // *Версия*. 12.01.2015. — URL: <https://versia.ru/oskvernenie-pamyatnikov-podderzhivaetsya-na-gosudarstvennom-urovne> (доступно 30.06.2016).
25. Мэр Кишинева предложил демонтировать памятники советским солдатам // *Лента.Ru*. 1.09.2014. — URL: <http://lenta.ru/news/2014/09/01/kishinev> (доступно 30.06.2016).
26. Палий А. Финно-угорская разгадка «загадочной России» // *День.Kiev.ua*. 16.10.2013. — URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/den-planety/finno-ugorskaya-razgadka-zagadochnoy-rossii> (доступно 30.06.2016).
27. Панарина Е.А. Развитие идеи европейской интеграции в первой половине XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Ставрополь, 2006. — 27 с.
28. Польшу обвинили в «путинизации» // *Коммерсант.ru*. 10.01.2016. — URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2889169> (доступно 30.06.2016).
29. Президент Эстонии призвал российских финно-угров к самоопределению // *Российская газета*. 30.06.2008. — URL: <http://www.rg.ru/2008/06/30/ilves.html> (доступно 7.02.2016).
30. Провокация по-польски. Польский министр считает, что концлагерь в Освенциме был освобожден украинцами // *Российская газета*. 21.01.2015. — URL: <http://www.rg.ru/2015/01/21/osventsim-site.html> (доступно 30.06.2016).
31. Радзивиневич В. Агрессия растёт // *Gazeta Wyborcza*. 30.12.23. Перевод на сайте ИноСМИ. — URL: <http://inosmi.ru/russia/20131230/216161613.html> (доступно 30.06.2016).
32. Рижковский В. Как сделаны «бладлендс»? // *Ab Imperio*. — URL: <http://net.abimperio.net/node/2564> (доступно 30.06.2016).
33. Россомехин А.А., Хрусталева Д. Г. Россия как Медведь: истоки визуализации (XVI—XVIII век) // *Границы: Альманах Центра этнических и национальных исследований ИвГУ*. — 2008. — № 2. — С. 123-161.
34. Русские идут: «Ольга обогнала Хельгу» // *Der Tagesspiegel*. 29.07.2009. Перевод на сайте ИноСМИ. — URL: <http://inosmi.ru/world/20090729/251119.html> (доступно 30.06.2016).
35. Рябов Д.О. Россия как «другая Европа» в дискурсе европейских правых популистских партий // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. — 2014. — № 3. — С. 136-144.
36. Рябов Д.О. Образ России в политике европейской идентичности ЕС: автореф. дис. ... канд. полит. наук. — СПб, 2016. — 34 с.

37. Рябов Д.О. Российский Другой в идентичности ЕС: Репрезентации современного российского гендерного порядка в европейской прессе // *Женщина в российском обществе*. — 2013. — № 4. — С. 98–105.
38. Рябов О.В. «Матушка-Русь»: опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. — М: Ладомир, 2001. — 202 с.
39. Рябов О.В., Константинова М.А. «Русский медведь» как символический пограничник // *Труды Карельского Научного Центра Российской академии наук*. — 2011. — № 6. — С. 114–123.
40. Рябова Т.Б. 'Путин vs Обама': Противопоставление национальных маскулинностей как фактор современного российского антиамериканизма // *Женщина в российском обществе*. — 2014. — № 4. — С. 63–71.
41. Рябова Т.Б. Гендерные стереотипы в политической сфере современного российского общества: социологический анализ: дис. ... д-ра социол. наук. — Иваново, 2009. — 385 с.
42. Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. — СПб: Русский Мир, 2006. — 637 с.
43. Странский З. Русские никогда не будут «западниками» // *Neviditelny pes*. 25.05.2015. Перевод на сайте ИноСМИ. — URL: <http://inosmi.ru/world/20150525/228207376.html> (доступно 30.06.2016).
44. Строковская Т. Вторая мировая война в учебниках истории стран Евросоюза в контексте национальной идентичности // *Историческая психология и социология истории*. — 2015. — № 1. — С. 21–32.
45. Траверс П. «Русский пьяница» - стереотип живучий. Какой русский не пьет // *Regard sur l'Est*. 8.07.2008. Перевод на сайте ИноСМИ. — URL: <http://inosmi.ru/panorama/20080708/242438.html> (доступно 30.06.2016).
46. Том Ф. Война с терроризмом: чего на самом деле хочет Россия? // *Le Huffington Post*. 4.12.15. Перевод на сайте ИноСМИ. — URL: <http://inosmi.ru/politic/20151204/234680638.html> (доступно 30.06.2016).
47. «Украина — это не коврик у двери Путина» // *Радио «Свобода»*. 17.10.2015. — URL: <http://www.svoboda.org/content/article/27311335.html> (доступно 30.06.2016).
48. Фомин А.В. Какой истории учат в школах Литвы. // *News.tts.lt*. 23.08.2010. — URL: http://news.tts.lt/ru/Litva_i_strani_baltii/8478-Kakojj_istorii_uchat_v_shkolah_Litvy.htm. (доступно 30.06.2016).
49. Фосвинкель Й. Зверь в маменькином сыночке // *Die Zeit*. 8.10.2007. Перевод на сайте ИноСМИ. — URL: <http://inosmi.ru/inrussia/20071008/237074.html> (доступно 30.06.2016).
50. Химмельрайх Й. От стратегического партнера к стратегическому противнику // *Neue Zuercher Zeitung*. 13.05.2015. Перевод на сайте ИноСМИ. — URL: <http://inosmi.ru/world/20150513/228013535.html> (доступно 30.06.2016).
51. Цумарова Е.Ю. Политика идентичности в регионах России: теоретический и практический аспекты (на примере республики Карелия): дис. ... канд. полит. наук. — СПб, 2014. — 157 с.
52. Юраш В. Россия уже отрабатывала ядерную атаку на Варшаву // *Onet.Pl*. 9.12.2015. Перевод на сайте ИноСМИ. — URL: <http://inosmi.ru/military/20151209/234734275.html> (доступно 30.06.2016).
53. 23 августа 1939 года: общеевропейский день памяти жертв всех тоталитарных и авторитарных режимов // *Посольство Эстонии в Москве*. — URL: <http://www.estemb.ru/estonija/istorija/aid-2128> (доступно 30.06.2016).
54. Barnavi E. The Museum of Europe, or how to show Europe to the Europeans // *Eutopia*. 15.06.2015. — URL: <http://www.eutopiamagazinearchive.eu/es/node/754.html> (доступно 30.06.2016).
55. Barth F. Introduction // *Ethnic groups and boundaries: The social organization of culture difference* / Ed. by F. Barth. — Long Grove, IL: Waveland Press, 1998. — P. 9-38.
56. Berman R. Anti-Americanism in Europe: A Cultural Problem. — Stanford: Hoover Institution Press, Stanford University, 2004. — 186 p.
57. Cohn C. Wars, Wimps, and Women: Talking Gender and Thinking War // *Gendering War Talk* / Ed. by M. Cooke, A. Woollacott. — Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993. — P. 227-246.
58. Declaration on crimes of communism // *Institute for the Study of Totalitarian Regimes*. 2010. — URL: <http://www.webcitation.org/5yfNE22gE> (доступно 30.06.2016).
59. Delanty G. Inventing Europe: idea, identity, reality. — L.: Palgrave Macmillan, 1995. — 200 p.
60. European Parliament resolution of 2 April 2009 on European conscience and totalitarianism. № P6_TA(2009)0213. — URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-%2f%2fEP%2f%2fTEXT%2bTA%2bP6-TA-2009-0213%2b0%2bDOC%2bXML%2bV0%2f%2fEN&language=EN> (доступно 30.06.2016).
61. Harle V. The enemy with a thousand faces: the tradition of the other in western political thought and history. — Westport, CT: Praeger, 2000. — 218 p.
62. Lazari A. de, Riabow O., Zakowska M. Europa i Niedzwiedz. — Warszawa: Centrum Polsko-Rosyjskiego Dialogu i Porozumienia, 2013. — 320 s.
63. Malia M. Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. — Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University, 2000. — 528 p.

64. Morozov V., Rumelili B. The external constitution of European identity: Russia and Turkey as Europe-makers // *Cooperation and Conflict*. — 2012. — Vol. 47. — № 1. — P. 28–48.
65. Neumann I.B. Constructing Europe: Russia as Europe's Other // *Political Symbols, Symbolic Politics: European identities in transformation* / Ed. by U. Hedetoft. — Aldershot: Ashgate, 1998. — P. 226–266.
66. Neumann I.B. Uses of the other: "the East" in European identity formation. — Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999. — 281 p.
67. Orenstein M., Kreko P., Juhász A. The Hungarian Putin? Viktor Orban and the Kremlin's Playbook // *Foreign Affairs*. 8.02.2015. — URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/hungary/2015-02-08/hungarian-putin> (доступно 30.06.2016).
68. Prague Declaration on European Conscience and Communism // Victims of Communism Memorial Foundation. 03.06.2008. — URL: <http://www.webcitation.org/64otCtAyz> (доступно 30.06.2016).
69. Reiermann C. Fighting Words: Schäuble Says Putin's Crimea Plans Reminiscent of Hitler // *Spiegel Online International*. 31.03.2014. — URL: <http://www.spiegel.de/international/germany/schaeuble-compares-putin-moves-in-crimea-to-policies-of-hitler-a-961696.html> (доступно 30.06.2016).
70. Resolution on divided Europe reunited: Promoting human rights and civil liberties in the OSCE region in the 21st century // Vilnius declaration of the OSCE parliamentary assembly and resolutions adopted at the Eighteenth annual session. Vilnius, 29 June to 3 July 2009. № as(09)d1e. — URL: <https://www.oscepa.org/documents/all-documents/annual-sessions/2009-vilnius/declaration-6/261-2009-vilnius-declaration-eng/file> (доступно 30.06.2016).
71. Resolution 1481. Need for international condemnation of crimes of totalitarian communist regimes // Parliamentary Assembly. Council of Europe. 2006. — URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=17403&lang=en> (доступно 30.06.2016).
72. Riabchuk M. Emancipation from the East Slavonic ummah // *Eurozine*. 11.03.2015. — URL: <http://www.eurozine.com/articles/2015-03-11-riabchuk-en.html> (доступно 30.06.2016).
73. Riabov O., Lazari de A. Misha and the Bear: The Bear Metaphor for Russia in Representations of the "Five-Day War" // *Russian Politics and Law*. — 2009. — Vol. 47. — № 5. — P. 26–39.
74. Riabov O., Riabova T. Remasculinization of Russia? Gender, Nationalism and Legitimation of Power under Vladimir Putin // *Problems of Post-Communism*. — 2014. — Vol. 61. — № 2. — P. 23–35.
75. Snyder T. Bloodlands: Europe Between Hitler and Stalin. — N.Y.: Basic Books / Random House, 2010. — 544 p.
76. Ukraine Crisis: New EU Chief Donald Tusk Warns of 1939 Nazi Invasion Repeat // *International Business Times*. 1.09.2014. — URL: <http://www.ibtimes.co.uk/ukraine-crisis-new-eu-chief-donald-tusk-warns-1939-nazi-invasion-repeat-1463511> (доступно 30.06.2016).
77. World War Three: Inside the War Room // *Rutube*. — URL: <https://rutube.ru/video/8cd685c7ab446792b4a750338b1c5ae7/> (доступно 30.06.2016).

References

1. Achkasov V.A. Politika identichnosti mul'tietnichnykh gosudarstv v kontekste resheniia problemy bezopasnosti. — SPb: Izd-vo SPbGU, 2012. — 232 s.
2. Achkasov V.A. Rol' «istoricheskoi politiki» v formirovanii rossiiskoi identichnosti // *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. — 2015. — № 2. — S. 181–192.
3. Batalov E.Ia., Zhuravleva V.Iu., Khozinskaia K.V. «Rychashchii medved'» na «Dikom Vos-toke»: obrazy sovremennoi Rossii v rabotakh amerikanskikh avtorov, 1992–2007 gg. — M.: ROSSPEN, 2009. — 380 s.
4. Vall' del' A., Lamber M. Evrope i Rossii ne izbezhat' voyny? // *Atlantico*. 21.12.2015. Perevod na saite InoSMI. — URL: <http://inosmi.ru/military/20151223/234890618.html> (accessed 30.06.2016).
5. Vul'f L. Izobretaia Vostochnuiu Evropu: Karta tsivilizatsii v soznanii epokhi Prosveshcheniia. — M: Novoe literaturnoe obozrenie, 2003. — 560 s.
6. Danilevskii N.Ia. Gore pobediteli! // *Khronos*. — URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_d/gore1.html (accessed 30.06.2016).
7. Diez G. Putinizatsiia germanskoi politiki // *Der Spiegel*. 14.10.2015. Perevod na saite InoSMI. — URL: <http://inosmi.ru/world/20151014/230802093.html> (accessed 30.06.2016).
8. Dubina V.S. Boleznennaia tema Vtoroi mirovoi voyny: pamiat' o seksual'nom nasilii po obe storony fronta // *Vestnik RGGU*. — 2011. — № 17. — S. 47–56.
9. Jendrzejczak M. Turanskoe oblich'e Rossii // *Polonia Christiana*. 29.08.2014. Perevod na saite InoSMI. — URL: <http://inosmi.ru/russia/20140829/222672560.html> (accessed 30.06.2016).

10. Zaritskii T. Rossiiskii diskurs v Pol'she: obraz Rossii v konstruirovani pol'skoi identichnosti // Rossiiane i poliaki na rubezhe stoletii. Opyt sravnitel'nogo issledovaniia sotsial'nykh identifikatsii (1998-2002 gg.) / Pod red. E.N. Danilovoi, V.A. Iadova. — SPb: Izd-vo RKhGA, 2006. — S. 63–87. (accessed 30.06.2016).
11. Koller F. Lekh Valensa: «My dolzhny pomoch' Rossii vstat' na put' peremen, po koto-romu proshli sami» // Le Temps. 09.12.2015. Perevod na saite InoSMI. — URL: <http://inosmi.ru/politic/20151209/234734459.html> (accessed 30.06.2016).
12. Colucci L. Doktrina Putina v deistvii // The Weekly Standard. 28.09.2015. Perevod na saite InoSMI. — URL: <http://inosmi.ru/russia/20150928/230498639.html> (accessed 30.06.2016).
13. Korczyński T. Bezzhalostnaia doktrina Putina // Nasz Dziennik. 20.08.2014. — Perevod na saite InoSMI. URL: <http://inosmi.ru/world/20140820/222500475-print.html> (accessed 30.06.2016).
14. Krylov A. Prakticheski zhivotnaia nenavist' k slavianam // Vzgliad. 7.01.2016. — URL: <http://vz.ru/columns/2016/1/7/787506.html>.
15. Coudenhove-Kalergi R. Pan-Evropa. — M.: Vita Planetare, 2006. — 120 s.
16. Kundera M. Tragediia Tsentral'noi Evropy // Novaia Eŭropa. — URL: <http://n-europe.eu/content/?p=26> (accessed 30.06.2016).
17. Kurnaeva N.A., Riabov O.V. «Gusary deneg ne berut»: Svoi i Chuzhie v gendernom diskurse kollektivnoi identichnosti // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. — 2006. — № 518. — S. 239–246.
18. Leeuv-Roord von der I. Istoriia Rossii v zarubezhnykh uchebnikakh. Doklad, pročitannyi na mezhdunarodnom seminare «Sovremennye podkhody v prepodavanii istorii» (Rossiia, Pskov, 15–17 apreliia 1996 g.) // Metamorfozy Istorii. — 1997. — № 1. — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-rossii-v-zarubezhnykh-uchebnikakh> (accessed 30.06.2016).
19. Malinova O.Iu. Konstruirovaniie makropoliticheskoi identichnosti v postsovetsskoi Rossii: simvolicheskaiia politika v transformiruiushcheisii publichnoi sfere // Politicheskaiia ekspertiza: POLITEKS. — 2010. — № 1. — S. 5–29.
20. Malinova O.Iu. Politicheskoe ispol'zovanie proshlogo kak instrument simvolicheskoi politiki: evoliutsiia diskursa vlastvuiushchei elity v postsovetsskoi Rossii // Politicheskaiia ekspertiza: POLITEKS. — 2012. — T. 8. — № 4. — S. 179–204.
21. Malinova O.Iu. Simvolicheskaiia politika: kontury problemnogo polia // Simvolicheskaiia politika. Vyp 1. Konstruirovaniie predstavlenii o proshlom kak vlastnyi Resurs — M., 2012. — S. 17–53.
22. Maresh T. Obraz vostochnogo soseda: Istoriia Rusi, Rossii i SSSR v pol'skikh uchebnikakh dlia srednei shkoly (40–90-e gg. XX v.) // Vestnik RGGU. — 2008. — № 4. — S. 63–78.
23. Miller A. Evropeiskie voyny pamiati: kto vzorval konsensus istorii i chem za eto zapla-tit // Novaia Gazeta. 3.06.2015. — URL: <http://www.novayagazeta.ru/politics/68655.html> (accessed 30.06.2016).
24. Mnishek I. Demontazh ictorii: Oskvernenie pamiatnikov podderzhivaetsia na gosudarst-vennom urovne // Versiia. 12.01.2015. — URL: <https://versia.ru/oskvernenie-pamyatnikov-podderzhivaetsya-na-gosudarstvennom-urovne> (accessed 30.06.2016).
25. Mer Kishineva predlozhit demontirovat' pamiatniki sovetskim soldatam // Lenta.Ru. 1.09.2014. — URL: <http://lenta.ru/news/2014/09/01/kishinev> (accessed 30.06.2016).
26. Pali A. Finno-ugorskaiia razgadka «zagadochnoi Rossii» // Den'.Kiev.ua. 16.10.2013. — URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/den-planety/finno-ugorskaya-razgadka-zagadochnoy-rossii> (accessed 30.06.2016).
27. Panarina E.A. Razvitie idei evropeiskoi integratsii v pervoi polovine XX veka: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. — Stavropol', 2006. — 27 s.
28. Pol'shu obvinili v «putinizatsii» // Kommersant.ru. 10.01.2016. — URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2889169> (accessed 30.06.2016).
29. Prezident Estonii prizval rossiiskikh finno-ugrov k samoopredeleniiu // Rossiiskaia gazeta. 30.06.2008. — URL: <http://www.rg.ru/2008/06/30/ilves.html> (accessed 7.02.2016).
30. Provokatsiia po-pol'ski. Pol'skii ministr schitaet, chto kontslager' v Osventsime byl osvobozhden ukrainskimi // Rossiiskaia gazeta. 21.01.2015. — URL: <http://www.rg.ru/2015/01/21/osventsim-site.html> (accessed 30.06.2016).
31. Radziwinowicz W. Agressiia rastet // Gazeta Wyborcza. 30.12.23. Perevod na saite InoSMI. — URL: <http://inosmi.ru/russia/20131230/216161613.html> (accessed 30.06.2016).
32. Rizhkovskii V. Kak sdelany «bladlends»? // Ab Imperio. — URL: <http://net.abimperio.net/node/2564> (accessed 30.06.2016).
33. Rossomakhin A.A., Khrustalev D. G. Rossiia kak Medved': istoki vizualizatsii (XVI—XVIII vek) // Granitsy: Al'manakh Tsentra etnicheskikh i natsional'nykh issledovaniiv IvGU. — 2008. — № 2. — S. 123–161.

34. Russkie idut: «Ol'ga obognala Khel'gu» // Der Tagesspiegel. 29.07.2009. Perevod na saite InoSMI. — URL: <http://inosmi.ru/world/20090729/251119.html> (accessed 30.06.2016).
35. Riabov D.O. Rossiia kak «drugaia Evropa» v diskurse evropeiskikh pravykh populistских partii // Politicheskaiа ekspertiza: POLITEKS. — 2014. — № 3. — S. 136–144.
36. Riabov D.O. Obraz Rossii v politike evropeiskoi identichnosti ES: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk. — SPb, 2016. — 34 s.
37. Riabov D.O. Rossiiskii Drugoi v identichnosti ES: Reprezentatsii sovremennogo rossiiskogo gendernogo poriadka v evropeiskoi presse // Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. — 2013. — № 4. — S. 98–105.
38. Riabov O.V. «Matushka-Rus'»: opyt gendernogo analiza poiskov natsional'noi identichnosti Rossii v otechestvennoi i zapadnoi istoriosofii. — M: Lodomir, 2001. — 202 s.
39. Riabov O.V., Konstantinova M.A. «Russkii medved'» kak simvolicheskii pogranichnik // Trudy Karel'skogo Nauchnogo Tsentra Rossiiskoi akademii nauk. — 2011. — № 6. — S. 114–123.
40. Riabova T.B. 'Putin vs Obama': Protivopostavlenie natsional'nykh maskulinnosti kak faktor sovremennogo rossiiskogo antiamerikanizma // Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. — 2014. — № 4. — S. 63–71.
41. Riabova T.B. Gendernye stereotipy v politicheskoi sfere sovremennogo rossiiskogo obshchestva: sotsiologicheskii analiz: dis. ... d-ra sotsiol. nauk. — Ivanovo, 2009. — 385 s.
42. Said E. Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka. — SPb: Russkii Mip, 2006. — 637 s.
43. Stránský Z. Russkie nikogda ne budut «zapadnikami» // Neviditelny pes. 25.05.2015. Perevod na saite InoSMI. — URL: <http://inosmi.ru/world/20150525/228207376.html> (accessed 30.06.2016).
44. Stokovskaia T. Vtoraia mirovaia voina v uchebnikakh istorii stran Evrosoiuzа v kontekste natsional'noi identichnosti // Istoricheskaiа psikhologiya i sotsiologiya istorii. — 2015. — № 1. — S. 21–32.
45. Traver P. «Russkii p'ianitsа» — stereotip zhivuchii. Kakoi russkii ne p'et // Regard sur l'Est. 8.07.2008. Perevod na saite InoSMI. — URL: <http://inosmi.ru/panorama/20080708/242438.html> (accessed 30.06.2016).
46. Tom F. Voina s terrorizmom: chego na samom dele khochet Rossiia? // Le Huffington Post. 4.12.15. Perevod na saite InoSMI. — URL: <http://inosmi.ru/politic/20151204/234680638.html> (accessed 30.06.2016).
47. «Ukraina — eto ne kovrik u dveri Putina» // Radio «Svoboda». 17.10.2015. — URL: <http://www.svoboda.org/content/article/27311335.html> (accessed 30.06.2016).
48. Fomin A.V. Kakoi istorii uchat v shkolakh Litvy. // News.tts.lt. 23.08.2010. — URL: http://news.tts.lt/ru/Litva_i_strani_baltii/8478-Kakojj_istorii_uchat_v_shkolah_Litvy.htm. (accessed 30.06.2016).
49. Voswinkel J. Zver' v mamen'kinom synochke // Die Zeit. 8.10.2007. Perevod na saite InoSMI. — URL: <http://inosmi.ru/inrussia/20071008/237074.html> (accessed 30.06.2016).
50. Himmerle J. Ot strategicheskogo partnera k strategicheskomu protivniku // Neue Zuercher Zeitung. 13.05.2015. Perevod na saite InoSMI. — URL: <http://inosmi.ru/world/20150513/228013535.html> (accessed 30.06.2016).
51. Tsumarova E.Iu. Politika identichnosti v regionakh Rossii: teoreticheskii i prakticheskii aspekty (na primere respubliki Karelii): dis. ... kand. polit. nauk. — SPb, 2014. — 157 s.
52. Jurasz W. Rossiia uzhe otrabatyvalа iadernuiu ataku na Varshavu // Onet.Pl. 9.12.2015. Perevod na saite InoSMI. — URL: <http://inosmi.ru/military/20151209/234734275.html> (accessed 30.06.2016).
53. 23 avgusta 1939 godа: obshcheevropeiskii den' pamiati zhertv vseh totalitarnykh i avtoritarnykh rezhimov // Posol'stvo Estonii v Moskve. — URL: <http://www.estemb.ru/estonija/istorija/aid-2128> (accessed 30.06.2016).
54. Barnavi E. The Museum of Europe, or how to show Europe to the Europeans // Eutopia. 15.06.2015. — URL: <http://www.eutopiamagazinearchive.eu/es/node/754.html> (accessed 30.06.2016).
55. Barth F. Introduction // Ethnic groups and boundaries: The social organization of culture difference / Ed. by F. Barth. — Long Grove, IL: Waveland Press, 1998. — P. 9–38.
56. Berman R. Anti-Americanism in Europe: A Cultural Problem. — Stanford: Hoover Institution Press, Stanford University, 2004. — 186 p.
57. Cohn C. Wars, Wimps, and Women: Talking Gender and Thinking War // Gendering War Talk / Ed. by M. Cooke, A. Woollacott. — Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993. — P. 227–246.
58. Declaration on crimes of communism // Institute for the Study of Totalitarian Regimes. 2010. — URL: <http://www.webcitation.org/5yfNE22gE> (accessed 30.06.2016).
59. Delanty G. Inventing Europe: idea, identity, reality. — L.: Palgrave Macmillan, 1995. — 200 p.
60. EuropeanParliamentresolutionof2April2009onEuropeanconscienceandtotalitarianism. №P6_TA(2009)0213. — URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-%2f%2fEP%2f%2fTEXT%2bTA%2bP6-TA-2009-0213%2b0%2bDOC%2bXML%2bV0%2f%2fEN&language=EN> (accessed 30.06.2016).

61. Harle V. The enemy with a thousand faces: the tradition of the other in western political thought and history. — Westport, CT: Praeger, 2000. — 218 p.
62. Lazari A. de, Riabow O., Zakowska M. Europa i Niedzwiedz. — Warszawa: Centrum Polsko-Rosyjskiego Dialogu i Porozumienia, 2013. — 320 s.
63. Malia M. Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. — Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University, 2000. — 528 p.
64. Morozov V., Rumelili B. The external constitution of European identity: Russia and Turkey as Europe-makers // Cooperation and Conflict. — 2012. — Vol. 47. — № 1. — P. 28–48.
65. Neumann I.B. Constructing Europe: Russia as Europe's Other // Political Symbols, Symbolic Politics: European identities in transformation / Ed. by U. Hedetoft. — Aldershot: Ashgate, 1998. — P. 226–266.
66. Neumann I.B. Uses of the other: "the East" in European identity formation. — Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999. — 281 p.
67. Orenstein M., Kreko P., Juhász A. The Hungarian Putin? Viktor Orban and the Kremlin's Playbook // Foreign Affairs. 8.02.2015. — URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/hungary/2015-02-08/hungarian-putin> (accessed 30.06.2016).
68. Prague Declaration on European Conscience and Communism // Victims of Communism Memorial Foundation. 03.06.2008. — URL: <http://www.webcitation.org/64otCtAyz> (accessed 30.06.2016).
69. Reiermann C. Fighting Words: Schäuble Says Putin's Crimea Plans Reminiscent of Hitler // Spiegel Online International. 31.03.2014. — URL: <http://www.spiegel.de/international/germany/schaeuble-compares-putin-moves-in-crimea-to-policies-of-hitler-a-961696.html> (accessed 30.06.2016).
70. Resolution on divided Europe reunited: Promoting human rights and civil liberties in the OSCE region in the 21st century // Vilnius declaration of the OSCE parliamentary assembly and resolutions adopted at the Eighteenth annual session. Vilnius, 29 June to 3 July 2009. № as(09)d1e. — URL: <https://www.oscepa.org/documents/all-documents/annual-sessions/2009-vilnius/declaration-6/261-2009-vilnius-declaration-eng/file> (accessed 30.06.2016).
71. Resolution 1481. Need for international condemnation of crimes of totalitarian communist regimes // Parliamentary Assembly. Council of Europe. 2006. — URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=17403&lang=en> (accessed 30.06.2016).
72. Riabchuk M. Emancipation from the East Slavonic ummah // Eurozine. 11.03.2015. — URL: <http://www.eurozine.com/articles/2015-03-11-riabchuk-en.html> (accessed 30.06.2016).
73. Riabov O., Lazari de A. Misha and the Bear: The Bear Metaphor for Russia in Representations of the "Five-Day War" // Russian Politics and Law. — 2009. — Vol. 47. — № 5. — P. 26–39.
74. Riabov O., Riabova T. Remasculinization of Russia? Gender, Nationalism and Legitimation of Power under Vladimir Putin // Problems of Post-Communism. — 2014. — Vol. 61. — № 2. — P. 23–35.
75. Snyder T. Bloodlands: Europe Between Hitler and Stalin. — N.Y.: Basic Books / Random House, 2010. — 544 p.
76. Ukraine Crisis: New EU Chief Donald Tusk Warns of 1939 Nazi Invasion Repeat // International Business Times. 1.09.2014. — URL: <http://www.ibtimes.co.uk/ukraine-crisis-new-eu-chief-donald-tusk-warns-1939-nazi-invasion-repeat-1463511> (accessed 30.06.2016).
77. World War Three: Inside the War Room // Rutube. — URL: <https://rutube.ru/video/8cd685c7ab446792b4a750338b1c5ae7/> (accessed 30.06.2016).

Рецензия

М.Ю. Тимофеев

Тимофеев Михаил Юрьевич (Иваново, Россия) — доктор философских наук, профессор кафедры философии Ивановского государственного университета; Email: editor@journal-labirint.com

КАК СТАНОВЯТСЯ ГИПЕРБОРЕЯМИ

(Рец. на кн.: Российская Арктика в поисках интегральной идентичности: коллективная моногр. / отв. ред. О. Б. Подвинцев. — М.: Новый хронограф, 2016. — 208 с. ISBN 978-5-94881-322-6)

Монография «Российская Арктика в поисках интегральной идентичности» стала итогом двухлетней работы исследовательского коллектива проекта «Арктика» под руководством директора Пермского филиала по исследованию политических институтов и процессов Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук О. Б. Подвинцева. Занятые в этом проекте учёные давно успешно занимаются различными аспектами изучения феномена идентичности в целом и региональной в частности. Безусловно, в начале книги акцентируется внимание на позицию к решению проблемы трактовки понятий идентичности и региона, далёких от консенсуса в современной науке. Применительно к идентичности авторы исходили из интегрированного подхода, понимая под региональной идентичностью «комплекс символических, идейных установок и смыслов, связанный с процессом интерпретации регионального своеобразия, через который уникальность региона приобретает осязаемые черты в образах, символах и мифах, разделяемых членами регионального сообщества. В сферу исследовательского интереса, таким образом, попали выразители региональной уникальности, такие, например, как историко-культурный контекст, на основе которого “вырастает” самосознание жителей и механизмы использования этих особенностей через политику по их конструированию». А регион понимается как «территориальное пространство, отделяемое от прочих сложившимися границами, системами коммуникаций между людьми и общей для них культурной памятью и “картиной мира”. История освоения территории, схожая модель хозяйственной деятельности и уклад повседневной жизни поддерживают представления о едином пространстве поверх административных границ и на этой основе устойчивую макрорегиональную идентичность (Русского Севера, горнозаводского Урала, Центральной России и др.)».

Арктика (Север, Дальний Север, Заполярье), как правило, не рассматривалась ранее, как отдельная составляющая России, такая же как Поволжье, Урал, Сибирь, Дальний Восток и др. И уже в первой главе авторы вынуждены признать «отсутствие устоявшихся представлений о составе и границах этого потенциального мегарегиона». Поскольку исследование ориентировано на Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу, утвержденные Президентом Российской Федерации 18 сентября 2008 года, то вопросам конструирования российской Арктики уделяется довольно много места. Так авторы отмечают, что в конце 2000-х – начале 2010-х гг. в информационных сообщениях слова «Арктика», «Сибирь» и «Дальний Восток» стали уже перечисляться через запятую. Целиком в состав Арктической зоны попали четыре субъекта федерации – Мурманская область, а также Ненецкий, Ямало-Ненецкий и Чукотский автономные округа. Кроме них Арктика в составе России охватывает северные районы Республики Саха (Якутии), Архангельской области и Красноярского края, а также город Воркуту, расположенный в Республике Коми.

Авторы резонно полагают, что «выделению Арктики как отдельного макрорегиона на ментальной карте современной России препятствует ряд факторов: сам термин “Арктика” применительно к России недостаточно конкретизирован и имеет ряд конкурирующих понятий; официальная граница арктической зоны все больше проходит не по границам субъектов федерации, а внутри них; решающая роль принадлежит политике идентичности, проводимой со стороны федерального центра, которая в данном вопросе исходит не столько из сложившихся реалий, сколько из стрем-

ления к решению конъюнктурных задач, преимущественно геополитического характера. Следует добавить также, что восприятие данной территории в качестве единого целого недостаточно укоренено в исторической традиции, горизонтальные связи между данными регионами развиты слабо, а общая численность их населения составляет малую долю от числа жителей России».

В обширной второй главе «История, столицы и границы российской Арктики» читатель найдёт практически исчерпывающую информацию о становлении территорий, частично или в полной мере относимым к российской Арктике. Главными или «сердцевинными» территориями формирующемуся Арктическом макрорегионе России авторы предлагают считать Ямало-Ненецкий автономный округ и Республику Саха (Якутия). Применительно к ЯНАО причиной является высокий уровень экономического развития и значимость региона для ненцев – самого многочисленного из коренных народов всей западной и центральной части российской Арктики. Для Якутии таким факторами служат огромные размеры и природные богатства данной территории, а также то обстоятельство, что коренное население уже сравнялось в этом субъекте федерации по своей численности с «переселенческим». Как считают авторы, соперничество двух территорий за роль «основных» не препятствует формированию макрорегиона и может даже иметь положительное значение для его развития. В периферийных по отношению к ним Мурманской и Архангельской областях арктическая идентичность является скорее дополнительной к исторически сложившейся принадлежности к Русскому Северу.

Как можно судить из проведённого исследования, конкуренция в Арктике возможна только между сопредельными территориями, но в тоже время в каждой из них имеются порой весьма запутанные отношения этно-конфессионального соперничества, анализу которого посвящена третья глава (в ней к объектам анализа добавляются республики Карелия и Коми). Для рассмотрения столь сложной проблемы, очевидно, необходим больший объём, чем одна глава, но авторам всё же удаётся обозначить основные группы противоречий и убедительно их описать. Различие арктических регионов рассматривается по следующим основаниям: 1) разный конституционно-правовой статус субъектов Арктической зоны РФ, что определяет степень автономности и самостоятельности региональных властей в решении ряда политических, финансовых и культурных вопросов; 2) геополитическое положение региона; 3) разный характер расселения этнических групп: в рамках одного субъекта, в нескольких регионах одного государства, в разных государствах; 4) коренное население представлено разными языковыми общностями и антропологическими типами; 5) сильное различие религиозных традиций населения рассматриваемых регионов.

Этноконфессиональная тематика в региональном поле заметно активизировалась после распада СССР. Однако интенсивность её внедрения в региональный дискурс варьируются. Авторы указывают, что приграничные субъекты (Мурманская и Архангельская области и Карелия) включились в этот процесс чуть раньше при активной поддержке зарубежных государств. В некоторых республиках (Саха) рост национального самосознания в 1990-е годы поддерживался скорее внутренними силами. Коренные малочисленные народы после создания институциональных структур, призванных отстаивать их интересы, в правительствах соответствующих субъектов начинают оказывать существенное влияние на внутреннюю политику.

В продвижении этнокультурного бренда на региональном уровне заинтересованы не только политические элиты регионов, но национальные активисты. Это касается формирования основ региональной политики и создания этнорегиональной символики. Так «Ассоциация поморов Архангельской области» ставит своей задачей «создание условий для формирования привлекательного образа Архангельской области как центра исторического Поморья и российского Севера». Авторы весьма скрупулёзно исследуют то, как поморская тематика использовалась в последнюю четверть века в действиях региональной политической элиты этой области. «Поморы, на которых делают ставку региональные власти, — пишут они, — не включены в официальный Перечень коренных малочисленных народов Севера, а потому не могут пользоваться рядом льгот и преференций в соответствии с действующим законодательством: правом на традиционное рыболовство, сохранением квот на биоресурсы и традиционных мест проживания, льготной медицинской помощью и

бесплатными лекарствами, участием в финансовых, бюджетных и культурно-образовательных программах поддержки коренных малочисленных народов Севера, а также создавать легитимное представительство на региональном уровне». По мнению авторов, заявления о создании Поморской республики демонстрируют реальные настроения в определенной среде архангелогородцев. Конструирование альтернативной арктической поморской идентичности реализуется на уровне формирования устойчивых нарративов. Эпитет «поморский» включен в названия государственных учреждений (Поморская государственная филармония, Поморский государственный университет, Поморский институт коренных и малочисленных народов Севера), СМИ (ВГТРК «Поморье», журнал «Поморская столица»), компаний (комбинат питания «Поморская трапеза», ресторан «Поморский», торговые фирмы ООО «Поморский сувенир» и «Поморские штучки», гостиница «Столица Поморья», турфирма «Помор-тур») и др.

К разработке официальной символики не во всех арктических субъектах федерации отнеслись как значимой стороне региональной репрезентации. Самым последовательным конструирование символики было в Республике Саха. Там этнический компонент нашел отражение на гербе в изображении древнего всадника на фоне солнечного диска-щита. Зеленый цвет флага призван олицетворять тюркское происхождение народа саха, а белое солнце занимает важное место в якутской мифологии. В целом этнический компонент в официальной презентации региона более заметен в регионах с республиканским статусом. Впрочем, есть примеры и иного рода. Например, мурманские саамы создали собственный гимн, соединив стихи норвежского педагога И. Сабы и музыку норвежского композитора А. Сёрли. Как отмечают авторы исследования, слова гимна «саамам Саамскую Страну!» лаконично формулируют политические требования саамов. В 2010 году при сильном влиянии зарубежных саамов в Мурманской области был создан Саамский парламент с совещательным статусом. Однако всё же географические, северные смыслы преобладают над этническими даже в официальной символике тех исследуемых субъектов, в названии которых отражен этнический компонент.

Важным инструментом закрепления этноконфессионального компонента в региональном контексте в некоторых республиках стал праздничный пантеон. Ещё один значимый канал поддержания этнокультурной идентичности в регионах – это развитие СМИ на национальных языках. Согласно проведённому исследованию, этническая тематика не всегда является приоритетной при формировании туристического имиджа региона. Она, как правило, озвучивается после «арктической», «географической», «природно-климатической» региональной уникальности.

Урбанизация российской Арктики — тема четвёртой главы — достаточно интенсивно изучается в последние годы. Маятниковые миграции существенно препятствуют формированию идентичности, связанной с территорией временного пребывания. «Поэтому индивидуальная модель *городской пассионарной арктической идентичности*, как отмечают авторы книги, характеризуется высокой степенью необязательности и изменчивости. В индивидуальных жизненных стратегиях большей части населения, которое не является коренным, северные города не рассматриваются как место финального пребывания до конца жизни, что не способствует культурной лояльности и потребности в закреплении “временной” идентичности».

Между тем, по мнению авторов, «специфика арктических городов оказывает сильное детерминирующее влияние на формирование идентичности арктических регионов». Именно с ней они связывают современную идентичность арктических регионов России, которая стремительно сложилась в течение второй половины XX века. Тем самым освоение регионов российского крайнего севера оказывается доминантным по отношению к моделям идентичности коренных народов. Приводимая статистика свидетельствует о сокращении реального влияния коренных этносов на современный образ жизни в российской Арктике.

В целом в книге довольно много места уделяется символической политике по конструированию новой метаидентичности. Сравнивая советскую и постсоветскую модели символической деятельности, авторы отмечают преемственность: «Внутри нарративно-символического комплекса российской Арктики меняется лишь относительный вес его отдельных элементов в зависимости

от меняющейся российской и глобальной политической повестки. При этом сохраняется доминирующее положение и инерция героических арктических символов советского прошлого (полярник, Северный полюс, Шпицберген, Северный морской путь (Севморпуть), ледокольный флот, дрейфующая зимовка и пр.). Основное смысловое смещение постсоветского периода связано с переосмыслением прежнего понимания Арктики как стратегического плацдарма времен «холодной войны» в пользу ее интерпретации в 2000-е годы в качестве экономически недооцененного региона, своего рода северного Эльдорадо, способного обогатить ресурсную базу российской экономики».

Поскольку процесс урбанизации в советский период происходил в наиболее сжатом, радикальном режиме, то «северные города не являются органическим следствием имманентного исторического развития традиционных поселений российской Арктики. Они полностью привносятся извне в результате внутренней колонизации территории». В результате *«арктические города по своим совокупным человеческим и экономическим ресурсам естественным образом становятся доминирующим способом организации идентичности социального пространства российского Севера»*.

Сравнивая различные модели освоения районов крайнего севера, авторы указывают, что «арктическая идентичность для европейского и американского массового сознания в настоящее время маркирована, прежде всего, проблемами экологии и дискурсом защиты окружающей среды. <...> В России продолжают господствовать материальные ценности (порядок, стабильность, безопасность и др.), а также соответствующие модели выживания и борьбы за существование, в свете которых экология не может стать доминирующей ценностью».

Предлагая модели развития авторы пишут: «Представляется, что стратегическим решением для развития арктического макрорегиона является не миграция трудовой активности из сферы реального производства в сферу посреднических услуг, а диверсификация и расширение рынка труда за счет умножения отраслей, а) позволяющих сохранить и развить достигнутые уровни потребления, б) ориентированных на обеспечение независимости от внешних рынков, освоение и продвижение уникальной продукции, услуг, технологий. В подобной ситуации основной задачей государства становятся долгосрочные капиталовложения на развитие инфраструктуры и транспортно-логистических сетей (железные и автомобильные дороги, вокзалы, аэропорты, тепло- и электросети)».

В пятой главе «Образы российской Арктики в официальном дискурсе: динамика символической политики власти» авторы отмечают, что «отчетливо наблюдается следующее: если 20-30 лет назад акцент в национальной активности и международном сотрудничестве ставился на экологическом, природоохранном аспекте арктической тематике, то постепенно интерес заметно смещается в направлении экономики и, связанных с ней, военно-политических проблем. Естественным образом такие интересы нуждаются в более интенсивном соответствующем символическом обеспечении».

Оптика исследования, направленная на изучение одного метарегиона, неизбежно смещает акценты, устраняет из поля зрения другие территории (хотя авторы и используют вполне успешно компаративистский подход). Так авторы обращают внимание на то, что с момента публикации «Основ государственной политики РФ в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу» в 2008 году, обсуждение Арктики как особой части российской политики усиливалось, что связано с разработкой Стратегии развития макрорегиона. Однако постоянное присутствие арктической темы в риторике власти не всегда совпадает с интенсивностью принятия и реализации стратегических решений. Например, закон «Об Арктической зоне РФ» не принят до сих пор. Авторы вынуждены констатировать, что «ясная долгосрочная политическая стратегия освоения Арктики в России до сих пор отсутствует».

В последней главе книги «Внутренние стратегии позиционирования регионов российской Арктики» авторы отмечают, что «арктическая Россия» — конструкт, сочетающий в себе как естественные предпосылки своего существования, так и весьма искусственные. Объединение части субъектов Российской Федерации в макрорегион — «российская Арктика» — равноположенно имеет как некоторые предпосылки для подобного объединения в структуре самих региональных идентичностей, так и явные противоречия». Впрочем, «с точки зрения официального дискурса Арктическая

Россия — безусловно сформированный единый конструкт. Данная территория обозначается и позиционируется, в первую очередь, как важнейшая сокровищница природных ресурсов».

Достаточно подробный анализ символической политике на уровне регионов обнаруживает по результатам исследования общие тренды, что может свидетельствовать как об общности подходов, так и о бедности языков описания. Например, «повсеместно доминирующий образ арктической уникальности — природно-климатические особенности территории: суровый климат (составляющие смыслы — север, холод, вечная мерзлота, лёд)», может быть отнесён (за исключением разве что вечной мерзлоты) и к регионам, расположенным не в столь высоких широтах.

Любопытный материал приводится авторами при рассмотрении конкурентной борьбы за право считаться столицей российской Арктики. Так, среди претендентов оказывается Санкт-Петербург, выбор которого демонстрирует достаточно легко считываемый имперский подход. В рамках II Международного форума «Арктика: настоящее и будущее», который проходил в конце 2012 года, губернатор Северной столицы Георгий Полтавченко заявил о том, что город должен стать координирующим центром реализации приоритетных интересов России в Арктике, а Артур Чилингаров добавил, что Петербург всегда считался арктической столицей России...

Отмечу, что арктическая принадлежность ещё не закрепились в русском языке как обозначение жителей территории, подобное сибирякам, уральцам и даже трудно выговариваемым дальневосточникам. Возможность проследить за тем, как жители этого региона становятся «арктичниками» или «арктичанами», судя по результатам исследования, проведённого прикамско-уральскими учёными, достаточно амбивалентна.

Монография «Российская Арктика в поисках интегральной идентичности», не смотря на свою компактность, представляет собой удачный пример комплексного и взвешенного изучения темы формирования региональной идентичности. Авторами проработан большой и очень интересный для разных категорий читателей материал, изложенный в исследовании живым и увлекательным языком, понятным широкой аудитории.

